

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

В.В. Дементьев

Лингвистическая типология и языковые ареалы

Конспект лекций

Саратов, 2011

Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Лингвистическая типология и языковые ареалы» являются ознакомление с общими положениями и дискуссионными проблемами лингвистической типологии и ареальной лингвистики как междисциплинарных наук и основных областей лингвистики; с наиболее значительными типологическими теориями XVIII-XX веков и основными методами типологического анализа (традиционная морфологическая типология языков XVIII-XIX вв., классификация Ф.Н.Финка, типология языков Э.Сепира; квантитативная и контенсивная типологии XX в. (Дж.Гринберг, Г.А.Климов)). В курсе освещаются задачи и основные положения лингвистической типологии и основных ее единиц (языковой тип, тип языка и тип в языке, языковые параметры, пространство типологических возможностей, типологическая классификация); границы объекта лингвистической типологии; задачи и основные положения лингвистики универсалий (языковые универсалии и фреквенталии, универсалии разных типов как возможное основание типологической классификации); задачи и основные положения ареальной лингвистики (языковые контакты, билингвизм, интерференция, языковой союз, языковая политика, пиджинизированные и креольские языки); основы типологических и ареальных классификаций языков и языковых единиц. Теоретические знания и практические навыки, полученные в результате освоения дисциплины, могут применяться выпускниками в научно-исследовательской, педагогической, прикладной и проектной деятельности, при обработке русскоязычных и иноязычных текстов, экспертном лингвистическом анализе звучащей речи и письменных текстов на любом языке в производственно-практических целях, разработке, внедрении и сопровождении лингвистического обеспечения электронных информационных систем и электронных языковых ресурсов различного назначения. Полученные сведения могут быть использованы в научно-исследовательской работе студентов над курсовыми и дипломными работами, в практической деятельности лингвиста-прикладника и преподавателя иностранного языка.

1. Объект и эмпирическая база типологии. *Взаимодействие типологии с другими дисциплинами. Типологическая классификация как способ кодирования информации о структуре языков мира. Лингвистическая типология и теория языка, сравнительно-историческое языкознание, описательное языкознание, ареальная лингвистика.*

Лингвистическая типология – одна из важнейших и наиболее интенсивно развивающихся отраслей современной лингвистической науки. В теоретическом и методологическом плане типология близка к структурной парадигме языкознания: типология занимается сопоставлением структур естественных человеческих языков.

В этом отношении типологические идеи относятся к наиболее естественным для лингвистики в целом. Определенная «типологичность» присуща

любому виду лингвистической мысли: осмысление различий, существующих между языками на уровне системы, есть сравнение языков.

Один из наиболее очевидных выводов, к какому приходят в результате сравнения структур языков, состоит в том, что эти структуры в целом, их отдельные явления чрезвычайно многообразны. Лингвистическая типология призвана дать ответ на вопрос, какова степень и где границы этого разнообразия, насколько языки вообще могут различаться – или должны содержать некие общие черты в своей структуре.

Естественно, для решения столь масштабной задачи необходима, с одной стороны, достоверная информация о многих (всех) языках мира; с другой стороны – достаточно высокий уровень развития лингвистической науки в целом (теоретическая база языкознания и методологические приемы описания и сопоставления языков). Поэтому вполне закономерно, что настоящее развитие научной типологии происходит только в XIX и особенно в XX веке.

Итак, в собственно лингвистическом – системном и науковедческом – плане типология есть один из видов систематизации языков и раздел общего языкознания.

Однако онтологически границы типологии значительно шире. Любая наука имеет типологический аспект, который часто понимается как основа данной науки – собственно системное начало в ней: это формализация, классификация, способ увидеть за единичным явлением общее. Говорят даже об особом типе мышления (исследователя).

В общенаучном масштабе типология – это метод исследования разнообразных и внутренне сложных объектов путем выявления их общих или сходных черт и группировки, объединения объектов с учетом меры этой близости в некоторые классы и подклассы (группы, типы).

Типологические исследования в различных науках могут существенно отличаться по принципам и логическим формам. Так, биологическая типология (систематика растительного и животного миров) опирается на эволюционный принцип; в географии, геологии, этнографии типологические исследования строятся с учетом иерархических (субординативных) отношений между объектами (соответствующие группы объектов одного ранга называются таксонами, а их классификации – таксономическими классификациями, или таксонамиями).

Для понимания некоторых других областей реальности важно выявить как иерархию объектов (т.е. их «вертикальные» взаимоотношения), так и горизонтальные связи, обусловленные разной силой проявления некоторого общего признака (или группы признаков). В результате соответствующая предметная область предстает как континуум объектов или их классов (такой континуум, например, представлен в каждой строке таблицы Периодической системы элементов Менделеева).

Именно эта особенность типологии – выявлять и объяснять системное начало в природе объекта – определяет ее общее науковедческое значение. В этом смысле типологическими являются исследования в рамках многих гуманитарных и негуманитарных наук.

В одном из последних выпусков «Логического анализа языка» – «Космос и хаос» (2003), – специально посвященном общим проблемам упорядочения мира, рассматривается место типологического знания и метода в гуманитарных науках.

Согласно Платону, одному из интерпретаторов понятия беспорядка, неупорядоченная материя («хаос») «чрезвычайно странным образом участвует в мыслимом и до крайности неуловима», по-видимому, потому, что в ней невозможно установить причинность и взаимообусловленность, – хаос невозможно обычным, «простым», способом помыслить, поскольку сами законы мышления созданы на принципе причинности и тождества, что само по себе уже предполагает упорядоченность, нехаотичность, т. е. отрицание хаоса в мыслимом. При этом в приведенных суждениях Платона о неупорядоченной материи имеется в виду то принципиально иное, нежели нынешнее, состояние мира, в котором свойственно находиться всему, «чего еще не коснулся бог». Заметим здесь, во-первых, «позицию наблюдателя», которому непросто помыслить хаос, и, во-вторых, оппозицию «доисторического» беспорядка и ныне существующего порядка, космоса.

Именно этот существующий ныне порядок, очевидный в мире, делает всецело невозможным рассуждение о каком бы то ей было объективном хаосе. Хаоса в ныне созерцаемом мире со всей очевидностью не существует. Так, даже в случае «неуправляемой», «неконтролируемой», т. е. хаотичной, химической реакции (например, термоядерной) следует полагать, что поведение каждой частицы вещества, хотя и неуловимо для наблюдателя, в действительности обусловлено соответствующими параметрами – весом, начальным положением, температурой, рядом внешних условий и т. п. Здесь становится очевидным, что констатируемая в термоядерной реакции «неуправляемость», «хаотичность» есть в действительности невозможность созерцать упорядоченность и сам принцип организации, но никак не фактическое отсутствие упорядоченности.

Соответственно, сама констатация хаоса (или космоса) находится в прямой зависимости от субъекта созерцания, или субъекта рефлексии, (не)обнаруживающего организующий принцип (вспомним платоновскую «субъектность», предполагаемую в «мыслимом» и «неуловимом»). Это со всей определенностью переводит рассуждение о хаосе и космосе в область того, как воспринимаются хаос и космос, каковы критерии их выявления. Другими словами, в рассмотрении хаоса (космоса) необходимо ввести субъект восприятия, без которого и вые которого самого хаоса просто не существует.

Итак, типология (как тип мышления исследователя-лингвиста) есть методика изучения неоднородных лингвистических объектов – языковая таксономия; выявление и осмысление наиболее значимых свойств (семиотической) структуры объекта-системы и групп таких объектов; (часто) классификация.

Это означает, что главную задачу типологии правомерно понимать не более и не менее как выяснение, что такое естественный человеческий язык

(например, в сравнении с тем, что не является языком, с “не-языками” – прежде всего, другими коммуникативными семиотическими системами). Таким образом, задачи лингвистической типологии вполне сопоставимы с задачами (структурной) лингвистики в целом, а типология оказывается не просто важной, но важнейшей лингвистической дисциплиной: «В результате типологических исследований мы можем говорить о каких-то чертах, которые присутствуют во всех языках или, напротив, вообще не могут встречаться в языке; отдельные явления мы можем ставить в связь друг с другом и по одному явлению предсказывать другое, т. е. устанавливать типологические законы» (Б.А. Успенский).

В лингвистике наиболее очевидным проявлением типологического подхода выступает классификация. Следует отметить, что классификации подвергаются как отдельные единицы и явления внутри одной языковой системы, так и системы языков. Традиционно именно вторая задача считается приоритетной для лингвистической типологии (в некоторых исследованиях типологическая классификация языков и лингвистическая типология в целом отождествляются). В этом смысле особое значение приобретает определение места типологической классификации по отношению к другим классификациям языков.

Место типологической классификации определяется тем, что это синхронное сопоставление структур естественных человеческих языков, вопросы же других типов и планов выявления близости (историческая, генетическая, культурная или географическая) могут считаться второстепенными и несущественными.

В целом в лингвистике используются три основных вида систематизации языков: 1) генеалогические объединения, в которых учитываются родственные взаимоотношения языков; 2) типологические классификации языков, понимаемые как объединения (группировки), логически независимые от родословных деревьев языков; 3) территориальные (ареальные) классификации языков. В систематизации языков используются общенаучные принципы типологических исследований, методы генетических и таксономических классификаций, континуумных и ареальных исследований. Однако только в типологических исследованиях языков используется сама идея типа в качестве некоторого объединения объектов с учетом их общих черт.

Именно структура языка и должна служить пунктом отправления, единицей отсчета при типологических сравнениях; в противном случае сравниваются отдельно взятые атомарные явления, которые сами по себе (вне их отношения к другим явлениям того же языка) малоинформативны. Если различные структуры описываются в адекватных терминах и при одинаковых допущениях, то сравнение этих структур и составит предмет структурной типологии. Таким образом, структурную типологию языков можно определить как систематизацию, инвентаризацию явлений разных языков по структурным признакам (т. е. признакам, существенным с точки зрения структуры данного языка).

Естественно, место в лингвистической науке типологической классификации и лингвистической типологии в целом определяется особыми задачами типологии, аспектами сравнения языков (структурно-системные отношения) и использованием особых – сопоставительно-типологических – методов.

Эти важнейшие особенности типологии будут рассмотрены нами в последующих главах, сейчас же считаем важным рассмотреть аспект типологии, чрезвычайно активно обсуждаемый во многих научных дискуссиях (сторонниками данного подхода и его противниками). Так, место лингвистической типологии во многом определяется естественными пределами типологии, которые и отграничивают ее от смежных лингвистических дисциплин наиболее очевидно. Следует сразу же оговориться, что речь идет именно о естественных границах типологии (которые есть у любой науки), а не о ее недостатках. В то же время, справедливости ради, надо отметить, что некоторыми исследователями (противниками данного подхода) данные границы понимаются именно как недостатки – прежде всего, в силу их чрезвычайно существенного характера с точки зрения стандартного лингвистического подхода и материала.

Так, во-первых, типология не должна и не может использоваться для изучения одного отдельно взятого языка.

Во-вторых, типология не исторична.

В-третьих, в современной типологии в целом отсутствуют единые, общепризнанные теоретические принципы и система базовых определений. Естественно, последнее явление труднее всего считать «просто» особенностью, а не очень серьезным недостатком – тем более что речь идет о науке, претендующей на некоторую всеобщность в объяснении языкового материала и теоретичность в плане взаимодействия и сравнения с другими лингвистическими науками. Впрочем, данное свойство вполне правомерно (по крайней мере, в теоретическом плане) рассматривать не как сущностную и потому необходимую особенность типологии, а лишь как временное, хотя и объективное состояние данного этапа развития типологии – тем не менее, этот «этап» пока что распространяется практически на всю историю развития типологии.

В то же время названное свойство может быть отнесено и к вполне сущностным онтологическим особенностям типологии, поскольку, в-четвертых, типология по своей сути субъективна.

Это хорошо видно при сравнении наиболее очевидных данных, которыми оперируют две классификации – типологическая и генеалогическая – и при сравнении двух простейших выделяемых в данных классификациях языковых типов:

Эта близость, выявляемая между «родственными языками» (например, индоевропейскими) в рамках генеалогического подхода, так сказать, «объективна», никакому противнику генеалогического подхода не придет голову отвергать сам факт наличия в языках данных явлений, как и существование близости между данными явлениями и – соответственно – данными языками. Так, например, англ. nose и нем. Nase имеют сходные звуки и фактически тождественные значения – «нос»; англ. hound [haund] «охотничья собака»,

«гончая» и нем. Hund «собака» сходны по звучанию и близки, хотя и не совпадают полностью, по значению. Показательны также соответствия, например, между лат. est: sunt, нем. ist: sind, франц. e: son, соответствие лат. fere и скр. bhaga (латынь закономерно имеет f там, где санскрит имеет bh) или, например, то, что у большинства современных индоевропейских языков показателем 2 лица глагола является морфофонема S (или восходящая к S морфофонема Š), а 3 лица глагола – t или □.

В любом языке есть тысячи форм, обладающих как звучанием, так и значением, связь между которыми не мотивирована. В принципе любое звучание может передавать любое значение. Поэтому, если в каких-либо двух языках значительное число таких единиц совпадает – как, например, в немецком и английском – и если (эта проблема здесь не рассматривается) случаи сходства нельзя объяснить заимствованием, мы по необходимости приходим к выводу об общем историческом происхождении этих языков. Подобные генетические классификации не являются условными, поскольку они не допускают установления других критериев, могущих привести к иным результатам. Это объясняется тем, что подобные классификации отражают исторические события, которые либо действительно имели место, либо нет. Либо немцы и англичане говорят на языке, полученном в наследство от первоначально единого прото-германского речевого коллектива, либо нет. Использование таких терминов, как «семья», «родственный» и «генетический», сближает эту классификацию с биологической классификацией. С генетическими гипотезами в языке дело обстоит так же, как в биологии, где мы относим виды к одному и тому же роду или к подразделению более высокого порядка, поскольку их сходство таково, что наводит на мысль об их общем происхождении.

Иногда обнаруживаются чрезвычайно значительные расхождения в структуре родственных языков, причем эти расхождения не поддаются объяснению с точки зрения сравнительно-исторического языкознания.

Так, по замечанию В. Скалички, генетически родственные языки весьма различны в типологическом отношении, например французский, чешский и армянский языки. Вместе с тем близкородственные языки по необходимости сохраняют высокую степень типологического сходства, что относится в большой степени ко всем славянским языкам.

Можно ли сравнивать языки, выявлять их структурную близость в случае, если их генетическую близость которых нельзя продемонстрировать либо в отношении звуковых, либо в отношении семантических явлений?

В то же время иногда обнаруживается близость (сходство структур) у генетически неродственных языков.

Так, продолжает Дж. Гринберг, знакомясь с текстами на тех или иных языках и с их научными описаниями, мы зачастую обнаруживаем структурное сходство не только у исторически достоверно возводимых к общему источнику языков, но и у таких, родство которых весьма отдаленно или спорно, а также у таких, которые вовсе нельзя считать родственными.

Примерами изоморфных явлений могут служить эргативная конструкция в баскском и грузинском языках, аблаут в индоевропейских и семитских языках, которые отразились на особенностях структуры разных уровней языка.

Семантически во всех языках должны быть средства для выражения сравнения – того, скажем, факта, что один предмет больше, чем другой. Если мы сопоставим все языки мира в этом отношении, мы обнаружим, что число таких приемов ограничено – особая словоизменительная форма прилагательного (англ. *greater* ‘больше’ [ср. *great* ‘большой’]), использование предлога со значением «от» (семитские языки), использование глагола, означающего «превосходит, превышает» (широко распространено в Африке), – и что некоторые из них встречаются чаще других и имеют вполне определенные границы распространения, не совпадающие с генетическими границами.

В области фонетических моделей, безусловно, заслуживает внимания независимое становление системы из пяти гласных с двумя степенями долготы – а, а.; е, е.; і, і.; о, о.; у, у.– в классической латыни, в языке хауса (Зап. Африка), в йокутс (= *Yokuts*) – индейском языке Калифорнии и, несомненно, также в других языках.

Существование такого рода сходств и различий, продолжает Дж. Гринберг, стремление понять и изучить причины, их вызывающие, привело к возникновению в лингвистике особой области – лингвистической типологии, которая исследует степень структурной близости языков независимо от их родства.

И.А. Бодуэн де Куртенэ писал о типологических исследованиях: «Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними. Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу и исторически, и географически. С этой точки зрения мы можем сравнивать... развитие языков славянских с развитием языков семитических, ... развитие языка английского с развитием языка китайского и т. д. Везде мы наткнемся на вопросы о причине сходств и различий в строе языка и в эволюционном процессе.... Подобного рода сравнение языков служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений как в области фонетики, так и в области морфологии языка, так и, наконец, в области семасиологии, или науки о значении слов и выражений».

Из этого видно, что наиболее естественным направлением, развитием – и результатом – типологических идей выступает классификация. Как классифицировать данные явления и – шире – классифицировать языки на такой основе? Дж. Гринберг отмечает, что сравнение языков в генетическом плане позволяет установить классы языков, то есть языковые семьи в общепринятом смысле. Типологическая классификация тоже дает такую возможность, но в отличие от генеалогической классификации у нее нет конкретных связей с историей, и она условна, то есть в зависимости от выбранного критерия или совокупности критериев она приводит к различным результатам. В этом от-

ношении она похожа на классификацию по расам, основанную на ряде условно выбранных признаков.

Если, например, мы выберем такой чисто фонетический критерий, как наличие или отсутствие округления губ, в качестве признака, различающего пары гласных фонем, языки мира распадутся на две группы: на языки, в которых данный принцип противопоставления используется, и языки, в которых он не используется. Английский и итальянский языки, не использующие лабиализации, попадут в один класс А с бесчисленными другими языками, а французский и немецкий вместе с меньшим числом языков из различных частей света попадут в класс Б. Если будет выбран какой-либо иной типологический признак, скажем, позиция зависимого родительного падежа по отношению к существительному, опять возникнут два класса языков, но они не совпадут с теми, которые были получены на основе критерия противопоставления лабиализованных и нелабиализованных гласных. Приняв во внимание оба фактора, можно получить четыре класса.

Некоторые признаки позволяют выделить более чем два класса. Если классифицировать языки семантически на основе имеющихся в них систем числительных, мы получим несколько классов языков: языки с двоичными, пятеричными, десятичными, двенадцатиричными и, без сомнения, также другими системами. Короче говоря, в отличие от генеалогической классификации, в данной, то есть типологической классификации, число языковых групп и их состав будет различным, в зависимости от числа и определенного выбора языковых явлений, использованных для сравнения.

Таким образом, становится очевидным, с одной стороны, существование многих типологических классификаций; с другой – то, что классификации эти могут очень существенно отличаться, и не в последнюю очередь тем, какую пользу они могут принести для лингвиста, то есть своей информативностью. Если понимать, в соответствии с общими задачами типологии как лингвистической дисциплины, данное качество как возможность сказать что-то новое о языке (всех языках человечества), то многие из таких классификаций, как явствует из только что приведенных примеров, приносят мало пользы. Мы стремимся создать типологическую классификацию, которая затрагивала бы важнейшие основные признаки языка и которая была бы полезна во многих отношениях.

Какая же классификация может претендовать на роль такой – «существенной» или «адекватной»?

По мнению Дж. Гринберга, это идущее от рубежа XVIII-XIX вв. деление языков на три типа (в своем классическом варианте) – изолирующие, агглютинирующие и флектирующие.

Какими бы несовершенными, – пишет Дж. Гринберг, – ни казались сейчас рассуждения ученых XIX в. на эту тему, все же главного достоинства выдвинутых схем отрицать нельзя. В качестве основы для классификации инстинктивно было найдено нечто, имеющее кардинальное значение для всесторонней общей характеристики языка, а именно морфологическая структура слова.

В основе всех позднейших классификаций лежит различие, впервые выдвинутое Фридрихом фон Шлегелем в его сочинении «Über die Sprache und Weisheit der Inder» (1808), между языками с аффиксами и языками с флексиями. Оценочное отношение, столь явно проступавшее на протяжении всей последующей истории развития данной теории, ясно видно уже в этой наиболее ранней ее формулировке. Аффиксирующие языки выражают отношения чисто механическим путем. В примечательном сравнении они уподобляются «груде атомов, рассеиваемых или сметаемых вместе любым случайным ветром» (стр. 51). Флективными языками являются только индоевропейские, хотя в этом же направлении развиваются и семитские языки. Эта классификация языков по двум типам была переработана братом Фридриха Шлегеля Августом фон Шлегелем, который в сочинении «Sur la litterature provencale» (1818) описывает уже три класса языков: «языки без грамматической структуры, аффиксирующие и флективные языки» (стр. 559). О языках первого типа, названных последующими авторами изолирующими или корневыми, Шлегель говорит: «Можно было бы сказать, что все слова в них – корни, но корни бесплодные, не производящие ни растений, ни деревьев» (стр. 159). Писать научное сочинение таким языком – это *lour cle force* («просто подвиг»). Аффиксирующие языки используют прибавляемые элементы («аффиксы») для передачи отношений и оттенков понятий, выражаемых корнями, но эти аффиксы все еще сохраняют самостоятельное значение. Относительно флективных языков, в которых подобные аффиксы лишены значений (то есть не имеют конкретных значений), мы узнаем, что в них можно обнаружить нечто вроде органической жизни («организм»), потому что «им присущ жизнеспособный принцип развития и роста» (стр. 159). У Шлегеля, как и у последующих авторов, образцом корневого языка является китайский язык, к флективной группе относятся только семитские и индоевропейские языки; все остальные принадлежат к обширному и неоднородному промежуточному, или агглютинирующему, классу. Немало смущает его, так же как и других, позднейших авторов, тот затруднительный факт, что индоевропейские языки обнаруживали тенденцию утрачивать флексии. Поэтому Шлегель вводит дальнейшее подразделение флективных языков на более ранние – синтетические и более поздние – аналитические. Все известные нам аналитические языки возникают в результате переразложения синтетических языков.

Разумеется, есть множество точек зрения (на данную классификацию), отличных от Дж. Гринберга. Как известно, «традиционную» классификацию очень много, справедливо критиковали (особенно в XX веке) – подробный анализ положений данной классификации и ее критика будут даны в последующих главах.

В целом сама эта проблема представлялась настолько важной Э. Сепиру, что он сделал ее центральной темой своей книги «Язык», единственной книги, внесшей после XIX в. значительный вклад в изучение типологии языков.

Э. Сепир говорил о важности типологических исследований, обозначая то абсолютно объективно существующее свойство языковых структур, суще-

ствование которого делает правомерными такого рода исследования, как basic plan – базисная схема, или «гений» языковой структуры:

До сих пор, разбирая вопросы языковой формы, мы касались лишь отдельных слов и отношений между словами в предложениях. Мы не подходили к отдельным языкам в целом, не ставили вопроса, к какому общему типу они относятся. Мимоходом нам приходилось отмечать, что один язык может достигать крепко слаженного синтеза в такой области, где другой язык довольствуется более аналитичным, поштучным использованием своих элементов, или что в одном языке синтаксические отношения являются в чистом виде, тогда как в другом они комбинируются с некоторыми другими представлениями, заключающими в себе нечто конкретное, сколь бы абстрактными они ни ощущались на практике. Таким путем мы имели возможность извлечь некоторое указание на то, что следует разуметь, когда мы говорим об общей форме того или другого языка, ибо каждому, кто вообще думал об этом вопросе или хоть немного почувствовал дух какого-либо иностранного языка, должно быть ясно, что в основе каждого языка лежит как бы некоторая базисная схема (basic plan), что у каждого языка есть свой особый покров. Этот тип, или базисная схема, или "гений" языковой структуры, есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее в язык, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта. О природе языка мы не можем составить себе адекватное представление при помощи простого перечисления различных фактов, образующих его грамматику.

Переходя от латинского языка к русскому, – пишет далее Э. Сэпир, – мы чувствуем, что приблизительно тот же горизонт ограничивает наши взоры, и это несмотря на то, что сменились ближайшие, знакомые нам придорожные вехи. Когда мы подходим к английскому языку, нам начинает казаться, что окрестные холмы стали несколько более плоскими, и все же общий характер пейзажа мы узнаем. Но когда мы дошли до китайского языка, оказывается, что над нами сияет совершенно иное небо.

Определим основную задачу следующей главы как обсуждение разных решений в этой области, их плюсов и минусов.

Добавим, что лингвистическая типология как учебный курс на общелингвистических и частнолингвистических специальностях вузов является естественным продолжением таких системно-структурных языковедческих курсов, как общая морфология и синтаксис (в большей степени), общая фонетика и лексическая семантика (в меньшей степени).

Так относиться к типологии с педагогической точки зрения позволяет и то, что – в собственно методологическом и терминологическом плане – типология опирается в основном на понятийный и терминологический аппарат общей морфологии и синтаксиса. В частности, ключевыми для типологии являются термины-понятия, разрабатываемые и используемые (с несколько иными целями) в общей морфологии и синтаксисе, например: грамматическое значение (значение морфемы), их типы (вещественные, деривационные, реляционные); грамматическая категория; способ выражения грамматических значений (синтетический, аналитический); фузия, агглютинация; изоли-

рующие, агглютинативные, флективные, полисинтетические языки; эргативность; имплицативность и т.д.

2. Основные понятия типологии: *языковой тип; языковые параметры; языковые универсалии и фреквенталии; пространство типологических возможностей. Тип языка и тип в языке. Причины существования языковых типов. Языковые типы: языки аналитические и синтетические, изолирующие, аффиксирующие и символические. Фузия и агглютинация.*

Сущность любой науки, претендующей на теоретическую значимость, определяется системой основных теоретических понятий. Для лингвистической типологии такими основными понятиями являются, очевидно: языковой тип, языковые параметры, языковые универсалии и фреквенталии, пространство типологических возможностей, типологическая классификация.

Начнем их рассмотрение с первого, который, по-видимому, является не только первым и важнейшим, не только центральной единицей понятийного аппарата лингвистической типологии, но и во многом «парадигмообразующим», во многом определяя облик лингвистической типологии в целом.

Важнейшее для лингвистической типологии (это следует уже из самого термина) понятие языкового типа является недостаточно четко определенным, малоразработанным, как и причины, способствующие образованию определенных языковых типов, несмотря на то, что к настоящему времени лингвистическая типология существует уже свыше 150 лет, и количество типологических исследований огромно и практически необозримо. Типологи оперируют обычно априорным понятием языкового типа, не вдаваясь в его сущность, не ставя своей целью ответ на вопрос, в каков мере языковой тип является фактом существования языка, и в какой – приемом научного описания.

Существуют разные определения языкового типа, разные подходы к его выделению (например, в морфологии и синтаксисе).

Прежде всего, необходимо решить, соотносится ли языковой тип с важнейшими чертами языка / совокупности языков – или всеми чертами? В первом случае тип языка определяется ограниченным числом «существеннейших признаков» и их соотношением – что, естественно, не может не быть очень субъективно. Во втором случае тип языка оказывается довольно абстрактным понятием, лингвистически избыточным, поскольку описание полной совокупности структурных особенностей языка есть не что иное, как исчерпывающее структурно-лингвистическое описание собственно языка – к стати, абсолютно исключающее возможность выхода за пределы данного языка-системы, то есть сравнения; в то же время очевидно, что типологическая классификация с центральным понятием «типа языка» стремится по возможности полно охватить структуры языков.

В лингвистической литературе сосуществуют два основных понимания типа:

1. Тип языка (общий тип) – наиболее общее понятие, позволяющее дать краткую, но в то же время и обычно не претендующую на адекватность характеристику строя данного языка; тем самым тип языка – это строй языка.

Понятие типа языка базируется не на всех свойствах данного языка, а на его основополагающих чертах; тем самым оно смыкается с другим пониманием языкового типа – типа в языке (см. ниже).

Однако общее представление о языковом типе не исчерпывает всю совокупность типов, представленных в данном языке. Сопоставление типологических описаний языков дает основание для составления классификации, основанной на типологических характеристиках, причем выделяются группы языков, по структуре отличающиеся некоторыми общими закономерностями, и каждая такая группа обозначается как тип. Именно при таком понимании языкового типа говорят, например, об агглютинативном, флективном, изолирующем типах языка.

Тип языка, его типологическая характеристика предопределяется типами микроструктур, представленных в этом языке.

Общий тип языка можно понимать двояко в зависимости от целей исследования: можно пытаться суммарно представить все типологическое своеобразие данного языка (такая типологическая характеристика, как уже было сказано, будет довольно громоздкой, и при создании ее возникают затруднения теоретического характера. Можно также, исходя из анализа наиболее характерных для этого языка свойств, дать такое его типологическое описание, которое подходило бы к одному из уже имеющихся классов в общей типологической классификации. Построенная во втором случае классификация языков хотя и будет легко обозримой, но вряд ли сможет обогатить наше представление о свойствах языка как такового. Примером такой типологии может служить классификация Г. Штейнтала.

Второе понимание общего языкового типа является наиболее абстрактным, наиболее субъективным, а типологи всегда в явной или неявной форме стремились к тому, чтобы построенная ими типологическая характеристика языка была по возможности адекватным отображением объективно существующего состояния языка. Типологические теории Э. Сепира, Дж. Гринберга, Б.А. Успенского и других современных лингвистов дают нам несколько более приближающееся к реальному состоянию понятие общего типа языка, однако не всегда они охватывают все уровни и аспекты языковой структуры и не всегда избираемые ими критерии типологического сопоставления оказываются безупречными, что, безусловно, отражается на результатах исследования.

2. Тип в языке (частный тип) – обычно отмеченное в нескольких языках качество языковой структуры, как, например, наличие или степень аналитизма грамматических форм, наличие/отсутствие фонетических изменений на стыке морфем и т. д. и связанный с этим способ соединения морфем – фузия или агглютинация.

Приходится констатировать, что общее понятие типа языка до сих пор является субъективным и по сути своей методологическим, хотя в ходе развития типологических исследований создаются предпосылки более реального рассмотрения языкового типа.

Но, очевидно, следует признать, что частный тип объективно существует в языке. Именно его существование является причиной того, что возможно охарактеризовать язык в соответствии с его структурными чертами – дать его типологическое описание.

Приведем несколько примеров (частных типов). Забегая несколько вперед, зададимся вопросом: если верно, что общий тип определяется уникальной комбинацией частных типов, любые ли частные типы (т.е., собственно говоря, признаки структуры) «годятся» для этой цели? Итак, назовем несколько конкретных частных типов, имея в то же время некую будущую цель – использование их при построении классификации языков – и выделении типов.

Примерами частных типов могут служить следующие: наличие/отсутствие определенных групп фонем носовых, лабиализованных, фарингальных и их особенности; наличие/отсутствие и качество противопоставлений по долготе/краткости, открытости/закрытости гласных, ср. также четыре ряда смычных в санскрите и один – в финском; функциональное поведение фонем – сингармонизм гласных в тюркских и других языках, гармония согласных (например, в языке гуарани); структура слога: СГ, ГС, СГС; наличие/отсутствие тона; фиксированное или нефиксированное ударение, качество ударения; соотношение между слогом и морфемой, между слогом и словом, между морфемой и словом; наличие/отсутствие изменений на стыке морфем (агглютинация – фузия); совпадение /несовпадение именных и глагольных лексем (англ. a fish, I fish); степень противопоставленности корневых и служебных (словообразовательных и словоизменительных) морфем; проявление тенденции к словосложению, словосочетанию или словопроизводству; проявление тенденции к префиксации или к постфиксации, связанное с общими особенностями синтаксической структуры; наличие/отсутствие внутренней флексии (аблаута); распределение слов по семантическим/грамматическим классам (глагольный вид, род существительного, одушевленность /неодушевленность и т. д.) и классификаторы (артиклы, классные показатели в банту); наличие/отсутствие и виды согласования между определяющим и определяемым (ср. изафетную конструкцию, согласовательные классы в банту); эргативная конструкция предложения; особенности порядка слов (фиксированный/нефиксированный, пре- или постпозиция определения по отношению к определяемому, место сказуемого).

Содержание термина «языковой тип» широко обсуждается в лингвистической литературе последних десятилетий. Действительно, выяснение самого понятия «языковой тип» важно не только при выработке классификации языков, существующих на земном шаре, но и при научном описании отдельных языков и языковых групп. Но, хотя вышеуказанный термин часто употребляется на страницах самых разнообразных лингвистических работ, целый ряд вопросов, тесно связанных с определением понятия «языковой тип», остается нерешенным до настоящего времени и порождает самые противоречивые толкования. Предлагаемые ниже соображения не претендуют на исчерпывающее решение проблемы языкового типа, и, возможно, многие из них ока-

жуются дискуссионными, однако необходимость подобных дискуссий отвечает потребностям современной лингвистической науки.

Один из первых возникающих вопросов связан с проблемой отношения в языке формы и содержания. Представляет ли собой языковой тип категорию чисто структурную или он связан с содержательными сторонами языка и их семантическими параметрами? Этот вопрос может быть сформулирован иначе: сказывается ли специфика типа языка на характере моделирования и отражения в языке понятийного восприятия человеческим коллективом реальной окружающей действительности. Известно, что интерес к структуре слова и, в частности, расчленение слова на отдельные морфологические элементы — морфемы — связан с появлением сравнительно-исторического метода. Без морфемного анализа с учетом фонетических изменений и корреспонденции было бы невозможно ни историческое исследование структуры отдельных языков, ни установление генетических прототипов для групп родственных языков, ни существование научно-обоснованных этимологии. Однако интерес к морфологической структуре слова, проявленный языкознанием второй четверти XIX в., привел к ориентации типологических исследований на выделение таких языковых структур, которые в первую очередь различались между собой количеством морфем в слове и характером их сцепления между собой. Отсюда возникли разные варианты типологических (иначе — морфологических) классификаций языков мира, включая широко известную трехступенчатую классификацию А. Шлейхера.

Сам по себе тот или иной морфологический прием, будучи приметой языкового типа, все же не передает его существа. Содержательная сторона языка не отражена в описаниях и классификации А. Шлейхера и его последователей. Функциональная сторона морфолого-синтаксических приемов, отраженная в схеме, предлагавшейся Э. Сепиром, не помогла решению вопроса о связи формы и содержания в языке. Давно стала общим местом в языкознании констатация того факта, что один и тот же морфологический прием можно использовать для передачи разных грамматических значений, равно как и одно и то же содержание может быть выражено разнообразными способами.

Системный подход к явлениям языка внес новые идеи в типологические исследования, выразившиеся в убеждении лингвистов, что сопоставление отдельных форм в двух языках мало информативно, так как при подобном методе можно лишь констатировать, что какие-то формы совпадают, а какие-то расходятся. Поэтому большинство языковедов пришли к решению, что следует ориентироваться на категориальные явления, имеющие принципиальное значение для системы языка. Г. А. Климов пишет: «Проблемы контенсивной типологии, т.е. направления типологических исследований, ориентированных на содержание языковых форм, становятся в современном языкознании предметом все более пристального внимания. Этому едва ли приходится удивляться, если учитывать, что в отличие от формальных («чисто технических» — по выражению Э. Сепира) типологических схем, характеризующих ограниченные фрагменты поверхностной структуры языков, она имеет дело с

целостными языковыми типами, мотивированными специфическими глубинными структурами».

Выявление языковых типов всегда в той или иной мере сочеталось с проблемой классификации языков. Хотя это и связанные между собой (но далеко не взаимозаменяемые) задачи, все же устойчивое сосуществование двух классификаций — генеалогической и типологической — заставляет коснуться вопроса их взаимоотношений. Поэтому следующий вопрос, который уместно поставить, — это соотношение языкового типа с генетическими чертами, объединяющими многие языки мира в семьи и родственные группы. Этот вопрос не тождествен проблеме генеалогической классификации языков, которая основана на возводимости засвидетельствованных языков к единому праязыку. В свете интересующей нас проблемы языкового типа важнее выяснить, сохраняются ли эти неполные праязыковые черты (если они существовали) в языках-потомках, т. е. можно ли говорить о специфическом индоевропейском языковом типе или о языковом типе дравидских языков и так далее. Если, несмотря на все расхождения между языками, подобные языковые типы или генетические ключи могут быть выделены, то как раз они дают дополнительные аргументы в пользу жизнеспособности генетической классификации языков. В языкознании неоднократно возникали сомнения в том, возможно ли типологическое сравнение языков, входящих в одну и ту же генеалогическую группу или семью языков. Многие лингвисты категорически отрицают совместимость понятий «типология» и «родство языков». Иные считают типологические изыскания полезными и совместимыми со сравнительно-историческим изучением родственных языков. При любом решении вышеуказанной проблемы ясно, что понятие «языковой тип» вполне совместимо с генеалогической классификацией, приверженцы которой по существу стремились выделить типологические признаки праязыка (или языка-основы) для данной семьи языков. Разумеется, для установления, например, индоевропейского типа извлекалось все сходное между сравниваемыми языками и отбрасывалось все их различающее. Однако в данном случае нас интересует не методика выделения сходных черт и ее генетическое объяснение, а само стремление «вывести» какой-то определенный языковой тип.

Понимание того, что сходные черты могут наблюдаться в языках, генетически между собой не связанных или давно разошедшихся в своем историческом развитии, было отчетливо сформулировано Ж. Вандриесом в докладе под названием «Сравнение в лингвистике», прочитанном на заседании Лингвистического общества в Париже в 1945 г., Вандриес пишет, что можно сравнивать сходные черты, наблюдаемые в разных языках, не заботясь о том, чтобы этим доказать их родство. Он приводит, в частности, такой пример: в качестве вспомогательного глагол «иметь» употребляется для передачи прошедшего законченного действия во многих языках: *J'ai pris ce livre* означает *je le liens apres et pour l'avoir pris, il est cut re mes mains*. Это наблюдается в романских языках, в германских и в современном греческом, где можно заподозрить влияние латыни. Однако это есть и в других языках, не связанных между собой генетически и не испытавших влияние латинского языка. Гла-

гол «держать» в той же вспомогательной функции есть в португальском и в согдийском, явно не связанных друг с другом. Языки, не употребляющие во вспомогательной функции «иметь», используют оборот «у меня есть» — *est mihi liber*, а не *haber > librum*. Вандриес пишет, что появляется важная задача выявить факты, общие для самых различных языков, чтобы достичь той мыслительной основы, которая скрывается за лингвистической реальностью и которая определяет эту последнюю.

Трудности при сравнительно-историческом анализе языков (на которые в свое время указывал А. Мейе и с чем соглашается и Вандриес) состоят в том, что сходные черты между языками могут объясняться общими тенденциями в их развитии в такой же мере, как и тождеством их общего источника. «Случается, действительно, что сходные изменения происходят независимо в языках, давно отделившихся от их общего генетического источника. Мейе в подобных случаях постулировал существование однородных тенденций, которые, будучи лишь в зачатке в эпоху первоначальной общности, полностью реализуются много времени спустя разделения и расхождения диалектов». Из вышеприведенного высказывания следует, что как Мейе, так и Вандриес полагали, что сходные тенденции в развитии родственных языков не являются просто типологическими параллелями, а объясняются сохранением некоторого исконного (для данной семьи языков) начала, проявляющегося в полной мере при историческом развитии данной семьи (или группы) языков. Таким образом, предполагалось, что типологические черты, присущие данной семье языков, продолжают сохраняться как некий наследственный код. При подобной постановке вопроса типологические и генетические черты сливались и можно было предполагать, что генетически обусловленный языковой тип обладает большой устойчивостью. Однако целый ряд лингвистов допускал радикальное изменение языкового типа в пределах одной семьи, результатом чего могло быть типологическое сближение языков, заведомо не имевших общего генетического источника.

Для индоевропейской семьи излюбленным примером подобного типологического «выпадения» служил английский язык, наиболее полно развивший черты аналитизма, не свойственные древним индоевропейским языкам. Более чем за тридцать лет, прошедшие со времени доклада Вандриеса, типологические исследования неродственных языков, включение ряда понятий типологии в область сравнительно-исторического языкознания и поиски универсалий, общих для всех (или большинства) языков Мира, приобрели колоссальный размах. Однако трудности и сомнения остались те же самые.

Если обратиться к вышеприведенному мнению об отступлении английского языка от индоевропейского типа и его сближении с корневыми языками, т. е. точке зрения, получившей с легкой руки О. Есперсена и А. Масперо широкое распространение в первой четверти XX в., то легко заметить, что она основана на сугубо морфологическом подходе к определению типа языка. В качестве доказательств приводились факты моносилабизма, широко распространенного и в английском языке, слабо выраженной морфологической характеристики частей речи и возникающего отсюда явления конверсии,

грамматизации словосочетаний, т. е. появления аналитических форм и омонимии служебных и лексически полнозначных элементов языка и тому подобные приметы строя английского языка.

Все это действительно имеет место, но вопрос в том, создают ли подобные явления принципиально иной языковой тип по сравнению с другими языками индоевропейской семьи. Не говоря уж о том, что подобные факты в большей или меньшей мере можно наблюдать в курдском и болгарском, французском и норвежском, радикальные отличия от некоего идеального индоевропейского типа скорее можно усмотреть в строе ирландского языка, мало привлекавшегося специалистами по общему языкознанию. Кельтологи справедливо отмечали резкий отход ирландского языка, начиная с классического древнеирландского состояния, от обычных процедур, характеризующих другие индоевропейские языки. Какие бы объяснения не выдвигались для этих отличий, ясно, что многие морфологические, а особенно синтаксические черты ирландского языка своеобразны и неповторимы. Инфиксация и суффиксация местоимений, слияние местоимений с предлогами, структура предложения с обязательно начальным положением глагола-сказуемого, так называемые релятивные формы глагола и тому подобные черты, пожалуй, с большим успехом могли бы контрастировать с индоевропейским типом, чем особенности современных европейских языков аналитического строя. Все дело, однако, в том, что следует считать радикальным нарушением языкового типа, установленного для той или иной семьи языков.

Наше мнение, что как при установлении языковых типов, так и при констатации нарушения генетически определяемых типов преобладала морфологическая точка зрения, подтверждается тем обстоятельством, что лингвисты, констатировавшие подобные изменения в языках индоевропейских, не занимались с этой точки зрения, например, языками тюркскими с характерными для них агглютинативными процедурами в морфологии. (Мы не касаемся здесь гипотез о первоначальном корневом строе агглютинативных языков). Все это опять возвращает нас к проблеме связи языковых типов с генетикой и собственно типологией. Известно, что по этому поводу наблюдается большое разнообразие мнений среди современных лингвистов. Х. Бирнбаум неоднократно утверждал, что генетическая связь между языками должна рассматриваться как одна (и довольно специфическая) среди других мыслимых видов типологической связи, что, естественно, допускает существование таких типов, как индоевропейский, славянский и т.д. Из этого Бирнбаум делает вывод, что генетическая лингвистика подчинена типологической и представляет собой ее интегральную часть. Придерживается он этого мнения и в своих последующих работах, весьма скептически относясь к возможности определения самих языковых типов: «...как любому определению, тому, что представляет собой специфический языковый тип во многих случаях в настоящее время суждено оставаться туманным».

По нашему мнению, вопрос о соподчиненности тех или иных классификаций неправилен по самой своей сути: ведь любая классификация должна иметь в своей основе один принцип распределения изучаемого материала и

именно такой принцип, который, будучи рационально избран, заслуживает названия «основополагающий», определяет целенаправленность классификационной схемы. Это, разумеется, не мешает тому, что сам этот принцип или критерий может быть комплексным, т. е. включать в себя не один, а несколько взаимосвязанных признаков. Поэтому не стоит ставить вопрос о подчиненности генетической классификации типологической; скорее можно утверждать, что это — два метода анализа языков, основанных на разных принципах и критериях выделения сходств и различий между сравниваемыми языками. Что касается постановки вопроса о возможности существования типов индоевропейского, славянского, германского и т. д., то он заслуживает внимания вне своей связи с генетическим принципом классификации языков.

Полагая, что выделение языковых типов должно проводиться на основе объединения некоторого числа существенных признаков, объединения формы и содержания в данном языке, можно допустить возможность показать, что фундаментальные принципы выражения понятийных категорий и их передачи в языковых структурах одинаково специфичны для всех языков индоевропейской или какой-либо иной семьи языков. Тогда действительно можно было бы говорить о существовании языкового типа в кругу того или иного генетического объединения языков. Термин «фундаментальные принципы выражения понятийных категорий», употребленный нами выше, неслучаен. Как уже упоминалось, мнение о типологическом сходстве или несходстве в группе родственных языков в современной лингвистической науке чаще всего обосновывалось несходством форм и грамматических процедур (например, противопоставление аналитизма ~ синтетизму). Хотя характер передачи грамматических значений должен учитываться при анализе языка, решая вопрос о единстве языкового типа, релевантного для той или иной группы языков, приходится обращаться к более глубинным формам их категоризации. Поэтому, говоря о типологическом единстве или отсутствии такового у современных индоевропейских языков, надо учитывать не только формальные языковые приемы, но в первую очередь существующее в них выделение лексико-грамматических разрядов (частей речи), связи между ними, передачу субъектно-объектных отношений, тип пространственных и временных характеристик действия и тому подобные явления. Не исключено, что наблюдаемые различия придется оценивать лишь как варианты одних и тех же основных категорий языка.

Соблюдение синхронного среза при исследовании как новых, так и древних языков необходимо, как нам кажется, потому, что проблема исторического изменения языкового типа не должна смешиваться с задачами выделения критериев для определения этого последнего. Хотя О. Есперсен не рассматривал специально проблему связи типологии и генетики, его известные примеры о разветвленности адъективной парадигмы в готском языке (24 формы) и сжатости в современном английском языке (1 форма у прилагательного), фактологически безупречные, не могут служить ни в пользу, ни в опровержение точки зрения о типологических различиях древних и новых германских языков, так как не только оперирует различными историческими

срезами, но и не показывают, изменился ли сам характер атрибутивных связей в английском (по сравнению с древнеанглийским и родственным языком — готским). Убедительно это можно доказать, только рассмотрев весь комплекс именных классов в языке, участие как существительных, так и прилагательных в сходных и различных позициях, возможность их взаимозаменяемости, лексические и грамматические параметры их значений — иными словами, широко используя не только формальный, но и функциональный подход к оценке языковых фактов.

Следует отметить, что Бирнбаум полагает, что типологическая лингвистика имеет более общий характер по сравнению с генетической именно потому, что типология призвана показать близость языков «в плане содержания, т. е. совпадение основных изоморфных, в значительной мере скрытых семантических (или синтактико-семантических) категорий». В связи с этим, по мнению Бирнбаума, сам лингвистический тип должен собой представлять теоретически более широкое понятие, чем языковая семья. Сама мысль о типологической близости языков на основе их глубинных, семантически содержательных категорий плодотворна, по неизбежно подводит исследователя к проблеме универсалий (о чем ниже) и вместе с тем иерархичность различных семантико-грамматических признаков, видимо, должна играть существенную роль в выделении (и разделении) языковых типов, и здесь неизбежно выступает на первый план вопрос о главных и второстепенных признаках отдельных типов, иначе говоря, проблема самого набора признаков, достаточных для типологической характеристики того или иного языка. Что касается споров по поводу взаимоотношений и соподчиненности отдельных классификаций языков, то прав Г. Жюкуа, когда указывает, что различия во взглядах на эту проблему в лингвистике являются результатом разных методологических установок. В зависимости от того, считают ли главной задачей типологии характеристику лингвистических систем, которая в результате сравнения языков может привести к их классификации или, наоборот, ставят классификацию как первую задачу исследования, сам объект исследования будет формулироваться по-разному, а, следовательно, и ориентация научных поисков окажется различной.

При любой ориентации лингвистического исследования необходимо учитывать особенности строения системы языка. Поэтому возникает вопрос, в какой мере специфика различных сторон языка (т. е. характер его уровневой структуры) должна быть учтена при определении языкового типа. Следует ли избирать только наиболее структурированные участки языка, например его фонологическую или морфонологическую систему, или все уровни языка должны анализироваться для «выведения» языкового типа. Последний вопрос может быть представлен в плане решения проблемы взаимосвязи и взаимозависимости различных уровней языка. Если считать каждый язык образцовой системой, отдельные части которой коррелируют между собой, то, очевидно, следует искать те единые межуровневые параметры, которые определяют данный языковой тип. Однако ни один язык не представляет собой гомогенного целого хотя бы потому, что на любом синхронном срезе он со-

держит элементы нарождающиеся и элементы отмирающие, которые, «вписываясь» в систему языка, тем не менее придают ей неповторимое своеобразие. Последнее особенно ощутимо при сопоставлении одноуровневых пластов структуры различных языков.

Какой же из уровней структуры языка может считаться наиболее показательным и, следовательно, наиболее удобным для выделения и характеристики языковых типов? Рассматривая типологические характеристики языков на уровне фонологии, Бирнбаум, на наш взгляд, справедливо отмечает трудность в отграничении типологических показателей от универсальных закономерностей, возможных для всех языков. В частности, речь идет о заполнении «пустых» клеток в фонологической системе того или иного языка на основе наблюдаемых фактов обязательного присутствия немаркированных (естественных для языков) фонем при наличии маркированных (могущих быть «необязательными» для языка). Так, наличие в языке лабиализованных гласных переднего ряда (типа [ö], [ü]) предполагает существование в той же системе нелабиализованных гласных переднего ряда. Вместе с тем присутствие в языке лабиализованных гласных заднего ряда (типа [o], [u]) может считаться «естественным», и, будучи немаркированным, наличие подобного ряда может не сочетаться или, наоборот, сочетаться с отдельными случаями нелабиализованных гласных заднего ряда, например русск. [ы] или румынское, болгарское и турецкое [ă]. Точно также трудно предположить, чтобы язык, обладающий рядом звонких придыхательных, не имел бы ни одного глухого придыхательного. Среди языков мира не было зарегистрировано такого, где существовали бы только назализованные гласные без одновременного наличия ртовых (чистых) гласных. В подавляющем числе языков наблюдаются только ртовые гласные, но есть некоторые языки, обладающие назализованными гласными (французский, португальский, отчасти польский) при одновременном существовании в тех же языках ртовых гласных.

Что же может из констатации вышеприведенных фактов извлечь лингвист для типологической характеристики того или иного языка? Подобные закономерности, если можно так выразиться, слишком всеобщы и «универсальны», чтобы служить для убедительной индивидуализации языковых типов. Разумеется, при описании отдельных языков все черты их фонологической структуры должны отмечаться, но для типологии лучше избирать более выразительные признаки, и данных только одного — фонологического уровня, видимо, недостаточно. (Узость чисто морфологического подхода к языкам и формам их описания уже была нами отмечена выше).

Если исходить из предположения, что необходимо брать функционально значимые области языковых структур, то, вполне естественно, на первый план сразу выдвигается предложение как коммуникативно высшая часть строя языка. Реализуя в своей структуре такие важные категории, как предикативность описываемого действия или состояния, отношение субъекта и объекта действия, категорию лица и т. д., предложение, казалось бы, отвечает требованию подхода к типологическим единицам как необходимому объединению содержательных и формальных признаков. Однако далеко не само-

очевидно, что предложение является единицей языка. Известно, что по этому поводу высказывались очень противоречивые суждения и лингвисты не единодушны в своем признании за предложением статуса единицы языка.

Синтаксис, как тесно связанный с понятийными и логическими категориями, неоднократно служил базой для типологических изысканий. Выдвижение на первый план синтаксиса, как исходной базы для исследования и классификации языковых типов в работах И.И. Мещанинова, вероятно, объяснялось его постоянным стремлением проникнуть в содержательную сторону языка. В целом это шло в русле проблемы отношения языка и мышления, всегда привлекавшей к себе внимание советских лингвистов.

В историческом плане многие преобразования в морфологии действительно начинаются при употреблении тех или иных морфологических форм в рамках синтаксических конструкций. Содержательная сторона морфологических парадигм раскрывается или при их противопоставлении в целостной морфологической системе, или при чередовании отдельных форм данного морфологического ряда в однородных синтаксических структурах. Различные стороны или «уровни» языка имеют большую или меньшую удаленность между собой в разных точках языковой системы. Как могут сказываться эти специфические «уровневые» черты на определении языкового типа?

Если представляется методически удобным брать для характеристики языкового типа наиболее строгие и формализованные модели, находимые в грамматике, то вместе с тем нельзя не учитывать, что даже столь «рыхлая» область языка, как лексика, связана в отдельных своих участках с грамматическим строем языка и не может быть исключена при определении языковых типов. Определенные лексико-семантические структурные группы имеют связь с грамматическими построениями или даже воздействуют на них. Ближе всего к этому вопросу современная лингвистика подошла при анализе связи лексических подгрупп глаголов с определенными синтаксическими построениями. Не только грамматические понятия, подобные переходности / непереходности глагола, но и семантические группы типа глаголов речи, чувственного восприятия и т. п. во многих языках непосредственно связаны с выбором различных грамматических моделей. И.И. Мещанинов, в частности, писал: «По семантике глагол, в известном периоде развития речи, относится к определенной группе, используемой лишь в определенном строе предложения... В итоге получается разнообразие в структуре предложений данного языка, причем это разнообразие оказывается точно регламентированным».

Нам уже приходилось писать в другой связи о том, что синтаксис, располагая в целом рядом моделей, обладает очень ограниченным числом приемов передачи синтаксических отношений. Кроме того, если считать модели предложения категорией языка (а не речи, как полагают многие языковеды), то по своей дистрибуции в языках мира они оказываются не всегда достаточно разнообразными для того, чтобы служить типическими признаками для классов языков, могущих относиться к одному и тому же языковому типу. Видимо, опираться только на модели предложения при выделении языковых типов опасно, так как подобные группы могут, с одной стороны, быть весьма

обширными, а с другой — не иметь достаточно широкого набора различных признаков, т. е. тех конструкций, которые, встречаясь в одном языке, не будут встречаться во многих других языках мира. В принципе выделять языки можно по любому признаку и, как неоднократно говорили, бинарный подход может явиться простым и часто очень выразительным. Ссылаясь на Р. Якобсона, считающего, что в подавляющем большинстве языков (если не во всех) предикация с указанием на «состояние» выражается одним из двух асемантизированных глаголов со значениями «быть» и «иметь» (с первоначальным акцентом на интранзитивность / транзитивность), Бирнбаум пишет, что можно было бы по этому признаку разделить все языки на языки с «быть» и языки с «иметь». Безусловно, семантико-синтаксический анализ языков на основе вышеуказанных параметров представляет значительный интерес, и для отдельных языков Подобные исследования проводились. Однако линии деления языков по признаку «быть» — «иметь» не совпадают с делением их по генетическим признакам. Конструкции с «иметь» характеризуют современные чешский и словацкий языки, в то время как русский, видимо, надо скорее относить к типу языков с «быть». Поскольку в финно-угорских языках преобладает конструкция с «быть», некоторые лингвисты (как например В. Кнпарский) ставили вопрос о возможном влиянии финно-угорского субстрата на русский язык, в то время как многие ученые приписывали широкое использование конструкций с «иметь» в чешском и словацком влиянию немецкого языка.

Формы соотношения «быть» и «иметь» даже в одном языке, как показали специальные работы, в их синонимических и антонимических связях очень многолики и разнообразны. Скорее эта сторона дела представляет интерес, чем просто избрание вышеуказанного бинарного признака для характеристики языков. Конечно, можно построить несколько типологических классификаций языков, беря за основу то один, то другой признак языковой структуры, что уже имело место в истории лингвистики. Но задача состоит в том, чтобы выбрать среди возможных наилучшую. По-видимому, брать за основу типологических определений только какой-либо один из уровней языка недостаточно, расчеты на «отклики» одного уровня языка в другом (как бы зеркальное отображение или своеобразный изоморфизм, который пытались нащупать лингвисты) пока себя не оправдали. Представляется, что более целесообразно искать не отклики одного уровня в другом уровне языка, а те взаимосвязанные «межуровневые» явления, в области которых могут проявиться «пучки» различных уровневых признаков. Таким образом, именно участки языка, представляющие собой сосредоточие переплетающихся явлений лексики и грамматики, должны приниматься во внимание при определении языковых типов. Это касается не только, например, выразителей категории действия в измерении пространства и времени или в его отнесенности к агенту и пациенту, но и различных частей лексики как системы. Может оказаться важным и то, как проходит (и существует ли вообще) размежевание между словами, выражающими качество предмета и качество действия,

иначе говоря, для каких языков действительно подразделение качественных характеристик между прилагательными и наречиями.

Взаимосвязанность различных уровней языка имеет прямое отношение к методике выделения языковых типов, так как возникает вопрос, может ли какая-либо черта, специфическая для одного уровня данного языка, отражаться (на) в строении другого уровня этого же языка. Хотя это не вполне то же самое, что проблема «пучков» (или «связок») универсалий, но нечто подобное, только с большим акцентом на системность в строении уровней языка. Дело в том, что подобное отражение подразумевает четкие внутрисистемные связи для каждого уровня. Другой аспект влияния «теории уровней» на задачу выделения языковых типов заключается в характеристиках передачи близких значений средствами разных уровней. Труднорешимая проблема состоит в том, что каждый уровень языковой системы обладает набором различных средств или форм передачи значений. Какие же из подобных средств irrelevantны по отношению к языковым значениям, какие являются сигналом того, что сами эти значения имеют другое качество? Или, может быть, все средства передачи грамматических (или иных) категорий языка не безразлично употребляются в языке, а в каждом случае симптоматичны для какой-то новой, иной модуляции языкового значения.

Принятие второй точки зрения чревато опасностью представить многообразие языков мира как несводимое множество, что привело бы не только к отсутствию классификации языков, но и к невозможности их сравнительного описания. Видимо, надо остановиться на первой из высказанных выше гипотез, но тогда следует дифференцированно подходить к набору формальных средств каждого уровня языка.

Следующая группа вопросов касается связи языковых типов, видимо, ограниченных в своем числе, с теми лингвистическими универсалиями, которые многие лингвисты стараются выделить как общеязыковые характеристики языков мира. Очевидно, что в данном случае речь может идти только о так называемых дизъюнктивных универсалиях, так как именно то, что объединяет одни языки и разъединяет между собой другие, может быть использовано как характеристика определенного языкового типа.

Теория универсалий соприкасается с проблемой выделения языковых типов по двум линиям. Во-первых, по линии иерархии универсалий. Действительно, если одна универсалия обуславливает существование какой-либо определенной второй и есть между ними связи, дающие в итоге не изолированные, единичные универсалии, а целые «пучки» или «связки», то ясно, что при определении языкового типа важно брать некий (и возможно небольшой) набор «ключевых» универсалий, которые будут подразумевать существование других признаков универсалий, связанных с уже избранными. При разработке данного аспекта проблем универсалий в языке параллельно неизбежно возникает вопрос, должны ли подобные «связки универсалий» относиться к одной области языка, т. е. каждая связка должна состоять только из признаков характеристик одного уровня языковой структуры (как это может следовать из приведенного Гринбергом примера взаимозависимости зад-

них и передних имплозивных согласных), или составные части таких «пучков» могут относиться к разным уровням языка. Однако при рассмотрении тех возможностей, которые таит в себе теория универсалий для определения языкового типа, следует иметь в виду некоторые специфические аспекты методики поиска универсальных категорий в языках мира.

Чаще всего (как это, например, демонстрируют работы, в целом очень полезные, проводившиеся в Стэнфордском университете в США с 1967 по 1976 г.) берется какое-либо понятие, с необходимостью отражаемое в языке, и рассматриваются те средства, которыми различные языки мира выражают его в своих грамматических или лексико-грамматических системах. Понятия принадлежности, времени, пространственных отношений и категории числа неоднократно служили предметом подобных изысканий. Нет сомнений в полезности таких последовательных работ. Демонстрация конкретного материала нескольких десятков, а то и сотен различных языков, поданная на основании определенных принципов отбора и обобщения, сама по себе представляет большую ценность для науки.

Однако необходимо указать на две опасности, возникающие при применении вышеуказанного метода поиска языковых универсалий. Первая — это опасность искать нечто уже заранее данное и, следовательно, возникающее отсюда неизбежное стремление найти искомое без учета всех реально сопутствующих обстоятельств существования и функционирования данного языка. В итоге работа часто сводится к демонстрации и перечислению тех средств и формальных приемов, которыми в данном языке передается понятие, запланированное для поиска. Таким образом, может оказаться, что вместо выявления содержательных «глубинных» черт той или иной универсалии во всем богатстве ее многосторонних связей со специфическими типологическими характеристиками ряда языков мы получим обедненный и схематический контур категории, «удобной» лишь в том отношении, что по причине своей абстрактности это действительно может быть приложимо ко всем и к любому языку. Понятно, что помощь для языковедческой науки от подобных процедур минимальна.

Вторая серьезная опасность — это изоляция лексического или грамматического явления и оценка его вне его связей в системе сопредельных категориальных значений. Когда лингвист рассматривает передачу понятия будущего времени, исходя из предположения, что в языке должна существовать какая-то форма выражения подобной универсальной категории и даже прилежно регистрирует все возможные средства ее выражения в данном языке, он не в состоянии учесть, что в каждом отдельном случае связи этого категориального значения могут находиться в различных комбинациях с другими категориями языка.

Безусловно, изоляция какого-либо явления в целях удобства его научения — один из частых и оправданных методических приемов и научном исследовании. Но разве не скажется на характеристике будущего времени как категории языка тот факт, что в одном языке эта категория соседствует с категориями пространственной характеристики действия, его видового содер-

жания, а в иных случаях опирается на систему модальных характеристик действия и в некоторых языках оказывается в какой-то мере слитой с категорией и формами выражения наклонений. Необходимость выразить в языке отношение предмета и его качественных характеристик, видимо, является универсалией. Но не только формальными приемами передачи данного отношения различаются в типологическом плане отдельные языковые группы. Важно наличие в том или ином языке лексико-грамматических разрядов, специализированных для выражения атрибутивных отношений, возможности синонимических замен (подразумеваем здесь грамматико-синтаксические, а не лексические, синонимы), коррелятивные связи различных форм частей речи. Именно такие черты определяют типологию языковых структур и поэтому даже при использовании только имплицативных универсалий для характеристики языковых типов лингвисту приходится быть очень осторожным в своих обобщениях.

В недостаточной мере подвергалась изучению в современной лингвистике проблема связи универсалий в плане решения вопроса о градации самих понятийных категорий по степени их важности для овладения человеческим сознанием реальных явлений окружающей действительности. Между тем, если подходить к универсалиям как содержательным категориям языка, важно решить не только в историко-гносеологическом, но и в синхронно-функциональном планах, вопрос о том, которые из универсалий являются более всеобъемлющими, а которые — частными или вторичными. Данная проблема стоит, по-видимому, на грани лингвистики и психологии, однако ее решение имеет первоочередное значение для правильной ориентации лингвистических исследований. В гносеологическом плане сходные вопросы были поставлены В.З. Панфиловым, главным образом в связи с материалом по истории категории числа.

Желательна фронтальная разработка ряда понятийных категорий в их сравнении одной с другой. При этом, как нам кажется, нельзя ожидать, чтобы их соотносительная значимость находила себе отражение в том или ином языке по линии полного изоморфизма. Частная история развития и особенности системы того или иного языка могут обусловить выдвигание «на передний план» неоднозначных содержательных категорий. По-видимому, синхронный срез языков мира даст картину более разнообразную, чем сама история формирования и развития содержательных категорий языка в связи с развитием человеческого мышления. Но, повторяем, эти проблемы важны не только для истории, но и для законов функционирования языковых элементов в системе. Однако чаще всего лингвисты ограничиваются замечаниями о том, что абстрактные понятия возникают на базе конкретных, что пространственные отношения первичны, а временные — вторичны, что субъектно-объектные связи можно рассматривать как отражение центробежности и центростремительности и т. п. Видимо, этого недостаточно.

Неоднократно указывалось, что в современной лингвистике теория универсалий разрабатывается в тесной связи с проблемой типологии языков. Возникают вопросы: как определить понятие «универсалии»? Есть ли непо-

средственный выход от обобщений (генерализаций) к универсалиям или они в принципе различны? Какова связь между типологическими исследованиями и поиском языковых универсалий? Какова природа связи между понятийными (концептуальными), семантическими и грамматическими категориями? Все эти и им подобные вопросы безусловно имеют важное теоретическое значение. Они были адресованы участникам Международной конференции по языковым универсалиям, проводившейся в Гумерсбахе (ФРГ) в 1976 г. Тем не менее, видимо, приходится согласиться с Х. Либом, который указывает, что со времени появления в 1961 г. известного «Меморандума» Гринберга и его соавторов особенного прогресса и качественных изменений в понимании сущности языковых универсалий не наблюдается.

Осознание того факта, что все слишком универсальное не может служить выявлению характерологических (по терминологии Матезиуса) признаков языков, присутствовало с самого начала, когда наряду с формулировкой Хоккета, гласившей, что «языковая универсалия является чертой или свойством, разделяемым всеми языками или пронизывающим весь язык». Осгуд отметил, что именно «статистические, не всеобщие универсалии наиболее интересны для науки о языковом поведении». Но есть вторая сторона теории универсалий, заслуживающая пристального внимания, а именно универсалии в их связях с понятийными категориями. Определение универсалий как не формальных (т. е. охватывающих не просто формы языка), а именно содержательных категорий имеет прямой выход к положению о том, что тип языка должен выявляться с учетом связи формы и содержания в языке и характеризуется в первую очередь определенным типом моделирования содержания в формах языка. Следствием этого должно быть привлечение к определению языковых типов не только универсалий, запечатлеваемых в грамматической системе морфолого-парадигматического образца, но и таких классов, как части речи, их соотношение между собой и даже (возможно) более «лексические» категории, если одни из них оказываются в достаточной мере структурированными.

Рассмотрение всего комплекса вопросов, связанных с определением понятий типологии в их соотношении с теорией лингвистических универсалий, не входит в задачу настоящего очерка. Хотелось только указать, что именно понимание типологии как совокупности не просто формальных, но и содержательных процедур определяет ее выход к теории универсалий. Видимо, подобное понимание сущности типологии не общепринято. Признавая связи типологии и учения об универсалиях, Дж. Гринберг оставляет область для типологии более формальную, нежели содержательную («контенсивную» по терминологии Г. А. Климова). «В настоящее время типологические исследования обычно начали соединяться с поисками лингвистических генерализаций... По странному повороту судьбы метод, который в прошлом употреблялся для характеристики и определения различий между языками, сделался главным орудием в изучении лингвистических генерализаций...». И в этой же работе: «Теоретический анализ основных типологических понятий помогает расширить наше представление о межъязыковой генерализации, а примене-

ние этого анализа дает удобную методику для вскрытия таких генерализаций на низших эмпирических уровнях и таким образом поставляет материалы для более широких и глубоких выводов относительно природы человеческого языка». Получается, что Гринберг отводит типологии некоторую подсобную роль в поисках универсалий, признавая ценность типологических работ главным образом для сбора и первичного обобщения материалов.

По нашему мнению, языковой тип представляет собой определенную форму организации понятийного содержания языка. При выделении языкового типа с его дистинктивными признаками лучше было бы использовать одно уровневые явления языка, хотя вследствие целостности языковой системы черты одного уровня должны коррелировать со строением других уровней. Категориальное объединение признака и предмета-носителя этого признака, т. е. невыделение самостоятельного лексико-грамматического ряда прилагательных, должно сказываться в синтаксических построениях атрибутивных и предикативных комплексов. Морфологическое выделение действия, концентрированного в сфере только субъекта, или, наоборот, действия, направленного на объект, отражено на парадигматической оси предложения в той же мере, как и в морфологических парадигмах слов, могущих выступать в роли выразителя субъекта и объекта. Одномерность при выделении языковых типов гарантирует непротиворечивость строения их моделей. В какой-то мере это всегда будет идеальная схема, обработанная на материале ряда языков, но «примеряемая» впоследствии к отдельным конкретным языкам.

Представляется, что оценка типологических закономерностей как известной «перелицовки» универсалий, даваемая Гринбергом, недостаточна. Приводя пример имплицативной универсалии на материале консонантных групп, он пишет: «Для всех языков существование начальных консонантных групп подразумевает наличие таких групп в середине слова, но не *vice versa*. Этот же факт можно констатировать с помощью типологии со включением двух условий: наличия начальных групп (согласных) и наличия срединных групп. Для каждого мы должны иметь либо его присутствие, либо отсутствие в языке, в последнем случае со знаком минуса... Логическое соответствие между имплицативной универсалией и соответствующей типологией может быть сформулировано в следующих словах: утверждение, что для всех языков существование начальных групп подразумевает наличие срединных групп, равно утверждению, что не существует языка такого типа, который обладал бы начальными группами и не имел бы срединных групп. Типология распределяет языки мира по четырем возможным типам, из которых только три существуют в реальном воплощении: а) языки, в которых присутствуют как начальные, так и срединные группы (пример — английский); б) языки с срединными группами согласных, но без начальных групп (пример — тамильский); в) языки, где нет ни начальных, ни срединных групп (пример — гавайский); г) языки с начальными, но без средних групп — ни одного».

Может ли, хотя по фактам и верная, типология подобного рода помочь в характеристике языковых типов?

Явно нет. Дело не только в ее односторонности, но главным образом в недостаточной фундаментальности избранного признака для сущностной характеристики языка. Однако прежде чем подойти к вопросу о том, в каких областях разумнее всего искать основные признаки, характеризующие различные языковые типы, обратимся к правомерности постановки вопроса о возможности существования «смешанных» языковых типов. Если полагать, что языковой тип складывается из ряда или, точнее, из совокупности отдельных языковых примет, то уже тем самым обеспечено избрание самых существенных признаков для его характеристики и нет необходимости создавать гамму «переходов», тем более что, как было сказано выше, сам «языковой тип» представляет собой идеальную, т. е. в известной мере абстрактную, модель. Универсалии представляют собой своеобразные изоглоссы, связывающие отдельные языковые типы, но удельный вес одной и той же универсалии для разных языковых типов может быть различным. Так, категория объекта, по видимому являющаяся универсалией в языках мира, может играть разную роль в языках, грамматически различающих одушевленный и неодушевленный объект действия и в языках, морфологически нивелировавших эти различия в единой падежной форме и в одинаковом синтаксическом построении.

В реальной действительности можно найти немало языков, совмещающих в своем строе, казалось бы, весьма противоречивые построения. Объяснение таких фактов кроется в исторической гетерогенности системы каждого языка. Следует сразу сказать, что, по нашему мнению, объект и задачи диахронической типологии совершенно отличны от проблемы выделения и определения языковых типов. Объяснительная сила диахронической типологии состоит в нахождении тех исторических закономерностей, которые определяют процессы языковых преобразований. Сложность историко-типологических изменений состоит, на наш взгляд, в том, что один и тот же прием в разные исторические периоды существования языка и в различном сочетании с другими приемами, используемыми для передачи языковых значений (в первую очередь грамматических), может не только иметь различный удельный вес и различные количественные показатели, но и вообще для типологической характеристики данного языка обладать совершенно иной значимостью. Поэтому неблагодарно приравнивать многочленные сложные слова современного немецкого языка к инкорпоративным комплексам (как мы знаем, такие попытки были) или сопоставлять флективно неформленные определения в современных европейских языках с таковыми в древнейших, дофлективных конструкциях. В этом смысле поверхностные структуры действительно «поверхностны».

Большого внимания заслуживают не совпадения, подобные указанным выше, а нахождение взаимосвязанных совокупностей языковых характеристик. Можно полагать, что в первую очередь подобные совокупности располагаются внутри одного уровня языка или близкосвязанных уровней (напри-

мер, между морфологией и синтаксисом), но затем необходимо продолжить поиски таких взаимосвязанных совокупностей и между разными уровнями (например, между грамматикой и типами организации лексического материала языка, между фонетикой и грамматикой и т. д.). До настоящего времени убедительный показ подобных взаимозависимостей касался довольно узких и близких сфер. Часто указывали на сопряженность словообразовательных и словоизменительных процедур: в языках с разветвленной парадигмой флективного типа обычно наблюдается богатство словообразовательных суффиксов, в языках со сжатой парадигмой или парадигмами, организованными на основе аналитической техники, на первый план в области словообразования выступает конверсия. Известные успехи были достигнуты при анализе взаимосвязи различных моделей в области порядка слов. Дж. Гринберг по этому поводу пишет: «Кажется, в настоящий момент есть один пример типологии более чем двух измерений, которые достаточно гетерогенны, чтобы это характеризовало отдельные языки в отношении достаточного широкого набора взаимосвязанных свойств, именно порядок слов. Например, если я знаю, что какой-либо язык имеет последовательность VSO (т. е. глагол — субъект — объект), можно предсказать, что в нем используется препозиция и такая связь между отличительными чертами *argoté* будет расценена как имеющая бóльшую независимость, чем связь между начальными и серединными группами согласных».

Наиболее сложен вопрос для диахронической типологии (также как, впрочем, и для любого исторического исследования) — о причинах типологических изменений. Сочетание экстралингвистических факторов (которые нельзя полностью элиминировать) с факторами внутривидовыми как следствием исторического преобразования самой системы языка по законам развития этой системы должно оцениваться, на наш взгляд, в пользу превалирования внутрисистемных импульсов. Ведь только при таком подходе к специфическому явлению — языку можно говорить о диалектике развития, о переходе количества в качество, о взаимодействии и взаимообусловленности различных сторон языковой системы. Механичность в объяснении типологических изменений «влияниями» приводит к непонятному «круговороту» языковой структуры. Например, Леманн дает изменения индоевропейского праязыка от строения VO через влияние какого-то агглютинативного языка к OV и опять — к хорошо известному для индоевропейских языков строю VO. В подобных объяснениях удобства технического порядка состоят лишь в том, что можно типологическую невыдержанность какого-либо языка объяснить неполным охватом всех сторон языка данным иноземным влиянием, но тогда оказывается невозможным решить, какие же черты того или иного языка являются ведущими и определяющими тот или иной языковой тип.

Неоднократно делались попытки установить корреляции и определить взаимозависимости между морфологическими и синтаксическими структурами в языках мира. Хотя никто из современных лингвистов не обольщается надеждой найти реально существующий язык «чистого» морфологического типа, та или иная модель, превалирующая по своему использованию, может

быть выявлена в каждом языке. Поэтому распределение языков с последовательностью VO (глагол + дополнение) и с последовательностью OV (дополнение + глагол) часто упоминается в современной лингвистике. Заметим, что исторически эта модель для данного языка непостоянна. В таких древнегерманских поэтических текстах, как Эдди, Беовульф, Песня о Хильдебранде, преобладает последовательность OV, в то время как в более поздних памятниках германских языков превалирует модель VO. Это дает повод У. Леманну заметить: «всё указывает, что данные языки сменили модель OV на VO, а традиционные поэтические тексты сохранили примеры более древней конструкции».

Для синхронных типологических исследований, имеющих, как нами отмечалось выше, объект исследования, отличный от такового при типологии диахронической, выводы о сменах конструкций и их распределении по разным языкам и разным типам текстов имеют ту ценность, что объясняют возникновение типологически разноплановых черт в одном и том же языке. Известно, что в тексте Ригведы сравнительная конструкция могла строиться по модели «меда слаще» (что, по идее Леманна, свойственно OV — языкам) и по модели «слаще меда» (структура VO—языков), причем последняя модель начала превалировать в позднем санскрите и в большинстве индоевропейских языков. Эта черта, а также невозможность реконструировать относительные местоимения для праиндоевропейского, сближает его с агглютинирующими языками (типа японского), по мнению некоторых лингвистов. Однако достаточно ли подобных фактов для того, чтобы обосновать существование «смешанных» языковых типов? Разумеется, все существующее в языке имеет для него значение, однако в плане типологической характеристики должны быть выделены более существенные и менее существенные черты для каждого языка. Вместе с тем идеи, неоднократно высказывавшиеся в лингвистике относительно обязательной отмеченности некоторых значений и отношений для любого языка, заслуживают внимания и самой тщательной проверки. Следовательно, содержательный и формальный анализы при типологическом исследовании языков неизбежно должны сочетаться. Именно это сочетание формального и смыслового анализа языка поможет правильно определить место тех или иных приемов в языковой структуре.

«Переходные» периоды в развитии языка и языков должны учитываться при историческом исследовании, но в определении языкового типа большее значение, чем наличие разноплановых черт в структуре языка, имеет удельный вес той или иной конструкции среди других возможных образований и ее соотношение с синонимичными и омонимичными моделями. Для синхронной типологии представляют интерес попытки лингвистов показать известную сбалансированность отдельных черт в том или ином языке, что помогает типологическому сближению генетически разнородных языков. Так, Леманн старается доказать следующую закономерность языковых структур. Если язык принадлежит к виду VO, то определители предложения (qualifier markers), передающие вопрос, отрицание, а также возможность, возвратность, деидеративность, помещаются перед глаголом, а в языке типа OV они

следуют за глаголом. Языки последнего типа (модель OV) в морфологическом плане очень часто являются агглютинирующими. Таковы, например, японский, кечуа, турецкий. Леманн приводит следующий пример отрицания в простом предложении японского языка: *yomaseta* 'он заставил читать', *yomasenai* 'он не заставляет читать', *yomarenai* 'это не читается'.

Подобные примеры демонстрируют известную «сбалансированность» в построении простого предложения, выражающуюся в том, что его модификаторы помещаются с противоположной стороны по отношению к главному сопроводителю глагола — дополнению. Сходное явление отмечает Дж. Гринберг у элементов, служащих определениями для имен: в языках типа VO они следуют за именами, в языках типа OV они предшествуют именам. По принципу построения предложения, выделяемому Леманном, «модификаторы имен» занимают это место потому, что они помещаются со стороны модифицируемого элемента, противоположной по отношению к его главному сопроводителю. Именно глаголы являются главными элементами для дополнений. На первый взгляд картина, даваемая Леманном, кажется очень четкой. В японском вопросительная частица следует за глаголом, занимая конечное положение в предложении: *yomu ka* 'читает ли он' (*ka* — вопросительный элемент). Агглютинация происходит в данном случае потому, что модифицирующее предложение элемент прикрепляется к последнему из главных его составляющих — глаголу. Нас, однако, в данном случае больше всего интересует соотносительность синтаксических моделей и морфологического типа языка.

Прежде чем перейти к разбору этого вопроса, заметим следующее. Взаимозависимость фактов морфологии и фактов синтаксиса неоднократно отмечалась в лингвистической науке. Однако вопрос о направлении, т. е. об изначальной базе подобных явлений, решался по-разному. Иногда указывали на то, что известная «ущербность» морфологической структуры языка, наблюдаемая, например, в языках аналитического строя, компенсируется в плане передачи грамматических значений синтаксическими приемами, например, твердым порядком слов. Иногда, наоборот, в синтаксисе видели ту среду, которая генерирует новые морфологические явления при использовании в качестве членов предложения тех или иных разрядов лексем, например, образование новых лексико-морфологических разрядов, типа слов категории состояния, образование новых наречий при использовании лексем в роли обстоятельства в предложении, образование форм аналитического спряжения глагола на базе сложных предикативных комплексов и т. п. По-видимому, в историческом плане ни та, ни другая область не имеют приоритета.

В каждый данный момент своего существования язык обладает морфологией и синтаксисом, и эти две области грамматического строя языка тесно связаны между собой. Безусловно, специфика структурной организации данного языка сказывается на формах взаимозависимости морфологии и синтаксиса и на способах выражения грамматических значений и морфологической парадигматике или в синтаксических моделях. Хотя в статье Леманна, цитированной выше, эксплицитно не выражена мысль о приоритете синтаксиса,

все же создается представление, что именно последовательность сцепления элементов предложения приводит к агглютинативному строю. Процессы исторических изменений в строе языка, видимо, более сложны, чем просто замена структуры OV на VO. Кстати сказать, если для современных германских языков, в частности английского, структура VO типична и почти обязательна, то для строя древних германских языков, например древнеанглийского, где структуры OV были очень частыми, агглютинация была совершенно нехарактерна.

Известно, что древнегерманские языки всегда определялись как флективные. Соответствие размещения модификаторов предложения (отрицание, возвратность и т. п.) и определений для именных компонентов основного состава предложения также не может считаться универсальным явлением. Кажалось бы, что в современном английском языке с абсолютным превалированием модели VO определение должно помещаться после определяемого имени, но хорошо известно, что, как правило, определение, выраженное словом (прилагательным, падежной формой имени), всегда предшествует определяемому, исключение представляют только многочисленные развернутые определения и придаточные предложения. Поэтому нам кажется, что в языке большую роль играет так называемое *rule of proximity*, т. е. стремление помещать грамматически и по смыслу связанные слова рядом друг с другом, а не сформулированное Леманном правило, помещать модификатор по другую сторону по отношению к какому-либо элементу, выступающему в роли основного сопровождающего. В языках последовательно агглютинирующего типа выдерживается принцип размещения различных маркеров по отношению друг к другу. Некоторая непоследовательность объясняется, видимо, тем, что некоторые подобные элементы (маркеры) многозначны и могут передавать то одно, то другое значение. Примеры (берем их из указанной статьи Леммана) из японского и турецкого дают следующую картину: *yomi ka* 'читает ли он?', *yoma-nai* 'он не читает', *yoma-nai ka* 'разве он не читает?', *yomi-tai* 'он хочет читать', *yomi-taku nai* 'он не хочет читать', *yomi-taku nai ka* 'разве он не хочет читать?', *yoma-se-nak-atta* 'он не заставил читать'. Последовательность маркеров в японском: модальность — отрицание — вопрос (маркеры для прошедшего времени и сослагательного наклонения — коаддиционалиса помещаются после отрицания). В спряжении турецкого глагола отмечаются категории лица и числа, занимающие конечное положение: *gömmü-üyor-mu* 'разве он не смотрит?', *görmü-üyor-mü* 'могу ли я не смотреть?'. Можно полагать, что в размещении маркеров играют роль не столько структурные, сколько семантические принципы. Так маркеры вопроса часто идут последними может быть именно потому, что все предложение формирует вопрос. Маркер отрицания идет предпоследним, если все предложение передает отрицание (т. е. имеет отрицательный смысл), а не только сам глагол. Процедуры, подобные вышеописанным, могут, разумеется, дать материал для типологической классификации языков, но правильнее было бы сказать, что они должны быть учтены при формулировании признаков того или иного языкового типа. Дело не только в том, что большинство языков не «идеаль-

но» в смысле выдержанности той или иной модели и реализует смешанные типы конструкций, но недостаток подобного приема классификации языков заключается, на наш взгляд, в ее малых возможностях для выделения различных подклассов. Безусловно, бинарный принцип распределения материала всегда подкупает своей простотой и стройностью, но для таких многообразных и сложных структур, как языки, приходится учитывать сумму различительных параметров, варьирующихся в своем составе. Что же из них можно считать основным для характеристики отдельных языковых типов, а что должно расцениваться как внутривидовое варьирование? Это следующая тема, заслуживающая детального разбора.

Очень труден вопрос о качественных различиях тех языковых структур, которые могут послужить признаками для выделения языковых типов и тем, что может быть отнесено за счет варьирования в системе языка. Проблема эта содержит ряд задач для решения;

1) Отношение качества и количества. Создаст ли, например, дробность какой-либо грамматической категории ее новое качество или не создает? Например, наличие двух наклонений: изъявительного и сослагательного (для всех нереальных, не имевших места действий) или (как это мы находим во многих языках) — восьми, десяти и больше конкретизированных наклонений. Чаще всего «разрастаются» наклонения ирреальности. Два числа — единственное и множественное или десять—пятнадцать? Обычно разрастание системы идет за счет конкретизации множественного. Если все вышеприведенные примеры будут сочтены за варианты, то где тот «порог», который отделяет их от качественных сдвигов?

2) Связаны ли вариантность и качественные различия в какой-либо мере с генетикой языков? Если ответ будет положительным, то это в значительной мере подрывает целесообразность морфолого-типологической классификации языков и даже использование ее терминологии при выделении языковых типов.

3) Если признать наличие вариантов, то, может быть, при разделении языковых типов следует выделять промежуточные зоны признаков, которые будут характерны для некоторых языков.

Если исходить из определения языкового типа как формы организации понятийного содержания языка, то различные формы расчленения понятия или синкретизм понятий (например, объединение вида и времени, вида и наклонения, времени и наклонения и т. п. явления, наблюдаемые во многих языках) имеют прямое отношение к проблеме выделения языковых типов. Вместе с тем расчлененность того или иного понятия сама по себе не создает языкового типа, хотя, несомненно, представляет интерес для описания данного языка. В лингвистической науке детализация пространственных отношений (так же как и переосмысление элементов, раньше служивших для выражения пространственных отношений, а впоследствии приобретавших другие функции) была объектом многочисленных работ. Например, известно, что в кламатском языке указание на близость («этот») и дальность («тот») как

для одушевленных, так и для неодушевленных имеет по четыре формы со своими семантическими оттенками:

«этот» — 1) находится достаточно близко, чтобы к нему можно было прикоснуться

2) находится совсем близко

3) стоит перед говорящим

4) имеется налицо, находится в поле зрения «тот» — 1) видим, хотя и удален 2) отсутствует 3) отсутствует — удалился 4) находится вне поля зрения.

Следует еще учесть, что все эти формы существуют отдельно для подлежащего и для дополнения. С вашей точки зрения дробность однопорядковых явлений имеет для типологического сравнения языков меньшую ценность, чем разность в моделировании языками комплексов связанных представлений.

Более существенна для определения языкового типа другая черта кламатского языка: сочетание пространственных и временных элементов отношения. Все, что относится в кламатском языке ко времени, выражается словами, которые применялись раньше к пространственным отношениям. Наречия времени произошли от наречий места, иногда продолжают сохранять оба значения (довольно частое явление во многих языках мира). (Время в кламатском глаголе указывается с помощью частиц, первоначально имевших локативное значение. Нет глагола «быть». Глагол на самом деле лишь указательное местоимение «этот» в глагольной форме, т. е., приняв глагольную форму, местоимение стало означать «быть здесь»). В общей форме соединения понятий, относящихся к сфере пространства и сфере времени, — почти универсалия для языков, однако именно конкретные линии объединения и разделения этих понятий, происходящие в разных направлениях в отдельных языках, могут стать полезными параметрами для выделения языковых типов.

Должен ли языковой тип выделяться при оперировании различительными чертами, имеющими (каждая) строго одномерное выражение? Я полагаю, что в каждом языковом типе содержится некоторый набор черт, отличающий один тип от другого, но при этом каждая из этих черт должна быть строго одномерна, т. е. моносемантична. Недопустим набор признаков для отдельной отличительной черты, хотя на первый взгляд это может показаться более экономичным в описании языка. Полезно выяснить, что представляют собой эти признаки и одинаков ли принцип их выделения для явлений различных уровней языка.

Часто в случае определения отличительных (дистинктивных) признаков прибегали к бинарным оппозициям, но иногда использовали градуированную шкалу различий. В итоге разбивка отличительных черт оказывалась более дробной. Ф. Паркер считает, что всякая отличительная черта (или признак) должна отвечать ряду требований: 1) каждый признак должен иметь протяженность и не перекрывать другие, т. е. отличительный признак определяет каждую точку независимого и полунезависимого параметра, 2) он должен определять один и только один континуум, 3) то определение имеет наи-

большую ценность, которое точнее ограничивает набор возможных отличительных признаков, сохраняя при этом критерий адекватности описания³⁰. Подобная разбивка на одномерные признаки безусловно полезна в практике анализа конкретного материала, несмотря на то, что само число таких признаков может очень возрасти. Сам Паркер иллюстрирует свое положение примером из области фонетики, указывая, что если оппозицию «гласный» — «согласный» разбить на более дробные части, то в полученной схеме найдут себе место все спорные случаи (например, определение сонантов (г) и [j]).

Схема

+ вокалический — + консонантный + вокалический — — вокалический.

Следовательно:

+ консонантный [г], [т] — консонантный [i], [j].

В системе своей аргументации Паркер использует математическое понятие *scalar* 'скалярный', справедливо указывая, что, видимо, основное различие между скалярными и бинарными признаками представляет собой различие количества по отношению к качеству. Скалярные черты включают максимум информации для одного признака, в то время как бинарные черты содержат (или должны содержать) всю информацию относительно одного и только одного параметра. Поэтому для описания естественных языков требуется больше бинарных черт, чем скалярных, но если даваемые черты являются минимальными элементами, то это подрывает саму цель теории дистинктивных признаков, состоящую в том, чтобы свести всю информацию воедино с возможной последующей ее разбивкой.

Возникает вопрос, в какой мере вышеупомянутые процедуры необходимы для выделения и определения языковых типов. Они могут помочь при сличении сходных значений в двух сравниваемых языках, особенно когда речь идет о выборе между основным, общим значением и его вариантами, что часто представляет собой сложную проблему при анализе близкородственных языков. Приведем в качестве иллюстрации материал по модальным глаголам в современном немецком и английском языках.

Модальность принадлежит к тем категориям, которые можно назвать «многомерными», и надо полагать, что семантическая вариантность многих грамматических категорий и их смысловые связи с соседними ставят вопрос о выделении в них самих таких дифференциальных признаков, которые делали бы возможным их сопоставление в различных языках. Могут быть, конечно, случаи, особенно для близкородственных языков, когда не только в целом, но и в своих частностях данная грамматическая категория единообразна для двух языков. Все же это редкое явление.

Система служебных (иногда называемых вспомогательными) глаголов, передающих модальные значения в немецком и английском, рассматривается как определенное средство грамматической категории, выделяемой на основе оппозиции к отсутствию модального значения в предложении, что, возможно, лучше было бы называть «положительной» модальностью л противовес к целой серии модальных значений, выражаемых вышеупомянутой системой служебных глаголов. В обоих языках наблюдается большая градуирован-

ность модальных значений, иногда коррелирующих по линии использования в обоих языках равнозначных модальных глаголов, но чаще имеющих лишь частичное соответствие в реальных контекстах своего использования. Существование шести модальных глаголов в современном немецком языке (sollen, wollen, müssen, können, dürfen, mögen) создаст выбор из шести возможных по отношению конструкций английского языка (например, нем. kann, darf — англ. can, may; нем. muss, will — англ. must, have to, will, want to). Л. Баума, посвятивший данному вопросу свою статью, правильно указывает, что трудность определения соотносительных значений модальных глаголов в двух языках (немецком и английском) заключается в том, что эти глаголы используются в языке для передачи широкого спектра информации и поэтому они неизбежно оказываются связанными не только со значениями модальности, но и с такими грамматическими категориями, как время, наклонение, а вместе с тем другой своей стороной примыкают к некоторым чисто лексическим моментам в строе языка.

Взаимосвязанность, а иногда синкретизм в системе категорий глагола вынуждает при типологической характеристике языков держать в поле зрения проблему вариативности грамматических значений. Разумеется, флективная морфологическая парадигма может служить более надежной отправной точкой исследования, чем грамматизованные или полуграмматизованные сочетания аналитического типа. Однако полисемантизм свойствен и морфологической парадигме, а аналитические Конструкции РО многих языках прочно вошли в морфологию. Все это заставляет исследователя четко определять главное и варьирующееся для данного языка, так как языковой тип может быть выделен только по основным, а не побочным типологическим приметам.

В пределах частных систем языка взаимопроникновение грамматических значений создает для разных языков конфигурации, совпадающие по своим общим контурам, но не совпадающие по внутреннему членению. Характеризуя глагольную систему современных европейских языков с типологической точки зрения, Хаарман берет сочетание таких грамматических корреляций, как время, вид, способы действия, модальность, которые в совокупности конструируют парадигму глагола. Грамматизованное выражение времени (по ходу рассуждений Хаармана это можно было бы назвать морфологизованным выражением времени) выделяется в любом языке как основная оппозиция.

Следующая система, обозначаемая Хаарманом как глагольная система с грамматизованным временем и грамматизованным видом (Aspekt), имеет ту особенность, что в языках, ею обладающих, помимо времени в парадигматике выделена и видовая оппозиция. Вместе с тем не существует такого языка, который, имея грамматизованный вид, не имел бы временных оппозиций. Из этого следует, что грамматизованный вид не выступает изолированно в глагольной форме, но всегда в сочетании со значением времени. В языках возможно такое сочетание, которое автор называет «глагольной системой с грамматическим временем и рудиментарной видовой оппозицией». Этот тип

он усматривает в современных романских языках. Все романские языки (за исключением румынского) используют вневременную (атемпоральную) оппозицию двух форм претерита. Возможны усложненные оппозиции (время— модальность—способ действия), которые Хаармад находит в глагольных системах некоторых тюркских (гагаузский, татарский, башкирский) и финно-угорских (удмуртский, марийский) языках. Конечно, одной, хотя и важной, части речи с ее категориями недостаточно для выделения языкового типа. Однако при частных исследованиях подобные материалы, безусловно, служат одной из ступенек познания сложной системы языка.

Нам представляется, что при изучении явлений грамматики в плане типологического сравнения языков может быть плодотворно использовано положение А.В. Бондарко о необходимости проводить различие между понятием «грамматическая категориальность» и понятием «грамматическая категория». По мнению А.В. Бондарко, первое понятие представляется более широким, чем второе. Так, категориальностью (хотя и особого рода) могут характеризоваться лексико-грамматические разряды (например, существительные одушевленные и неодушевленные, собирательные, вещественные; глаголы предельные и непредельные). Автор совершенно правильно, на наш взгляд, указывает, что «не все, что охватывается понятием категориальности в грамматике, можно рассматривать как грамматические категории». Трактовка морфологической категории как «системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным содержанием» зь помогает, по нашему мнению, избежать опасности «размывания» чисто грамматических значений, окруженных морем сопредельных понятий.

В некоторых случаях, однако, приходится оперировать тем, что можно было бы назвать «широкой» парадигмой. Возьмем как пример положение англ. you в системе грамматических категорий, характеризующих английские местоимения. You может относиться к любому, числу людей, а так как you, употребляемое в значении ед. числа по отношению к одному лицу, исторически пышло из формы мн. числа местоимения 2-го лица и сохранило старую форму согласования с глаголом, то оппозиция единственно-го/множественного может быть поставлена под сомнение. Логично было бы заключить, что 2-е лицо личных местоимений в английском языке не отмечено категорией числа и что последнее значение выявляется не парадигматически, а лишь контекстуально. Однако, если мы обратимся к ряду возвратных местоимений, производных от местоимений личных, сразу появляются морфолого-парадигматические различительные признаки: myself — ourselves, yourself — yourselves и т. д. Оказывается, что для всей местоименной парадигмы в целом можно доказать значимость оппозиции единственное/множественное.

Хотя при анализе структуры языка принято оперировать минимальными величинами и мы сами выше указывали на важность выделения одномерных различительных (дистинктивных) признаков (с. 54) > легкомысленно было бы утверждать, что при сопоставлении языков в целях выделения разных языковых типов микро-единицы надежнее того, что можно было бы назвать

макроединицами. Между тем в морфологической (типологической) классификации языков исходили от морфем, иногда привлекая еще формы их соединения в слове, но значительно реже учитывали строение словосочетания или особенности организации парадигматических рядов.

Если при определении языковых типов мы будем стремиться сочетать формальные критерии с содержательными и выявлять особенности передачи мыслительных категорий в том или ином языке, то неизбежно придется рассмотреть функционирование выделяемых единиц в типичных для них окружениях. Под последними следует понимать как парадигматические ряды для однопорядковых единиц, так и возможные корреляции единиц различной структуры в рядах синонимических. Нам представляется, что важно не только распределение содержательных категорий, отражающих восприятие человеком явлений окружающей действительности и часто находящих выражение в специфической организации лексико-грамматических разрядов языка, но и то, как распределяются, например, понятия качества, действия, состояния, деятеля (т. е. производителя действия) и т. п. между частями речи и как эти и им подобные значения связаны между собой в данном языке.

Понимаемая в широком плане синонимика может проявляться не только в лексических синонимах, но находить также свое претворение в том, что можно было бы назвать «контекстуальной синонимикой». При сравнении отдельных языков между собой именно этот тип синонимики оказывается существенным, так как вышеуказанные понятия, выражаемые в языках в пределах разных лексико-грамматических разрядов, при более широких контекстах могут оказаться взаимно эквивалентными. Однако поскольку каждый лексико-грамматический разряд имеет присущие ему грамматические категории, в процесс сравнения языков неизбежно вовлекаются явления, стоящие на «стыках» отдельных уровней языка.

Выше мы уже упомянули, что попытки найти корреляции между разными уровнями в плане «отзвука» закономерностей одного уровня в другом принесли пока что мало результативных данных. Убедительными были или явления близкие между собой (например, типы формообразования и словообразования), или явления (как факты порядка слов), по существу относящиеся к одному и тому же уровню языковой структуры. Поэтому нам кажется целесообразным вести исследование с позиции выражения содержательных категорий языка именно в пограничных областях лексики и грамматики, включая в грамматику оба раздела: морфологию и синтаксис. Очевидно, однако, что эти области, именно как пограничные, не могут содержать в себе всех явлений данного уровня языка. С методической точки зрения самого поиска это тоже вряд ли было бы целесообразно. Тин языка больше проявляется в микроконтекстах, чем в макроконтекстах, поэтому в основном перед исследователем окажутся факты, связанные с грамматической и лексической валентностью частей речи и их поведения в словосочетаниях, лексико-грамматическая направленность процессов словопроизводства, категориальные признаки главных членов предложения (в их число мы включаем также категорию объекта).

Как же с этих позиций можно расценивать связи типологии и генетики? Иными словами, существует ли в синхронии индоевропейский или какой-либо иной языковой тип. Из того, что уже было сказано, ясно, что по своей структуре языковой тип может совпадать и может не совпадать с генетическими объединениями языков. Можно полагать, что тюркские языки в целом демонстрируют весьма однородный тип языковых структур, хотя отдельные, частные варианты здесь возможны. Но можно ли сказать, что современные индоевропейские языки должны характеризоваться одним языковым типом? Если подходить к ним по вышеуказанному приему выделения пограничных межуровневых зон для определения языковых типов, то нет сомнения, что организация морфологических парадигм, омонимия членов различных лексико-грамматических разрядов, структурные и семантические связи внутри словообразовательных групп (рядов) имеют различный характер для разных языков. По своему языковому типу норвежский не похож на хинди, а английский — на польский, хотя генетически они возводимы к одному языку-основе.

Различные виды классификаций языков не совпадают, хотя иногда могут перекрещиваться. Углубленное исследование проблемы выделения языковых типов может помочь уточнению возможных классификационных схем для языков мира.

3. Импликативные отношения между значениями языковых параметров. Уровневые и межуровневые импликации. Понятие иерархии, прототипа. Мотивированность языковых типов.

В адекватной типологической классификации (как и в любой хорошей, то есть адекватной, классификации) ограниченное число эксплицитно учитываемых признаков позволяют учитывать, непротиворечиво объяснять значительно большее число (имплицитно учитываемых) признаков, то есть в ней многие признаки связаны друг с другом.

Речь, как видим, идет о таком обязательном свойстве адекватной типологической классификации, как импликативность, или взаимовлияние и взаимообусловленность (частных) типов в языке, которые в совокупности значительно более адекватно и полно определяют общий тип языка.

В. Скаличка показывает, как на базе тех частных типов, наличие которых в языке взаимно благоприятно, определяется общий тип языка: изолирующий тип характеризуется сильным противопоставлением корневых и служебных, словоизменительных и словообразовательных элементов, относительной краткостью слова, слабым различием частей речи, слабо выраженным согласованием, фиксированным порядком слов S-P-O, малочисленностью сложных слов и т. д.

Говоря о типе в языке, следует различать тип формы и тип отношений. Понятие типа отношения представляется особо важным, так как без него строй языка предстает как набор элементов, правила сочетания которых между собой остаются невыявленными.

Впервые мысль о том, что для типологии важен не только способ выражения значений, но и способ выражения отношений, встречается еще у А. Шлейхера, но вначале классические типологические классификационные исследования исходили из типа формы. Для типологии, однако, интересны прежде всего не состав формальных элементов языка, а их функционирование в пределах языковой структуры, т. е. именно тип отношений элементов); при этом современная типология обращает внимание не только на отношения между формальными элементами, но и на отношения, связывающие элементы плана выражения и плана содержания. Факт, что в языках агглютинативного строя имеется тенденция к однозначности выражения грамматического значения (каждый грамматический элемент выражает одно какое-то грамматическое значение), например, узб. b□læ-lær-gæ 'детям' = 'дитя' + мн. ч. + направит. п., интересен для типолога прежде всего тем, что во флективном русском языке в данном случае не наблюдается того однозначного соответствия между единицами плана выражения и плана содержания, которое мы находим в агглютинативном узбекском. Типы отношений здесь принципиально различны, а различие в типе формы является производным.

Всякий типологический анализ идет следующим путем: 1) выявление частных типов, представленных в языке; 2) группировка их по тем или иным избранным исследователем критериям, выделение основных для этого языка типов и составление таким образом типологической характеристики языка; 3) составление типологической классификации. Третий этап исследования может отсутствовать, второй может проводиться разнообразными методами, но первый является самым необходимым и обязательным.

Противоречивость понятия языкового типа, затрудненность последовательно и непротиворечиво использовать его для анализа конкретного языкового материала имеют еще целый ряд объективных причин.

Так, сам «материал», то есть – в данном случае – многообразие человеческих языков со стороны их структур и границы данного многообразия – как бы «сопротивляется» такому последовательному и непротиворечивому типологическому описанию.

Так, во-первых, каждый язык в той или иной мере политипологичен, и поэтому любая попытка создать общую типологическую классификацию подчас неизбежно сталкивается с невозможностью включить конкретный язык в определенную группу.

В каждом естественном языке сосуществуют черты, присущие нескольким типам, поэтому соотнесение отдельного языка с определенным типом почти всегда в некоторой степени условно, произвольно.

Каждый типолог, создающий ту или иную классификацию языков по типологическим критериям, неизбежно отмечает, что не существует такого языка, который являлся бы чистым представителем данного типа.

Это обстоятельство даже приводило к отказу от создания типологической классификации.

Во-вторых, определение общего типа языка затрудняют к тому же чрезвычайная сложность языковой системы, неустойчивость самого языкового

типа, который может измениться в процессе эволюции языка, а также несовершенство типологического анализа, обусловленное недостаточностью наших знаний о языковой структуре.

Поясним на простом примере, как происходит, что при построении типологической характеристики языка результат ее – конкретный языковой тип – получается настолько абстрактным, что исследователи сомневаются в его адекватности и в целесообразности типологических исследований вообще. Как пример частного типа мы приводили аналитизм грамматических форм. Для древнейшего состояния, например, германских языков, аналитизм не характерен, а в современном состоянии он неоднократно проявляется в структуре имени и глагола. Нельзя не признать, что высокая степень аналитизма присуща, например, современному английскому языку, но в нем существуют и явления синтетизма. У нас есть основания считать английский язык аналитическим, но следует добавить: «в известной степени аналитическим». Для окончательного вывода необходимо изучить, насколько важным и предопределяющим является аналитизм грамматических форм для структуры английского языка в целом. В-третьих, совокупность (сумма) типологических характеристик языка – частных типов – хотя и может быть названа его общим типом, однако не представляется возможным составить общую классификацию языков на основе таких общих типов. Во всяком случае, это чрезвычайно затруднительно, так как появится множество критериев для сравнения языков между собой, а в результате окажется по-прежнему невозможно охарактеризовать тип языка кратко и точно.

Целесообразнее выделить те структурные особенности языка, которые, с одной стороны, являются для него основополагающими, обнаруживаются на разных уровнях языка и на разных этапах анализа; иными словами – наиболее характерные свойства языка, причем по возможности представленные во взаимосвязи. С другой стороны, эти свойства должны наблюдаться не в одном языке, и типологическая характеристика языка должна позволять присоединить его к конкретной классификационной группе, насколько это вообще возможно. Обычно типом языка называют скорее такую его характеристику, которая примерно соответствует одной из классификационных групп. Естественно, что такое понимание не целиком отражает всю специфику данного языка, но с точки зрения методики исследования оно является наиболее удобным.

Существуют ли типы в самом языке, или они искусственно созданы лингвистами для удобства лингвистического описания?

В лингвистической типологии достаточно актуальным и традиционно хорошо рассмотренным является вопрос о причинах существования языковых типов, независимых от генетического сходства, а также того, что возможно охарактеризовать все множество языков мира (около трех тысяч) по относительно немногочисленным признакам.

В этом отношении следует подчеркнуть, что данным вопросом занимается особая часть типологии – типология объяснительная. Согласно А.Е.

Кибрику, типология таксономическая, или «обычная», занимается ответом на вопрос «как?», тогда как типология объяснительная – «почему?».

Существование языковых типов можно признать только при том условии, если некоторое типическое явление повторяется в разных единицах различных уровней языка, а также в разных языках. Без такой повторяемости, достаточно четко прослеживаемой на разных этапах развития языка, вообще не могло бы быть речи о типах в языке. Но она существует, и принцип повторяемости определенных свойств в языковой структуре известен в лингвистике как принцип изоморфизма. Он проявляется, например, в построении плана выражения и плана содержания, в построении единиц одного уровня, но разной степени сложности, при анализе текста и системы. Некоторый тип отношений, изоморфно повторяющийся в языке, и предопределяет собой тип языка в целом, а также является причиной относительной устойчивости типа языка.

В основе любого естественного языка лежит некоторая логическая схема. Любой язык отражает реальный мир, который в основных чертах является одинаковым для всех людей земли. Любой язык прежде всего является средством коммуникации, это – главнейшая причина возникновения и существования языка, и любой язык является средством передачи и хранения информации. Естественно поэтому предположить, что, коль скоро основа строения любого языка всегда одна и та же, это необходимо должно отразиться в некоторой общности конкретных языковых структур. Некоторые законы построения будут общими для всех языков, а некоторые – для групп языков, что и позволяет лингвистам говорить о языковых универсалиях и о разновидностях этих универсалий.

В плане выражения, несмотря на кажущееся неисчислимое многообразие материальных языковых средств, также существуют определенные закономерности, позволяющие предположить существование строго определенных и относительно немногочисленных типов материальной стороны языка.

Материальной оболочкой любого языка являются звуки речи. Количество и качество фонем и их вариантов имеет естественные антропофонические границы: артикуляционные способности человеческой гортани широки, но не безграничны, а ухо человека в состоянии воспринимать и различать звуки также в более или менее ограниченном диапазоне, поэтому уместно будет предположить, что определенные комбинации звукового состава могут с известными отклонениями повторяться в ряде языков.

Так как средства языкового выражения относительно ограничены, то повторяемость определенных типов выражения в разных языках неизбежна.

Если мы обратимся к составу грамматических средств языка, то нетрудно убедиться, что и он необходимо должен быть ограничен, так как, с одной стороны, некоторое минимальное количество средств выражения грамматических значений необходимо любому языку, а с другой стороны, ограниченный объем человеческой памяти и способности к различению препятствует тому, чтобы средств выражения грамматических значений было чересчур много. Теоретически можно представить себе искусственный язык, в котором

формально различалось бы, например, около двухсот падежных значений, но вряд ли возможно предположить, чтобы такой язык стал массовым средством общения. Если же какая-либо общая схема оперирует ограниченным количеством элементов, а число индивидуальных комбинаций этих элементов достаточно велико (число языков), то некоторые комбинации явно будут пересекаться с различной степенью наложения.

«...Не будет ошибочным и утверждение, – писал Ж. Вандриес, – что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу. Именно эта идея лежит в основе опытов по общей лингвистике».

По мнению А.Е. Кибрика, важнейшее положение объяснительной типологии состоит в приоритете коммуникативных причин. Иными словами, именно максимальное обеспечение возможностей коммуникации, ее удобство является решающим фактором при определении того, почему естественные языки из множества предоставленных им способов языкового выражения «отобрали» лишь немногие и причем таким образом, что существует возможность сравнения языков, т. е. эти немногие способы в различных языках повторяются.

По мнению А.Е. Кибрика, «динамический метод», наиболее последовательно применяемый при построении динамических моделей языка, не автономизирует языковую способность человека, не противопоставляет ее прочим способностям, а рассматривает как частное проявление общей способности человека к целесообразному (управляемому прагматическими целями) поведению.

В области поиска типологически релевантных (тождественных или различных в разных языках) смысловых единиц-параметров (будь то оппозиции имен и предикатов, семантические роли, значения длительности, кратности, результативности, каузативности, императива, типы повторных номинаций и т. д.) приходится рано или поздно обращаться к соответствующим их прототипам во внеязыковой действительности и в концептуальных мыслительных схемах, к коммуникативным намерениям и к модели текущего сознания участника речевого акта, – пишет А.Е. Кибрик.

К числу этих важнейших коммуникативных причин относится, например, принцип экономии. Согласно этому принципу, лишь те языковые явления обладают наибольшей устойчивостью, в которых сочетаются минимальная затрата произносительных усилий, легкость запоминания, способность к варьированию и т. д. В основе своей принцип экономии исходит из требований коммуникативной функции языка. Можно сказать, что наличие в языке типов существенно облегчает процесс взаимопонимания носителей языка. Высказывание, чтобы служить целям коммуникации, должно иметь типовую структуру, что достигается воздействием механизма языковой экономии. Наиболее «экономичным» был бы язык, содержащий только один какой-нибудь тип, язык монотипологичный. Но с такими языками мы не встречаемся, так как экономия в языке не осуществляется бесконечно. Там, где «экономность» языковых средств мешает взаимопониманию носителей языка,

например, при избыточном развитии полисемии лексических и грамматических элементов или при редукции фонемного состава, иными словами, там, где она препятствует реализации основной функции языка – коммуникативной, действие принципа экономии приостанавливается: развиваются новые фонемы, полисемантические элементы либо становятся малоупотребительными и постепенно вытесняются другими, либо происходят изменения их значения. Таким образом, язык постепенно и непрестанно эволюционирует, и в ходе этой эволюции может измениться в той или иной степени сам языковой тип; значительные изменения претерпела, например, флективность индоевропейских языков, особенно английского. Но такой тип языка, как агглютинативный, обнаруживает значительную устойчивость. Известные нам языковые типы являются, очевидно, результатом взаимодействия принципа экономии и стремления к оптимальному функционированию языка как средства коммуникации.

А.Е. Кибрик подчеркивает, что в языковом поведении (и в обслуживающих его языковых механизмах) многое предопределяется не собственно языковой способностью, а общностью языкового поведения с прочими видами поведения человека.

Поэтому, наряду с принципом экономии, А.Е. Кибрик выделяет принцип гештальта («организуй свое поведение при помощи гештальтов»); принцип приоритета («из нескольких альтернатив выбирай наиболее для себя приоритетную»); принцип динамического стереотипа («запоминай полезные связи между совместно встречающимися явлениями как единый автоматически обрабатываемый комплекс»), лежащий в основе всех процессов грамматикализации, перерабатывающих прагматические факторы в синтаксис и морфологию.

Кроме того, А.Е. Кибрик подчеркивает, что коммуникативные акторы являются важнейшими, но не единственными, обуславливающими типологические характеристики языков. «Языковая способность» формируется под воздействием прочих способностей, потребности которых она должна удовлетворять.

Поэтому исследователь выделяет когнитивную способность (сферу), обеспечивающую мыслительную деятельность человека; перцептивную способность, связывающую человека с окружающей средой; социальную способность, регулирующую поведение человека в социальной среде.

Общим объяснением этого «нетипологического» и даже «неязыкового» факторов, обуславливающих типологические характеристики, А.Е. Кибрик считает необходимость общего «увеличения объяснительной глубины», выводимым из «метапринципа иконичности»: «при прочих равных условиях, кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен этому опыту».

Например, внешним объяснением ограничений в агглютинативных языках на линейный порядок морфем в словоформе является гипотеза о том, что расположение служебных аффиксов относительно корня иконически повторяет структуру семантического представления словоформы.

В качестве примера можно привести морфемное «устройство» финитного глагола хиналугского языка: ки-р-ет-мя «делает», где ки- есть корень, -р – показатель несовершенного вида, -ет – показатель настоящего определенного времени, -мя – показатель изъявительного наклонения. Последовательность, суффиксов относительно корня соответствует типологически предпочтительному (наблюдаемому во многих разносистемных языках) порядку категорий в глагольной словоформе:

«корень» + «вид» + «время» + «наклонение».

Почему из шести формально возможных порядков предпочтителен именно этот? Если обратиться к толкованиям соответствующих категорий, то мы будем иметь примерно следующее:

– несов. вид. = «длится и не имеет результата событие X», где X = «делать» – значение корневой морфемы;

– наст. определенное время – «в момент речи имеет место X», где X = «длится и не имеет результата событие делать», т. е. сочетание значения вида и корневой морфемы;

– изъявительное наклонение = «верно, что X», где X = «в момент речи имеет место, что длится и не имеет результата событие делать», т. е. сочетание значения времени, вида и корневой морфемы.

Таким образом, данный порядок следования морфем объясняется порядком вложения значений одних категорий в значения других:

Невозможно, – пишет А.Е. Кибрик, – рассматривать понятие языкового типа, не обращаясь к знаковой теории языка. Рассматривая язык как систему знаков, можно сказать, что типологическая специфика языка и одновременно с этим причина существования относительно немногих языковых типов и типов в языке (ведь даже при всех вышеизложенных ограничениях теоретически можно допустить существование неизмеримо большего числа типов, нежели указывается типологами) кроется в разновидностях соотношения означаемого и означающего, плана содержания и плана выражения. Так, пример узб. $b\ \square\ l\ \text{æ} - l\ \text{æ} g - g\ \text{æ}$ позволяет определить агглютинативный тип как такой тип соответствия плана выражения и плана содержания, когда одной единице плана выражения соответствует одна единица плана содержания (по крайней мере, если речь идет о грамматических элементах), а флективный тип – как такой тип, когда одной единице плана выражения могут соответствовать две или более единицы плана содержания. Уместно предположить, что тип соответствия между планом выражения и планом содержания в агглютинативных языках и создает предпосылки для большей устойчивости агглютинативного типа по сравнению с флективным, позволяя одновременно с наибольшей простотой и наглядностью пояснить сам принцип агглютинации.

4. Цели, методы и принципы типологических исследований; краткая история типологических концепций. *Типологическая классификация Ф.Н. Финка, Э. Сепира, квантитативная типология Дж. Гринберга, континентивная типология Г.А. Климова. Прикладные задачи лингвистической типологии. Типологические методика в межкультурной коммуникации.*

Как мы уже говорили, теоретически возможно выделение чрезвычайно разнообразных языковых типов на разных основаниях. Собственно, мы видим цель настоящего параграфа в том, чтобы продемонстрировать это многообразие и разные подходы к выделению типов. В то же время, очевидно, далеко не все возможные подходы и выделяемые языковые типы (тем более целые типологические классификации языков) имеют настоящую познавательную ценность, расширяют наше знание о языковых структурах в разных человеческих языках и языковой системе в целом.

Прежде чем говорить о наиболее традиционной, наиболее известной и одновременно наиболее часто используемой типологической классификации, разрабатываемой еще братьями Шлегелями, В. Гумбольдтом, Я. Гриммом, и ее принципах, скажем несколько слов о предшественниках данной классификации, ряд из которых послужил ее «истоками».

Наиболее ярким в этом отношении был опыт молодого В. Гумбольдта, который еще только начинал разрабатывать принципы типологической классификации (тогда стадильной).

Выделялись четыре типологических типа (соответственно – четыре ступени, или стадии, развития языков: «На низшей ступени грамматическое обозначение осуществляется при помощи оборотов речи, фраз и предложений... На второй ступени грамматическое обозначение осуществляется при помощи устойчивого порядка слов и при помощи слов с неустойчивым вещественным и формальным значением... На третьей ступени грамматическое обозначение осуществляется при помощи аналогов форм... На высшей ступени грамматическое обозначение осуществляется при помощи подлинных форм, флексий и чисто грамматических форм».

Нетрудно видеть, что три последние ступени соответствуют изолирующему, агглютинативному и флективному строю («аналоги форм» отделяются от «подлинных форм» тем, что в первых «связь... компонентов еще недостаточно прочна, заметны места соединения. Образовавшаяся смесь еще не стала одним целым», то есть речь идет явно об агглютинации).

Переходя к собственно типологической классификации XVIII-XIX вв., мы должны сделать важное замечание. Имея по сути много разных авторов, эта классификация и ее типы долгое время были лишены по-настоящему четких формулировок, что вполне естественно для преимущественно исторической, а не системной общей научной парадигмы. Представляя выделяемые в данной классификации типы и, главное, принципы их выделения, мы, наряду с традиционными (историческими) данными, широко используем современные определения.

Важно, что принципы выделения языковых типов, используемые в традиционной типологической классификации, были по-настоящему четко сформулированы только в 20 веке Э. Сепиром (обратим внимание на особый "символический" тип, обычно не использовавшийся в традиционной типологической классификации):

Языки, в которых слово всегда отождествляется с корневым элементом, окажутся выделенными в "изолирующую" группу в противовес тем языкам,

которые либо аффигируют модифицирующие элементы (аффигирующие языки), либо обладают способностью менять значение корневого элемента посредством внутренних изменений (редупликация; чередования гласных и согласных; изменения в долготе/силе (quantity), ударении и интонации). Языки последнего типа могут быть не без некоторого основания названы "символическими".

Есть, по-видимому, реальная психологическая связь между символизацией и такими значащими чередованиями, как drink 'пью', drank 'пил', drunk 'пьяный' или китайск. mai (с восходящим тоном) 'покупать' и mai (с нисходящим тоном) 'продавать'. Неуправляемая тенденция к символизации справедливо подчеркивается в новейшей психологической литературе. По моему личному ощущению, переход от sing 'пою' к sang 'пел' по производимому им ощущению вполне тождествен чередованию символических цветов, напр., зеленого – символ безопасности, красного – символ опасности. Но мы, возможно, весьма разнимся в силе, с которой мы ощущаем символизацию в языковых менах такого типа.

Аффигирующие языки, естественно, должны распаться на такие, где преобладает префиксация, например, банту или тлингит, и такие, где преимущественно или исключительно господствует суффиксация, например, эскимосский, алгонкинские и латинский. Но эта четырехчленная классификация (языки изолирующие, префиксальные, суффиксальные, символические) наталкивается на два существенных затруднения. Во-первых, большинство языков попадает в более чем одну из перечисленных групп. Так, например, семитские языки одновременно и префиксальные, и суффиксальные, и символические. Во-вторых, классификация эта в чистом своем виде представляется поверхностной. Она связывает воедино языки, по своему духу резко различающиеся, на основании только некоторого внешнего формального сходства. Совершенно очевидно, что пропасть отделяет префиксальный язык типа кхмерского с его префиксами (и инфиксами), используемыми только для выражения деривационных значений, от языков банту, где префиксальные элементы имеют широчайшее применение в качестве символов синтаксических отношений. Ценность этой классификации значительно повышается, если ее использовать лишь применительно к выражению реляционных значений.

ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

Изолирующие языки определяются как языки, для которых характерны полное или почти полное отсутствие словоизменения, грамматическая значимость порядка слов и служебных слов, в некоторых случаях – слабое противопоставление знаменательных и служебных слов. Такому критерию соответствуют все китайские диалекты (еще в большей степени – древнекитайский), дунганский, тайские и кадайские, вьетмыонгские, часть бантоидных языков.

Языки изолирующего типа часто встречаются на Юго-Востоке Азии (китайско-тибетская, малайско-полинезийская семьи языков) и в Западной Африке (языки Западного Судана – эве, йоруба и другие).

К изолирующим языкам относят и языки малайско-полинезийской семьи. Суффиксы и префиксы в них очень немногочисленны и служат средством словообразования, а не словоизменения. Например, в маорийском языке с помощью префикса *ta* образуются прилагательные и причастия (ср. *ego* – истощать, а *taego* – слабый, истощенный), префикса *whaka* – глаголы от существительных (ср.: *matau* – знание и *whaka-matau* – учить). Отношения между словами выражаются порядком слов, служебными словами, а не изменением слов. Так, в индонезийском языке в предложении *Anak lari dari andjing* (ребенок убегает от собаки) слова не имеют каких-либо специальных аффиксов, например, *lari* (бежать) не имеет указания на 3-е лицо. Аналогично предложение *Rumah barak saja ketjil* (дом моего отца невелик) состоит из неизменяемых слов: дом (*rumah*), отец (*barak*), я (*saja*), миленький (*ketjil*).

Изолирующие языки характеризуются неизменяемостью слов. Форма слова как бы не зависит от других слов в предложении, она дана изолированно, самостоятельно. Рассмотрим для примера китайское предложение: *Maо ра gou, gou bu ра maо*. Кошки (*maо*) боятся (*ра*) собак (*gou*), а собаки (*gou*) не (*bu*) боятся (*ра*) кошек (*maо*). Как видим, форма слов *maо* и *gou* не меняется в зависимости от того, подлежащим или дополнением они являются. Но *maо, gou* можно перевести не только как кошки, собаки, а и кошка, собака, т. е. особого указания на число нет, не содержит такого указания и глагол (*ра*). В китайском языке глаголы не изменяются по числам и лицам – ср.: *Wo renshi ta, ta ye renshi wo* – я (*wo*) знаю (*renshi*) его (*ta*), он (*ta*) тоже (*ye*) знает (*renshi*) меня (*wo*). Опять-таки ни форма глагола, ни форма местоимения не меняются. В китайском языке одно и то же слово может означать и предмет (существительное) и действие (глагол), например *chi* – есть и обед, *kaishi* – начинать и начало, *jianzhu* – строить и постройка и т. д.

Для выражения отношений между словами используется порядок слов и служебные слова. Сравним еще раз части первого предложения: *Maо ра gou, gou bu ра maо*. То, что в первой части *maо* означает действующее лицо (подлежащее), а во втором – объект (дополнение), выражено местом, которое занимает слово в предложении. От места в предложении зависит и значение слова *wo* («я» или «меня»). Другие типы отношений могут быть переданы служебными словами. Например, для передачи косвенного дополнения в значении, аналогичном нашему дательному падежу, используется служебное слово *gei*. Фраза *Maма zuo fan gei women chi* (мама готовит нам обед) – буквально: мама (*maма*) делать (*zuo*) пища (*fan*) нам (*gei women*) поесть (*chi*).

В.М. Солнцев в статье «Типологические свойства изолирующих языков» на материале китайского и вьетнамского языков (как наиболее типичных представителей изолирующих языков) дает обзор основных типологических свойств изолирующих языков и показывает взаимосвязь и взаимообусловленность этих свойств.

Наиболее характерной чертой изолирующих языков указанных групп обычно считают моносиллабизм. Слова-моносиллабы составляют нижний, базисный ярус лексики. Односложные слова в этих языках характеризуются грамматической законченностью и в соответствии со своими грамматиче-

скими свойствами (главным образом по характеру грамматической сочетаемости друг с другом и с различными формальными элементами) распределяются по грамматическим классам - частям речи. Из слов-моносиллабов образуется подавляющее большинство сложных и производных слов. В современном состоянии эти языки следует считать полисиллабическими. Однако их полисиллабизм иной природы, чем полисиллабизм языков индоевропейских и алтайских; полисиллабизм последних есть следствие полисиллабизма корневых элементов, в то время как полисиллабизм рассматриваемых языков - результат складывания корневых слов-моносиллабов в слова-полисиллабы. Принято говорить, что в этих языках слоговое деление морфологически значимо, т. е. слог всегда соответствует либо слову, либо значимой части многосложного слова. Слоги имеют строго определенную структуру и количественно ограничены. В составе слога разные классы звуков занимают фиксированные позиции. Например, во вьетнамском языке "начальнослоговой согласный всегда эксплозивный, конечнослоговой - импловзивный".

Такого рода особенность звукового строя обуславливает неизменяемость значимого слога, вследствие чего определенное значение базируется на неизменяемой звуковой оболочке. Такой оболочкой всегда является слог. Отдельный звук может быть носителем смысла только как частный случай слога. Поэтому можно сказать, что в этих языках в отличие, например, от европейских языков только звуки, организованные в слог, могут быть носителями смысла.

Этими чертами во многом определяются и другие типологически существенные свойства изолирующих языков.

Для изолирующих языков, наряду с ярко выраженным аналитизмом, характерны такие явления, как простое сложение и конверсия:

Невыделимость морфемы как величины, меньшей, чем слово, и соответственно неотличимость односложного слова от морфемы обуславливает принципиальное неразличение (при определенных условиях) сложного слова и словосочетания. Неразличение сложного слова и словосочетания в этих языках выражается в том, что многие двусложные комплексы, например в китайском языке, типа ян + жоу 'баран + мясо', лу + жоу 'олень + мясо', ян + мао 'баран + шерсть', лу + мао 'олень + шерсть' одновременно отвечают и требованиям слова, и требованиям словосочетания, в равной мере используя в номинативной функции. Иначе говоря, поскольку односложное слово неотлично от морфемы, сложное слово неотлично (при определенных условиях) от словосочетания. Таким образом, односложное слово не имеет ясно выраженной нижней границы (если не учитывать нулевую форму, которой в рамках противопоставления маркированным формам наделяется односложное слово), а сложное слово (если каждый из его компонентов в отдельности может быть самостоятельным словом, а его структура аналогична структуре словосочетания) не имеет ясно выраженной верхней границы (В.М. Солнцев).

классич. китайский:

shui 'вода' fu 'нести' □ shui-fu 'водонос'

дунганский:

те 'железо' шын 'веревка' □ те-шын 'цепь'

го 'высоко' ди 'низко' □ го-ди 'высота' (абстрактн. сущ.)

гун 'труд' жин 'человек' □ гун-жин 'рабочий'

конверсия в современном китайском (ЧР только в опр контексте):

tǎolùn 'обсуждать' ~ tǎolùn 'обсуждение' /thǎulùn/

diàochá 'расследовать' ~ diàochá 'расследование' /tjǎuchá/

xì□wàng 'надеяться' ~ xì□wàng 'надежда' /sí□wà□/

juéding 'решать' ~ juéding 'решение' /'cwétì□/ (И.А. Мельчук)

Следует отметить, что при определении места этого языкового типа в общеязыковом пространстве по языкам мира, исследователи обращают внимание на его очень большую, по сравнению с другими языками, эффективность и устойчивость.

Б.А. Успенский также отмечает, что к числу изолирующих относятся – в несколько иной субстанции – и различные языки жестов, где едва ли не все категории выражаются факультативно. Ср.: “Язык жестов глухонемых обладает собственным примитивным синтаксисом. Определенные и неопределенные артикли обычно опускаются; различие прилагательных и глаголов – не очевидно. Времена не дифференцированы, если только значение фразы не требует этого необходимым образом. Порядок слов скорее логический, нежели тот, которого требует грамматическая система соответствующего языка. Так, вместо предложения «a dark handsome man rides and walks» говорится «man – dark – handsome – ride – walk», вместо «bring a black hat» – «hat – black – bring»”

Представляют большой интерес принципы описания изолирующих языков: так, широко распространенное мнение об отсутствии форм в изолирующих языках привело многих лингвистов к убеждению, что ничего другого не остается делать, как описывать эти языки методами синтаксиса, т. е. описывать не формы слов, которых в этих языках нет, а отношения слов к другим словам в составе предложения. Такой метод довольно ярко описан В.И. Гореловым в грамматике китайского языка, которая сразу начинается с разделов: простые предложения с глагольным сказуемым, простые предложения с составным именным сказуемым и простые предложения с качественным сказуемым. Глава о глаголе состоит из таких разделов, как дополнение, определение, обстоятельственные обороты места, обстоятельственные обороты времени, подлежащее, сказуемое, однородные члены предложения и т. д.

Оригинальную систему описания грамматического строя вьетнамского языка предлагает Л.К. Томпсон, который выделяет в этом языке четыре класса слов: 1) имена существительные, 2) предикативы, 3) фокусные элементы и 4) частицы.

АГГЛЮТИНАТИВНЫЕ ЯЗЫКИ

Агглютинативные языки пользуются аффиксами не только для словообразования, но и для словоизменения, т.е. связь слов, отношения между словами здесь выражаются в самом слове. Слово оказывается многоморфемным, но границы между отдельными морфемами сохраняются довольно четко, со-

став слова ясен. Отчетливо выраженная тенденция к сохранению ясных границ между морфемами препятствует возникновению значительных звуковых изменений на стыках морфем.

Свое название этот тип языков получил от наиболее характерного для данных языков способа слово- и формообразования – агглютинации (от лат. *agglutinatio* – приклеивание, склеивание): при нем к основе или корню, в преобладающем количестве случаев сохраняющим стабильный звуковой состав, присоединяются однозначные стандартные аффиксы.

Аффиксы следуют один за другим в определенной иерархической последовательности, так, например, в тюркских языках к имени присоединяется в первую очередь аффикс мн. ч., затем притяжат. аффикс, затем падежный (ср. кирг. ата-лар-ымыз-да 'у наших отцов'). Структура слова прозрачна, т. к. границы морфем отчетливы; на стыках морфем, как правило, не возникает значительных звуковых изменений.

Ясность границ между морфемами и устойчивость форм морфем делает прозрачной структуру слова в агглютинативных языках. Рассмотрим для примера узбекское слово билмайдилар – (не знают), где легко выделяется корень бил- (знать, знай) и аффиксы: -лар – показатель множественного числа (ср.: билмайди – не знает, очмайди – не открывает и рядом олдилар – взяли (они), бердилар – дали), -ди – показатель 3-го лица (ср.: билмайман – не знаю, билмайсан – не знаешь и рядом олди – взял (он), берди – дал), -май – показатель отрицания (ср.: биладилар – знают, билади – знает, олдилар – взяли (они) и рядом билмайман – не знаю, уйнамайдилар – не играют). Как видим, между значением и аффиксом наблюдаются строго однозначные отношения: одни и тот же аффикс всегда имеет одно и то же значение (ср.: -ди – всегда показатель 3-го лица, -ман – 1-го лица, -лар – множественного числа и т. п.). Эта особенность проведена очень последовательно и в склонении существительных: бола – дитя, ребенок, болалар – дети, болага – ребенку, болаларга – детям, где дательный-направительный падеж и множественное число выражены разными аффиксами (ср. русские: ребятам, где -ам указывает и на множественное число и на дательный падеж). Выбор аффикса в таких языках не зависит от корня или основы, к которой он присоединяется (ср. иное положение в русском языке: книга – книги – книге – книгу – книг, но кость – кости – кости – костей и т. д., где использованы разные окончания).

Для агглютинативных языков характерна большая устойчивость корня, который в именительном падеже выступает в чистом виде, а в косвенных падежах, соединяясь с падежными аффиксами, сохраняет свою звуковую форму. Изменения корня встречаются редко (ср.: новоуйгурское *at* – лошадь, а *etler* – лошади, ненецкое *ja* – земля, *jo* – землю).

К агглютинативным языкам относятся уральские (финские, угорские, самодийские), алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские), банту и другие семьи и группы языков в Африке, Азии и Америке. Это один из наиболее распространенных и устойчивых типов языков.

Агглютинация как особый способ связи морфем может встречаться и в языках, не относящихся к агглютинативным (например, в малайско-

полинезийских, индоевропейских), но для них этот способ не является основным, важнейшим.

Термином «агглютинация» обозначают также слияние двух привычно сочетающихся слов, иногда с переразложением (франц. *ma amie* > *m'amie* > *ma mie* 'моя подруга'). Иногда в понятии «агглютинация» акцент делается на однозначности аффиксов, и в этом случае говорят об агглютинативности как типе соединения содержания и формы в грамматике, противоположном флективности.

ФЛЕКТИВНЫЕ ЯЗЫКИ в отличие от агглютинативных характеризуются возможностью изменения морфем вне зависимости от фонетических условий, т. е. в них, например, возможны изменения корня в результате внутренней флексии – ср. немецкие: *fahren* (ехать) – *fuhr* (ехал), *stehen* (стоять) – *stand* (стоял); английские: *eat* (есть) – *ate* (ел), *give* (давать) – *gave* (дал), *hold* (держат) – *held* (держал), *foot* (нога) – *feet* (ноги) и т. д.

Здесь нет характерного для агглютинативных языков однозначного соответствия между аффиксом и его значением. Аффикс может быть носителем нескольких значений, например, аффикс *-ую*, в слове *доброую* указывает одновременно на единственное число, женский род, винительный падеж. Аффикс *-s* в английском *he reads* (он читает) указывает ни 3-е лицо (ср.: *I read, I take* – я читаю, я беру) и на единственное число (ср.: *they take* – они берут); в немецком *den Jahren* (годам) аффикс *-en* указывает не только на дательный падеж (ср.: *der Jahre* в родительном), но и на множественное число (ср.: *dem Jahre* в дательном падеже единственного числа). Характерно при этом, что в последнем примере указанные грамматические значения выражены не только аффиксом, но и артиклем, т. е. не только синтетически, но и аналитически.

В то же время одно и то же грамматическое значение может быть выражено разными аффиксами, например, русский дательный падеж: *к воде*, *к дому*, *к лошади* и т. п.

К флективным языкам относятся индоевропейские и семито-хамитские языки.

Представляя агглютинативные и флективные языки, следует подчеркнуть, с одной стороны, очень широкое использование данных терминов как в типологическом, так и традиционном описательном языкознании (грамматиках); с другой стороны, широкую распространенность и большую степень изученности, а кроме того, большую доступность для лингвистического обихода самого языкового материала. Обычно принципы противопоставления данных двух типов считаются важнейшими и наиболее наглядными основами типологической классификации и приводятся в качестве первичных иллюстраций как на курсах общей морфологии, так и первых лекциях по типологическому методу.

Так, по Э. Сепиру, эти два наиболее распространенных и фундаментальных принципа аффиксации, разница между которыми объясняется ученым очень тонко и изящно:

Если сравнить такие английские слова, как *farmer* 'земледелец, фермер' и *goodness* 'доброта', с такими словами, как *height* 'высота' и *depth* 'глубина',

нельзя не поразиться значительной разнице в аффилирующей технике этих двух рядов. Аффиксы -er и -ness приставляются чисто механически к корневым элементам, являющимся одновременно и самостоятельными словами (farm 'обрабатывать землю', good 'добрый'). Эти аффиксы ни в каком смысле не являются самостоятельно значащими элементами, но вложенное в них значение (агентивность, абстрактное качество) они выражают безошибочно и прямо. Их употребление просто и регулярно, и мы не встречаем никаких затруднений в присоединении их к любому глаголу или к любому прилагательному, хотя бы даже и только что появившемуся в языке. От глагола to camouflage 'маскировать' мы можем образовать имя camouflager 'тот, кто маскирует, маскировщик', от прилагательного jazzy 'джазовый' можно совершенно свободно произвести имя jazziness 'джазовость'. Иначе обстоит дело с height 'высота' и depth 'глубина'. В функциональном отношении они совершенно так же связаны с high 'высокий' и deep 'глубокий', как goodness 'добродота' с good 'добрый', но степень спаянности между корневым элементом и аффиксом у них бо́льшая. Их корневой элемент и аффикс, хотя структурно и выделяются, не могут быть столь же просто оторваны друг от друга, как могут быть оторваны good и -ness в слове goodness. Конечное -t в слове height не есть типичная форма аффикса (ср. strength 'сила', length 'длина', filth 'грязнота', breadth 'ширина', youth 'юность'), а dep- не тождественно слову deep 'глубокий'. Эти два типа аффиксации можно обозначить как "сплавливающий" (фузирующий) и "сополагающий". Если угодно, технику соположения мы можем назвать "агглютинативной".

А.А. Реформатский также полагал, что наиболее четко признаки флективности / фузии и агглютинации видны при их сравнении. Ученый наглядно демонстрирует эти различия на великолепном примере, который мы хотим привести целиком, дополнив комментарий к нему некоторыми современными идеями.

Вывод, который делает А.А. Реформатский, – признаки, присутствие которых считается достаточным для определения языка как агглютинативного, – однозначность и стандартность аффиксов, четкое разграничение соседних морфем, неизменность фонемного состава корня и самостоятельность основ; для определения языка как флективного – такое тесное присоединение нестандартных аффиксов, могущих быть многозначными, к корням, которые могут изменяться, называется фузией.

И.А. Мельчук считает, что разница между агглютинирующими и флективными языками не сводится к наличию/отсутствию кумулятивных аффиксов. Агглютинация характеризуется еще и линейностью комбинирования знаков (т.е., с одной стороны, предпочитают сегментные знаки – избегаются всякого рода апофонии; с другой стороны, избегаются сегментные знаки, связанные с разрыванием означающих, т.е. инфиксы и трансфиксы).

Так, словоизменительные морфы в арабском выражают по одной граммеме каждая: тем самым, по признаку «наличие/отсутствие кумулятивных аффиксов» этот язык является сильно агглютинирующим. Более того, морфные стыки в арабском прозрачны (кроме нескольких систематических ис-

ключений), а корням не свойственны внутренние изменения; в этом аспекте арабский тоже является агглютинирующим. Тем не менее, традиционно арабский считается (в высокой степени) флективным языком – из-за своих трансфиксов, т. е. из-за нелинейного комбинирования своих сегментных знаков.

Аффиксы в агглютинативных языках обычно следуют один за другим в определенной иерархической последовательности, так, напр., в тюркских языках к имени присоединяется в первую очередь аффикс мн. ч., затем припят. аффикс, затем падежный (ср. кирг. ата-лар-ымыз-да 'у наших отцов').

В агглютинативных языках в целом нет отчетливо выраженного различия между аффиксом и служебным словом.

Некоторыми учеными высказывается гипотеза, что именно в процессе развития агглютинации развиваются прилагательное как часть речи и падеж как категория.

Наконец, специфической чертой синтаксиса сложных предложений в агглютинативных языках является значимость неличных форм глагола (причастий, деепричастий, инфинитивов или функционально близких им форм) при сочинении и подчинении предложений. Примеры аналогов сложносочиненных предложений: корейск. Пи ого парам пунда “Ветер дует (букв. “дуя”) <и> дождь идет”, Кипко малгын мул “Глубокая и чистая вода” (букв. “Глубокой-будучи чистой-являющаяся вода”); нивхск. Ларш вилра лурш малуора “Шторм большой и льда много”; япон. Миги э магаттэ массугу итта “Повернул направо и пошел прямо”, Тэгами о кайтари, хито ни аттари суру “Пишу письма, общаюсь с людьми”; адыгейск. Тхалъым еджи къэхъыжь “Прочти (букв. “прочтя”) книгу <и> принеси”.

Примеры аналогов сложноподчиненных предложений: корейск. Кы сарам-и мусын ир хагоныл, нэ-га изга хаджи мот хайоссо “Когда этот человек делал какое-то дело, я не мог с ним разговаривать”; нивхск. Нгыунган мэр qһоныд’ “Когда стемнеет, мы будем спать”; япон. Амэ ни нурэтэ, кадзэ о хийта “Промок под дождем и поэтому простудился”; баск. Haiei ez zaiela inolako informaziorik eman haizatu dute haiek “Они (haiek) пожаловались (haizatu dute), что (-la) им (haiei) не было дано (ez zaie eman) никакой информации”; абазинск. АчІкІвын даныІвуа алыгажв йщапІква йыхытІ “Когда мальчик бежит, у старика ноги болят”; адыгейск. Тэшъау къэбар зэшІахэм, кыгъгази кыдэкІыжьыгъ “Ташау, как только узнал новость, повернулся и ушел”; турецк. Ahmedin de gelmesini emeretti “Он приказал, чтобы и Ахмед пошел”.

ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКИЕ / ИНКОРПОРИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

Полисинтетическими (от греческого polys – много и synthesis – соединение), или инкорпорированными, языками называются языки, в которых обозначения объектов действия, обстоятельств действия, а иногда и указание на субъект действия могут выражаться особыми словами-аффиксами, входящими в состав глагольной формы. Такое включение и называется инкорпорацией (от латинского incorporare – присоединить, включать). Так, в чукотском языке инкорпорироваться могут определения: коран'ы – домашний олень

(кората – олень), тан'клявол – хороший человек (тан' – хороший, клявол – человек); обстоятельства: рагтыэ – вернулся домой (яргты – домой, ярат – дома); прямое и косвенное дополнения: ты-пэляркын-э-гыт – я покидаю тебя, тыкыркын – он отливает в форму. В этот же комплекс может входить и указание на субъект, в результате появляются целые инкорпорированные комплексы, например тымайн'ывалямнаркын (я большой нож точу), представляющие собой слияние целого ряда слов: ты – я, майн' – большой, вала – нож, мна – из, пын'а – точить.

пример из чукотского языка:

ны- лкыт-к□инэт 'они ходят' (ны- префикс: одно из наст времён, лкыт- корень: ходить; к□инэт 3л мн.ч.)

ны-йык-ы-лкыт-к□инэт (йык-ы быстро)

ны-гытг-ы-йык-ы-лкыт-кэнат (гытг-ы- к озеру; изменилось: вместо - к□инэт -кэнат)

Подобные построения характерны для многих американских языков, например, в языке племени черноногих (алгонкинская группа) предложение Та собака ночью пошла пить будет состоять всего из трех слов: *oma imitaua itsipiotoisimiu*, но эти слова (кроме первого *oma* – та) являются соединением особых слов-аффиксов, употребляющихся в составе таких инкорпорированных комплексов. Так, *imita* в составе *imitaua* означает «собака» (ср.: *otomitam* – его собака), а *ua* – окончание-связку (буквально *imita-ua* – собака есть). Комплекс *itsipiotoisimiu* состоит из пяти элементов: *it* – тогда, *sipi* – ночью, *oto* – пошла, *sim* – пить, *iu* – показатель 3-го лица). Предложение Он вернулся с охоты на бизонов на том же языке состоит только из одного слова *autapauakina*.

В полисинтетических языках есть и отдельно употребляемые слова, причем они часто отличаются от слов-аффиксов, используемых при инкорпорировании; так, в языке племени черноногих бизон – *einiua* (буквально бизон есть), а слово-аффикс с тем же значением –*aki* (ср. примеры из чукотского языка, приведенные выше).

Объединяются морфемы в большом слове полисинтетических языков по принципу агглютинации, но в этих языках возможна и внутренняя флексия.

К полисинтетическим языкам относятся палеоазиатские языки Сибири и большинство языков коренного населения Америки.

Здесь необходимо сделать одно уточнение. Полисинтетизм как типичная черта агглютинативных языков – это возможность включения в состав слова большого числа аффиксальных морфем (например, полиперсонное спряжение глагола, сочетание числовых, падежных и притяжательных аффиксов в имени). Инкорпорация же (также характерна в основном для агглютинативных языков) – это возможность создания в языке слов-синтагм, т. е. объединение двух и более корневых морфем, из которых одно грамматически подчинено другому, и аффиксальное оформление их в единое слово: чукот. *мыт-купрэ-гынрит-ыркын* “(мы) сеть охраняем” или чайпатык “кипятить чай”.

«Явления, похожие на инкорпорацию» (И.А. Мельчук)

Между, скажем, чукотской инкорпорацией и морфологическим сложением в немецком языке имеются ощутимые для всех лингвистов различия: мы без колебаний назовем «инкорпорацией» явления, наблюдаемые, тогда как едва ли у кого-нибудь язык повернется назвать так, при всей их продуктивности, немецкие сложные лексемы (типа Ausdruck + s + möglichkeit букв. 'выражение возможность' = 'возможность выражения' или Mundart + forschung букв. 'диалект исследование' – 'диалектология').

Мы полагаем, что для «настоящей» инкорпорации определяющим моментом является прежде всего глагольность итоговой лексемы: словоформа Mundartforschung 'диалектология' не является случаем инкорпорации, однако словоформа *mundartforschen 'диалектоисследовать' была бы хорошим примером инкорпорации – если бы такая словоформа существовала.

Рассмотрим английские сложные лексемы типа [to] babysit 'сидеть с ребенком' или [to] grocery-shop 'покупать продукты'. Для них невозможно построить перифразы типа *[to] sit a/the baby или *[to] shop groceries; значит, эти лексемы не являются результатом инкорпорации. (К тому же, такие образования в английском языке вовсе не являются регулярными и семантически полностью прозрачными.)

КРИТИКА ТРАДИЦИОННОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Начнем с того, что критика традиционной типологической классификации чаще всего понимается именно как критика «идей флективности ~ агглютинативности».

Первые попытки критиковать принципы традиционной типологической классификации были предприняты очень давно.

Прежде всего, это было связано с объективным расширением языкового материала, который (закономерно) «не умещался» в четырех слишком жестких типах традиционной типологической классификации.

Кроме того, сами принципы лингвистического описания теперь разработаны гораздо лучше, соответственно меняется само представление о том, что возможно, что важно и что может быть различным в структурах языков мира.

Главным же направлением критики традиционной типологической классификации, пожалуй, стало то, что используемые в ней принципы структурного рассмотрения и сравнения языков теперь явно оказывались недостаточными, поскольку в двадцатом веке было очевидно то, что лишь редко и непоследовательно учитывалось раньше: для того чтобы адекватно понять язык (даже «самое главное» в нем), недостаточно рассматривать только формальную структуру слова – как недостаточно рассматривать только формальную сторону языка вообще, без учета несколько не менее важной второй стороны – содержательной.

В то же время даже при описании только формальной стороны прежние критерии все равно оказывались недостаточными, поскольку и структура слова, как уже было отчасти показано (косвенным подтверждением этого является то, что во всех позднейших типологиях при передаче «классических»

идей используются более современные данные, принципы, дефиниции), в них учитывалась недостаточно тонко, глубоко и гибко.

Итак, более детальное рассмотрение реальных человеческих языков обнаружило, прежде всего, относительность границ между типами, в частности, оказалось, что языки, которые ранее с абсолютной уверенностью относили, например, к изолирующему и агглютинативному типам, обнаруживают черты других типов.

Так, в современном китайском языке уже есть случаи использования аффиксов (суффиксов). Прошедшее время глаголов (прошедшее завершённое) выражается с помощью суффикса -le: Women nianle liu ke – мы (women) прочли (nian + le) шесть (liu) уроков (ke). Но когда при глаголе имеется отрицание, то и в прошедшем времени такого изменения формы глагола не происходит: Yigian wo bu tiaowu – раньше (yigian) я (wo) не, буквально – нет (bu), танцевал, буквально – танцевать (tiaowu).

Используется особый суффикс и для выражения множественного числа в местоимениях; ср.: wo (я), ni (ты), ta (он), но women (мы), nimen (вы), tamen (они).

Таким образом, в современном китайском языке уже есть отступления от изолирующего типа, который в древнекитайском языке был выдержан последовательно.

В китайском языке суффиксы -шан и -ся, восходящие соответственно к глаголам шан 'подниматься' и ся 'опускаться', придают значение результативного вида, а суффиксы -цилай и -сяцзюй выражают значение начала и продолжения действия. Поскольку эти суффиксы соотносимы и с ныне имеющимися глаголами -цилай 'подниматься' и -сяцзюй 'опускаться', то они выявляют свою роль показателей видового значения только в глаголах, не принадлежащих к группе глаголов движения.

Если признать, что китайский глагол обладает видовыми суффиксами и что, например, образования кань, каньла, каньчжо, каньго представляют разные формы одного и того же слова со значением 'смотреть', нужно также полагать, что часть этого слова, остающаяся за вычетом изменяющейся части, есть основа. Аналогичные рассуждения можно привести и в отношении вьетнамского глагола, если признавать da и другие соответствующие показатели формо-образующими элементами. Однако в отличие от флективных языков в изолирующих языках величины, меньшие, чем слово (за исключением аффиксов), практически не могут быть выведены из состава слов, наподобие того, как, например, в русском языке из слов могут быть извлечены их части: уч- (из учить), красн- (из красный) и т. д. В этих языках по извлечению из многоморфемного слова морфема (корень или основа) сразу же становится практически неотличимой от слова и пригодной к самостоятельному употреблению. В рассматриваемых языках значимый элемент может быть определен как морфема (основа или корень) лишь в составе слова и по отношению к этому слову, если в составе слова имеется другой значимый элемент. Исключение составляют только немногочисленные аффиксы, кото-

рые и по извлечении из слова остаются морфемами вследствие полной неспособности к самостоятельному употреблению (В.М. Солнцев).

В индонезийском наблюдаются случаи превращения предлога в префикс, выражающий отношения между словами. Сравним фразы: *Aku duduk dikursi* – я (*aku*) сижу, буквально – сидеть (*duduk*), на стуле (*kursi* – стул, а *di* – префикс, указывающий на пространственные отношения) и *Dia dimana? Dia di Indonesia* – Он (*dia*) где (*dimana*)? Он в Индонезии (*di* – предлог). Префиксы появляются в глагольных формах. Например, для передачи совершенного вида используется префикс *-ter*: *potong* – резать, а *terpotong* – отрезать (Л.И. Баранникова)

В некоторых агглютинативных языках возможны случаи, когда аффикс выражает два значения, например в нанайском языке: аффикс *-ру* указывает и на повелительное наклонение и на настоящее время, а аффикс *-хэр(и)* – на повелительное наклонение и будущее время (ср. *бу-ру* – дай, *бу-ру-су* – дайте и *бу-хэри* – дай потом, *бу-хер-си* – дайте потом).

Фузию нередко путали с кумуляцией – систематич. нераздельность граммем неск. грамматич. категорий в означаемом каждой флективной морфемы (напр., рус. флексия *-ов* в словоформе «стол-ов» выражает граммемы «мн.ч.» и «род.п.»). В то же время Ф., как и кумуляция, есть явление регулярное, что отличает ее от супплетивизма – уникального совмещения сем в означаемом нечленимого знака. Ряд авторов, однако, не проводят различия между Ф., кумуляцией и супплетивизмом, подводя все эти явления под общее понятие т. наз. слитной реализации. У существительных довольно часто кумулируются число и падеж; то же самое верно относительно падежа и детерминации (например, в турецком аккузатив при неопределенности выражается нулевым суффиксом, а аккузатив при определенности – суффиксом *-r*). Напротив, число и детерминация – при всей их семантической близости – кумулируются гораздо реже. В глаголе имеют тенденцию кумулироваться: время и наклонение; время и аспект; лицо и число (субъекта и объекта), – но никогда не кумулируются, например, время и число – так, чтобы лицо при этом исключалось (Мельчук).

Даже в эталонных для агглютинации тюркских языках наблюдаются отклонения в сторону флективности (большое число алломорфов – до 16, отдельные случаи чередований и неоднозначности аффиксов, несамостоятельность глагольных основ).

Однозначность аффиксов почти универсальна (редкие исключения типа нанайского *-ру-* со значениями презенса и императива одновременно не меняют картины). Однако практически во всех АЯ в личных и притяжательных аффиксах совмещены значения лица и числа, либо класса и числа, либо всех трех значений, либо лица, рода и числа (ср. 1 л. ед. ч. глаголов в гуарани *a-*, в баскском *па-* или *-t*, в тюркских *-(ы)м*; ср. тж. в абхазском *л-* со значением 3 л. ж. р. ед. ч. агентива или в суахили *a-* или *-m-* со значением 1 класса (“людей”) 3 л. ед. ч.).

Самостоятельность основ (т. е. корня в чистом виде или со словообразовательными элементами) в системе имени довольно частотна, но не универ-

сальна (например, в предложениях в аймара все имена морфологически оформлены: uma-x umatawa anu-na “вода выпита собакой”; ср. тж. в ряде монгольских).

И в агглютинативных языках происходят звуковые изменения, связанные, прежде всего, с явлением так называемого стяжения: напр., в кирг. яз. вместо ожидаемого бала-лар 'дети' появляется бал-дар (ср. эне-лер 'матери', ата-лар 'отцы' и т. п.). Звуковые варианты аффиксов возникают как результат действия сингармонизма: ср. татарск. казан – котел, а множественное число не *казанлар, как можно было бы ожидать (-лар – показатель множественного числа), а казаннар; башкирское ат (лошадь) и аттар (лошади); татарское кҮлгә (в озеро), где форма аффикса дательного-направительного надежа зависит от гласного корня. Ср. также венг. fal-on 'на стене', ker-en 'на картине', türk-ön 'на зеркале'. Случаи совмещения в одном аффиксе двух значений: напр., в нанайском яз. аффикс -ру указывает и на повелит, наклонение, и на наст. вр.

Рассмотренные примеры (многие из них были хорошо известны лингвистам уже в начале XX века) достаточно красноречиво демонстрируют необходимость «модернизации» традиционной типологической классификации.

Первой такой попыткой, по-видимому, следует считать простое увеличение числа типов, по сравнению с традиционной типологической классификацией, выделение новых, «промежуточных» типов – при том, что основной принцип выделения типов (структура слова) оказывался неизменным – забегая вперед, отметим, что, следовательно, один экстенсивный путь такой модернизации был заведомо обречен на неудачу. Конечно, в конце XIX – начале XX веков типологам еще очень трудно было решительно оторваться от традиционной типологической классификации, как и представить «принципиально иной» подход.

Одним из первых таких «промежуточных» типов стал профлективный (термин Ф.Ф. Фортунатова) тип, выделяемый на рубеже XIX-XX веков как бы «между» флективными и агглютинативными языками.

Интересна и поучительна история данного термина-понятия: так, в грамматиках грузинского языка XIX века данный язык определялся как агглютинативный, в грамматиках XX века – как флективный. Дело в том, что система словоизменения в картвельских языках (грузинский и пр.) действительно с трудом поддается определению в терминах традиционной классификации: в именной системе – агглютинативный принцип склонения (кал-и “женщина”, датив кал-с, мн. ч. кал-эб-и, датив кал-эб-с); в глагольной же системе – аблаут (зрд-и-с “он воспитывает” при га-зрд-а “он воспитал”), депонентные глаголы, разнообразие основ презенса (в-ашэн-эб “строю”, в-а-тб-об “согреваю”, в-хатс-ав “рисую” и т. п.) и аориста (в-нах-э “я увидел”, мо-в-ксвд-и “я умер”).

Профлективный строй (термин, предлагаемый вместо “агглютинативно-флективный”) – морфологическая система, пограничная между агглютинативной и флективной. Основным критерий для выделения такого типа – пре-

обладание агглютинации в именной системе и флективных черт в глагольной.

К профлективному типу относятся такие языки, как венгерский и часть дравидийских. Основные представители типа (среди номинативных языков) – ряд уральских (прибалтийско-финские, самодийские) и дравидийских (например, тамильский и брауи), картвельские и часть афразийских (некоторые семитские – иврит и др., чадские).

Очевидно, что у профлективного типа нет своего основания (имя – от агглютинативных, глагол – от флективных), что, по-видимому, следует считать главным теоретическим недостатком и «профлективного типа», и в всей (новой) классификации, которая была создана в результате многих усилий такого рода.

Среди других типов, выделяемых подобным образом, были, например, основоизолирующие языки, которые отличаются от изолирующих более развитой глагольной морфологией. Иными словами, это языки, в которых имена «ведут себя» как в изолирующем типе, глаголы – как в агглютинативном. Так, в некоторых языках (индонезийско-яванская группа и мальгашский) предикатив редко употребляется в виде чистого корня. Для имени типично развитие словообразовательных систем (ср. манде, ква). К этому типу можно отнести, помимо упомянутых, тибетский, каренские, никобарские, кхаси, адамауа и кордофанские, в меньшей степени папуасские северохальмахерские, полинезийские и другие океанийские.

Естественно, все это означало общие значительные изменения в традиционной типологической классификации.

В целом количество новых выделяемых типов росло и, пожалуй, достигло своих логических пределов в типологической классификации Франца Николауса Финка (Германия, 1867-1910), которая получила наибольшую известность из типологических классификаций, предлагавшихся в это время на данных основаниях.

Финк различает восемь основных типов языков, каждый из которых иллюстрируется одним языком – представителем типа. Эти типы (с примерами языков):

- подчиняющий – турецкий,
- инкорпорирующий – гренландский,
- упорядочивающий (*anreihend*) – субия (семья банту),
- корнеизолирующий (*wutzelisolierend*) – китайский,
- основоизолирующий (*stammisolierend*) – самоанский,
- корнефлектирующий (*wurzelflektierend*) – арабский,
- основофлектирующий (*stammflektierend*) – греческий,
- группофлектирующий (*gruppenflektierend*) – грузинский.

Каждое из этих наименований достаточно прозвучно сообщает нечто о своем типе и позволяет в общем виде представить место и строй соответствующих языков. Однако приведенная схема не является ни исчерпывающей, ни последовательной. В ней не представлены типы таких разнообразных и сложных языков, как языки американских индейцев или суданские, которые

можно отнести одновременно к нескольким категориям; не обращено внимания и на те характеристики, которые, будучи различными, могут создавать видимость сходной структуры, так что возникает, например, иллюзия типологического родства китайского и английского языков. Кроме того, одним и тем же термином Фнк часто передает явление, имеющие разный смысл в разных языках. Как можно пользоваться одним термином «корень» одновременно для китайского и арабского языка? Или, скажем, как определить «корень» для эскимосского языка? Финк не создал общей теории, отвечающей на все эти вопросы, теории, которая определила бы и упорядочила такие неоднородные понятия, как корень, инкорпорация, суффикс, основа, класс, флексия, ряд, одни из которых касаются сущности морфем, другие – способа их сочетания.

Прежде чем говорить о таком качественном изменении общего типологического подхода к классификации языков, каким стала в 20 годы XX века классификация Сепира, остановимся еще на нескольких классификациях, которые не стали таким «новым словом» в типологической науке, поскольку не предлагали принципиально нового – содержательного – подхода: это были, как и традиционная типологическая классификация, формальные модели, однако эти модели порользовались заслуженно большим авторитетом в типологии (и пользуются до сих пор). Как мы уже говорили, одним из подходов к совершенствованию традиционной типологической классификации был подход именно формальный, который исходил из необходимости более тонко и глубоко анализировать именно формальную сторону языков.

Прежде всего, это были модели, которые строились на основе тех или иных выявленных типологических закономерностей (иначе: типов в языке – см. выше):

- в некоторых языках (литовский, шведский, китайский, японский и др.) ударение является тоническим (музыкальным);
- в некоторых языках есть дифтонги;
- в некоторых языках есть аффрикаты;
- в некоторых языках имена разделяются на классы (например, по роду, по одушевленности~неодушевленности, или активности~неактивности, исчисляемости~неисчисляемости и т.п.);
- в некоторых языках есть определенные и неопределенные артикли;
- в некоторых языках синтаксическая функция имени выражается флексией (т. е. имеется падеж);
- в некоторых языках расположение слов в предложении является несвободным;
- в некоторых языках значение 'язык' и значение 'народ' выражаются одним словом.

В славянских языках этот семантический синкретизм слова язык, свидетельствующий о тесной связи понятий «язык» и «народ» в сознании людей, восходит еще к старославянским текстам. Он известен языкам различных семей: индоевропейским (например, лат. *lingua*), финно-угорским (причем не

только финскому или венгерскому, но и коми, марийскому), турецкому, некоторым языкам Африки.

• в некоторых языках есть названия инструментов, приспособлений, механизмов, которые образовались на основе переносного (метафорического) употребления названий животных или представляют собой морфемные производные от названий животных.

Последняя из названных закономерностей настолько психологически интересна, что проиллюстрируем ее некоторыми лексическими параллелями: русск. лебедка от лебедь, клещи от клещ, змеевик от змея, журавль (вид колодца), собачка (спусковой механизм в огнестрельном оружии; приспособление, препятствующее обратному движению зубчатого колеса), еж (противотанковое заграждение), волчок (игрушка), ерш (щетка), жучок (самодельный предохранитель электропробки; скрытое подслушивающее устройство), червячная передача, гусеница (танка), быки (опоры моста) и т. п., включая компьютерные термины мышь, вирусы,

немецк. Kranich – журавль, Kран – подъемный кран;

немецк. Hahn – петух, кран, курок;

франц. grue – журавль, подъемный кран,

венгерск. daru – журавль, подъемный кран;

венгерск. gem – цапля, журавль, стрела, стрелка, а gemeskut – колодец с журавлем;

словенск. petelnik – петух, флюгер, кран, курок;

венгерск. kakas – петух, курок, собачка;

турецк. poroz – петух, курок, дверная защелка;

венгерск. kutya – собака, вагонетка;

турецк. hortum – хобот (слона), шланг;

венгерск. kígyó – змея, kígyókő – змеевик (Мечковская).

Так, было немало типологических классификаций, основанных на анализе единиц фонетического уровня языка.

Приводя пример имплицативной универсалии на материале консонантных групп, Гринберг пишет: «Для всех языков существование начальных консонантных групп подразумевает наличие таких групп в середине слова, но не vice versa. Этот же факт можно констатировать с помощью типологии со включением двух условия: наличия начальных групп (согласных) и наличия срединных групп. Для каждого мы должны иметь либо его присутствие, либо отсутствие в языке, в последнем случае со знаком минуса... Логическое соответствие между имплицативной универсалией и соответствующей типологией может быть сформулировано в следующих словах: утверждение, что для всех языков существование начальных групп подразумевает наличие срединных групп, равно утверждению, что не существует языка такого типа, который обладал бы начальными группами и не имел бы срединных групп. Типология распределяет языки мира по четырем возможным типам, из которых только три существуют в реальном воплощении: а) языки, в которых присутствуют как начальные, так и срединные группы (пример – английский); б) языки с срединными группами согласных, но без начальных групп

(пример – тамильский); в) языки, где нет ни начальных, ни срединных групп (пример – гавайский); г) языки с начальными, но без средних групп – ни одного».

Может ли, хотя по фактам и верная, типология подобного рода помочь в характеристике языковых типов?

Явно нет. Дело не только в ее односторонности, но главным образом в недостаточной фундаментальности избранного признака для сущностной характеристики языка.

Целый ряд классификаций, напротив, основывался не на минимальных единицах языковой системы, какими являются фонемы, а единицах более высокого уровня, какими являются предложения.

Так, целый ряд синтаксических моделей (Гринберг, Ярцева) исходит из наиболее характерного для данного типа языка порядка слов в предложении.

В типологии порядка слов существенны следующие различительные признаки: 1) свободное или фиксированное положение основных мыслительных категорий внутри предложения; для языков с фиксированным порядком существенно также то, в какой последовательности относительно друг друга располагаются главные мыслительные категории (и соответствующие члены предложения); 2) преобладание «естественного» или «синтаксического» порядка в развертывании полипредикативных высказываний; 3) преобладание «естественного» или «синтаксического» порядка в линейной организации синтагм. В языках со свободным порядком слов (как, например, в славянских) взаиморасположение членов предложения может быть любым, т.е. используются все 6 теоретически возможных моделей словопорядка: ср. русск.:

- (1) Саша ведет машину (модель SVO)
- (2) Саша машину ведет (модель SOV)
- (3) Машину ведет Саша (модель OVS)
- (4) Машину Саша ведет (модель OSV)
- (5) Ведет Саша машину (модель VSO)
- (6) Ведет машину Саша (модель VOS)

Свобода или фиксированность словопорядка коррелируют с существенными морфологическими чертами языков. При свободном порядке слов синтаксическая функция слова (функция обозначения, допустим, субъекта или объекта действия) зависит не от его места в предложении, но от его падежной формы. При фиксированном порядке слов место слова соответствует его синтаксической функции и в таком случае морфологические показатели синтаксической роли слов (т.е. падежи) становятся излишними.

Большого внимания заслуживают взаимосвязанные совокупности языковых характеристик. Можно полагать, что в первую очередь подобные совокупности располагаются внутри одного уровня языка или близкосвязанных уровней (например, между морфологией и синтаксисом), но затем необходимо продолжить поиски таких взаимосвязанных совокупностей и между разными уровнями (например, между грамматикой и типами организации лексического материала языка, между фонетикой и грамматикой и т. д.). До настоящего времени убедительный показ подобных взаимозависимостей касал-

ся довольно узких и близких сфер. Часто указывали на сопряженность словообразовательных и словоизменительных процедур: в языках с разветвленной парадигмой флективного типа обычно наблюдается богатство словообразовательных суффиксов, в языках со сжатой парадигмой или парадигмами, организованными на основе аналитической техники, на первый план в области словообразования выступает конверсия. Известные успехи были достигнуты при анализе взаимосвязи различных моделей в области порядка слов. Дж. Гринберг по этому поводу пишет: «Кажется, в настоящий момент есть один пример типологии более чем двух измерений, которые достаточно гетерогенны, чтобы это характеризовало отдельные языки в отношении достаточного широкого набора взаимосвязанных свойств, именно порядок слов. Например, если я знаю, что какой-либо язык имеет последовательность VSO (т. е. глагол – субъект – объект), можно предсказать, что в нем используется препозиция и такая связь между отличительными чертами *argiori* будет расценена как имеющая бóльшую независимость, чем связь между начальными и средними группами согласных».

Неоднократно делались попытки установить корреляции и определить взаимозависимости между морфологическими и синтаксическими структурами в языках мира. Хотя никто из современных лингвистов не обольщается надеждой найти реально существующий язык «чистого» морфологического типа, та или иная модель, превалирующая по своему использованию, может быть выявлена в каждом языке. Поэтому распределение языков с последовательностью VO (глагол + дополнение) и с последовательностью OV (дополнение + глагол) часто упоминается в современной лингвистике. Заметим, что исторически эта модель для данного языка непостоянна. В таких древнегерманских поэтических текстах, как Эдда, Беовульф, Песня о Хильдебранде, преобладает последовательность OV, в то время как в более поздних памятниках германских языков превалирует модель VO. Это дает повод У. Леманну заметить: «всё указывает, что данные языки сменили модель OV на VO, а традиционные поэтические тексты сохранили примеры более древней конструкции». Известно, что в тексте Ригведы сравнительная конструкция могла строиться по модели «меда слаще» (что, по идее Леманна, свойственно OV – языкам) и по модели «слаще меда» (структура VO – языков), причем последняя модель начала превалировать в позднем санскрите и в большинстве индоевропейских языков. Эта черта, а также невозможность реконструировать относительные местоимения для праиндоевропейского, сближает его с агглютинирующими языками (типа японского), по мнению некоторых лингвистов. Однако достаточно ли подобных фактов для того, чтобы обосновать существование «смешанных» языковых типов? Разумеется, все существующее в языке имеет для него значение, однако в плане типологической характеристики должны быть выделены более существенные и менее существенные черты для каждого языка. Вместе с тем идеи, неоднократно высказывавшиеся в лингвистике относительно обязательной отмеченности некоторых значений и отношений для любого языка, заслуживают внимания и самой тщательной проверки. Следовательно, содержательный и формальный анализы при типо-

логическом исследовании языков неизбежно должны сочетаться. Именно это сочетание формального и смыслового анализа языка поможет правильно определить место тех или иных приемов в языковой структуре.

Для синхронной типологии представляют интерес попытки лингвистов показать известную сбалансированность отдельных черт в том или ином языке, что помогает типологическому сближению генетически разнородных языков. Так, Леманн старается доказать следующую закономерность языковых структур. Если язык принадлежит к виду VO, то определители предложения (qualifier markers), передающие вопрос, отрицание, а также возможность, возвратность, дезидеративность, помещаются перед глаголом, а в языке типа OV они следуют за глаголом. Языки последнего типа (модель OV) в морфологическом плане очень часто являются агглютинирующими. Таковы, например, японский, кечуа, турецкий. Леманн приводит следующий пример отрицания в простом предложении японского языка: yomaseta 'он заставил читать', yomasenai 'он не заставляет читать', yomagenai 'это не читается'.

Подобные примеры демонстрируют известную «сбалансированность» в построении простого предложения, выражающуюся в том, что его модификаторы помещаются с противоположной стороны по отношению к главному сопроводителю глагола – дополнению. Сходное явление отмечает Дж. Гринберг у элементов, служащих определениями для имен: в языках типа VO они следуют за именами, в языках типа OV они предшествуют именам. По принципу построения предложения, выделяемому Леманном, «модификаторы имен» занимают это место потому, что они помещаются со стороны модифицируемого элемента, противоположной по отношению к его главному сопроводителю. Именно глаголы являются главными элементами для дополнений. На первый взгляд картина, даваемая Леманном, кажется очень четкой. В японском вопросительная частица следует за глаголом, занимая конечное положение в предложении: yomu ka 'читает ли он' (ka – вопросительный элемент). Агглютинация происходит в данном случае потому, что модифицирующее предложение элемент прикрепляется к последнему из главных его составляющих – глаголу. Нас, однако, в данном случае больше всего интересует соотносительность синтаксических моделей и морфологического типа языка.

В то же время процессы исторических изменений в строе языка, видимо, более сложны, чем просто замена структуры OV на VO. Кстати сказать, если для современных германских языков, в частности английского, структура VO типична и почти обязательна, то для строя древних германских языков, например древнеанглийского, где структуры OV были очень частыми, агглютинация была совершенно нехарактерна.

Главный предмет синтаксической типологии – сходство и различия языков в устройстве предложения. Типология предложения строится с учетом того, каким образом и с помощью каких средств синтаксический строй языка представляет взаимоотношения структурно-смысловых компонентов предложения (субъекта, предиката, объекта, атрибута, причины, следствия, цели, условия и т.п.).

Представляет интерес синтаксическая типология Вл.Григ. Адмони, который в общем виде называет основные типы структурного отношения между словом, с одной стороны, и предложением и словосочетанием, с другой, с точки зрения закреплённости словоформы в этих синтаксических единствах. Он считает, что условно можно выделить четыре таких основных языковых типа, которые одновременно являются основными типами грамматической системы как системы построения синтаксических единств: автономно-несобранный, автономно-собранный (ненапряжённый), автономно-закреплённый (напряжённый), закреплённый.

Автономно-несобранный тип предполагает такую полноту выражения в словоформе ее грамматических значений и функций, которая делает их вполне независимыми от других словоформ, предполагая отсутствие всякого господства одних словоформ над другими. Предполагается, что такое построение предложения было характерно для индо-европейских языков в период, предшествующий их расхождению, а также было свойственно некоторым древним индо-европейским языкам (напр., древнегреческому).

Автономно-собранный тип предполагает такую структуру, в которой по крайней мере часть словоформ настолько грамматически выразительна в своем оформлении, что могла бы, а частично и может, непосредственно соотноситься с предложением и определяться в своей форме только смыслом. Таковы, например, русский и латинский языки.

Автономно-закреплённый тип предполагает структуру, в которой часть словоформ еще обладает грамматической выразительностью, достаточной для того, чтобы соотноситься с предложением непосредственно, но основной слой синтаксической системы характеризуется не только зависимостью одних словоформ от других, но и закреплённостью, иногда подчеркнутой, топологической фиксированностью некоторых словоформ в составе словосочетаний или предложения. Примером такого типа может служить немецкий язык.

Закреплённый тип предполагает структуру, в которой непосредственная связь словоформы с предложением либо вообще отсутствует, либо встречается лишь спорадически, а решающим фактором является четко фиксированное топологическое закрепление слов в словосочетаниях и/или в предложении. Близок к этому типу английский язык.

Однако В.Г. Адмони подчеркивает, что речь идет лишь о преобладании определенного типа построения в том или ином языке. (См. Адмони, 1955; 1963; 1973; 1988).

Очевидно, что, хотя Адмони рассматривал только индоевропейские языки, его модель может быть распространена и на другие языки.

В то же время синтаксическая классификация Адмони, несмотря на «более высокий» рассматриваемых языковых единиц, оставалась классификацией практически исключительно формально-ориентированной.

Языки представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, используя только несколько самых разных принципов. Полная и всеобъемлющая типология должна учитывать различные принципы и

строить иерархию соответствующих морфологических признаков. Именно эту цель преследует наиболее разработанная в настоящее время классификация языков, принадлежащая Сепиру.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ Э. СЕПИРА

Для нас важно, что, в отличие от своих предшественников, современников, а также некоторых типологов, работавших позже (они будут рассмотрены нами позже), типологическая классификация языков Э. Сепира была в значительно большей степени содержательно ориентированной: единицы языков, которыми оперировал исследователь, сравнивая разные типы языков, рассматривались им, прежде всего, со стороны своего значения.

В частности, очень важным для Сепира было то, какие именно грамматические значения могут быть представлены в данном типе языков и каким образом они могут быть выражены. Важно отметить, что под этими «грамматическими значениями» Сепир понимал, в общем, практически только значения морфем, на которые делятся слова, и в этом смысле являлся прямым продолжателем своих предшественников, которые тоже исходили из структуры слова. Главное же отличие Сепира от предшественников (и отличие, повторяем, революционное) состояло в том, что структурные части слова рассматривались им с содержательной стороны.

Таким образом, есть смысл начать обсуждение классификации Сепира с того, какие значения морфем он выделял и на каких основаниях. Затем обсудим выделяемые им типы языков.

Возьмем в качестве материала для нашего рассмотрения простое предложение, включающее различного рода значения: *The farmer kills the duckling* 'Земледелец убивает утенка'. Достаточно самого беглого анализа, чтобы обнаружить в этом предложении наличие трех самостоятельных главных значений, связанных между собою в различных отношениях. Эти три значения следующие: 'земледелец' (субъект высказывания), 'убивать' (характеристика того действия, о котором сообщается в предложении) и 'утенок' (другой субъект высказывания, играющий существенную, но, так сказать, пассивную роль в этом действии). Мы можем зрительно себе представить земледельца и утенка, и нам также не составляет труда нарисовать в своем воображении картину убийства. Иными словами, речевым элементам «земледелец» (*farmer*), 'убивать' (*kill*) и 'утенок' (*duckling*) соответствуют значения конкретного порядка.

Но достаточно несколько более внимательного лингвистического анализа, чтобы убедиться в том, что оба субъекта высказывания, как бы просто мы ни могли зрительно себе их представить, не выражены вполне столь же прямо, столь непосредственно, сколь прямо и непосредственно мы воспринимаем их. «*Farmer*» ('земледелец, крестьянин'), с одной стороны, есть вполне цельное значение, с другой стороны, это – «*one who farms*» ('тот, кто обрабатывает землю'). Значение, выраженное в корневом элементе (*farm-*), вовсе не есть значение лица, но значение хозяйственной деятельности (*to farm* 'обрабатывать землю'), которое в свою очередь опирается на значение определенного рода вещи (*a farm* 'ферма', 'крестьянское хозяйство'). Равным обра-

зом значение duckling ('утенок') несколько отстоит от того значения, которое выражено корневым элементом этого слова duck ('утка'). Этот элемент, который может встретиться в качестве самостоятельного слова, относится к целому классу животных, взрослых и детенышей, тогда как duckling ('утенок') ограничено в своем применении детенышами этих животных. В слове farmer имеется суффикс -er ('-ец'), «агентивный» суффикс, функция которого указывать на лицо, выполняющее данный род деятельности, в нашем случае – деятельность, выражающуюся в обработке земли. Он превращает глагол to farm в «имя деятеля» совершенно так же, как он превращает глаголы to sing 'петь', to paint 'писать красками', to teach 'учить' в соответствующие «имена деятеля» singer 'певец', painter 'живописец', teacher 'учитель'. Элемент -ling ('-енок') встречается реже, но все же его значение вполне очевидно. Он прибавляет к основному значению представление о чем-то более маленьком (например, в таких словах, как gosling 'гусенок', fredgeling 'птенок') или же представление своего рода «презрительности» (как в weakling 'слабенькое существо', princeling 'князек', hireling 'наймит'). Агентивный суффикс -er ('-ец') и уменьшительный -ling ('-енок') выражают довольно конкретные значения (примерно те же, что слова «деятель» и «маленький»), но конкретность их не акцентирована. Они не столько выделяют самостоятельные значения, сколько подчеркивают связь одних значений с другими. Суффикс -er в слове farmer не адекватен словам 'тот, кто (обрабатывает землю)', он только указывает на то, что человек, именуемый нами «farmer», настолько тесно связан с деятельностью по обработке земли, что мы условно можем считать его занятым всегда этого рода деятельностью. Он, конечно, может приехать в город и делать что-то другое, а не только обрабатывать землю, но языковой ярлычок «farmer» все же за ним сохраняется. Язык обнаруживает здесь своего рода беспомощность или, если угодно, упорную тенденцию смотреть поверх непосредственно диктуемой функции, полагаясь на воображение и на привычку заполнять переходы мысли и частности применения, отличающие одно конкретное значение (to farm) от другого, «производного» значения (farmer). Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным основным концептуальным рубрикам, а некоторые конкретные или полуконкретные значения использовать в функции связующих элементов. Идеи, выражаемые этими связующими элементами, – будь это самостоятельные слова, аффиксы или модификации корневого элемента, – можно назвать «деривационными» (производящими) или «квалифицирующими» (определяющими). Некоторые конкретные значения, как «убивать», в английском kill выражены непосредственно корнем; другие же, как «земледелец» и «утенок», в словах farmer и duckling выражены производно от других (деривативно). В соответствии с этими двумя способами выражения имеются два типа значений и языковых элементов: корневые (farm, kill, duck) и деривационные (-er, -ling). Когда слово (или единая группа слов) содержит в себе деривационный

элемент (или отдельное слово с деривационной функцией), конкретное значение корневого элемента (farm-, duck-) начинает улетучиваться из сознания и уступает место новой конкретности (farmer, duckling), синтетичной более в способе выражения, нежели в содержании мысли. В разбираемом нами предложении значения «обрабатывать землю» (farm) и «утка» (duck) вовсе отсутствуют как таковые; наличие их вскрывается лишь в результате формального анализа языкового выражения.

Анализ слов farmer и duckling в нашем предложении, как мы видим, ничего практически не дает для понимания смысла и решительно ничего не дает для ощущения структуры предложения в целом. Под углом зрения всего предложения деривационные элементы -er и -ling не что иное, как конкретные детали внутреннего строения двух его членов (farmer, duckling), которые воспринимаются как цельные единицы выражения. Тот факт, что для данного предложения совершенно несуществен такого рода анализ составляющих его слов, наглядно обнаруживается в том, что если мы заменим слова farmer и duckling корневыми словами man ('человек') и chick ('цыпленок'), то получим, правда, новое материальное содержание, но отнюдь не новую структурную форму. Мы можем пойти дальше и действие «убивать» заменить другим, скажем «брать». Получится новое предложение The man takes the chick 'Человек берет цыпленка', совершенно отличное от первого в отношении того, что оно сообщает, но не в том, как оно сообщает. Даже не прибегая вовсе к сознательному анализу, мы инстинктивно чувствуем, что оба предложения следуют одной и той же модели, что структурно это в основном то же предложение, отличающееся только в каждом случае своим материальным наполнением. Иными словами, оба они выражают тождественные реляционные значения и выражают их тождественным способом. Способ этот сводится к следующим трем моментам: использование чисто реляционного слова the в одинаковых позициях; одинаковая порядковая последовательность составляющих предложение конкретных членов (субъект – предикат, в свою очередь состоящий из глагола и объекта); использование суффиксального элемента -s в глаголе.

Стоит изменить один из этих моментов, и предложение окажется преобразованным в меньшей или большей степени, и притом в чисто-реляционном, нематериальном отношении. Если устранить the (Farmer kills duckling, Man takes chick), предложение станет невозможным; оно не будет соответствовать ни одной из принятых в языке формальных моделей, и оба субъекта высказывания будут казаться висящими как бы в безвоздушном пространстве. Мы не будем ощущать связи между каждым из них и тем, что этому соответствует в сознании говорящего и его слушателя. Лишь тогда, когда перед каждым именем будет поставлено the, наше недоумение будет рассеяно. Мы поймем, что «земледелец» и «утенок», о которых нам нечто сообщается, те самые земледелец и утенок, о которых мы говорили, или о которых мы слышали, или о которых мы думали только что перед этим. Если я встречу человека, который не видит этого земледельца и ничего о нем не знает, и сообщу ему, что «the farmer kills the duckling», он вытаращит на меня глаза, недоумевая, о

каком земледельце и о каком утенке идет речь. Если же я все-таки сочту нужным сообщить об этом событии, я должен буду говорить об «A farmer up my way» (о некоем повстречавшемся мне земледельце) и об «a duckling of his» (о некоем принадлежащем ему утенке). Важная функция, выполняемая этими словечками the и a, сводится к установлению определенной или неопределенной референции.

Если устранить первое the, а также откинуть суффиксальное -s, получится совершенно иная связь отношений. Предложение Farmer, kill the duckling 'Земледелец, убей(те) утенка' предполагает такую обстановку, при которой я обращаюсь к самому земледельцу, а не то, что я говорю о нем; из него также следует, что земледелец еще не убивает утенка, а только получает от меня приказание совершить это действие. Субъектное отношение первоначального предложения превратилось в звательное, и действие выражено в форме повеления, а не в форме утверждения. Из этого следует, что, если о земледельце должно нечто утверждаться, словечко the нужно вернуть на свое место, а суффикс -s отбросить нельзя. Этот последний элемент ясно выражает или, лучше сказать, помогает выразить момент утверждения, отличный от момента приказания. Далее, если речь должна идти о нескольких земледельцах, нельзя сказать The farmers kills the duckling, но непременно The farmers kill the duckling 'Земледельцы убивают утенка'. Ясно, что -s несет с собой представление о единичности субъекта. Если имя в единственном числе, глагол должен иметь соответствующую форму; если имя во множественном числе, глагол выступает соответственно в иной форме. Сравнение с такими формами, как I kill 'Я убиваю' и You kill 'Вы убиваете, ты убиваешь', показывает, кроме того, что -s относится исключительно к такому лицу, которое не есть ни тот, кто говорит, ни тот, к кому обращена речь. Из этого мы заключаем, что -s наряду с выражением единичности выражает еще и категорию лица. А сравнение с таким предложением, как The farmer killed the duckling 'Земледелец убил утенка', обнаруживает, что это перегруженное -s включает еще и четкое указание на настоящее время. Утверждение как таковое и указание на лицо можно рассматривать как реляционные по природе своей значения. Очевидно, что и число ощущается нами, говорящими по-английски, как категория отношения; в противном случае не было бы основания выражать это значение дважды – в имени и в глаголе. Время равным образом явно ощущается как реляционное значение; если бы было иначе, мы бы были вправе говорить The farmer killed-s по образцу с The farmer kill-s. Все четыре значения, неразъединимо содержащиеся в суффиксе -s, ощущаются как реляционные; из них два по необходимости являются таковыми. Различие между истинно реляционным значением и таким, которое так только ощущается и трактуется, хотя это и не следует из природы вещей, получит подробное разъяснение в дальнейшем.

Наконец, я могу радикально нарушить связь отношений внутри предложения, изменив порядок его элементов. Если взаимно переместить слова farmer и kills, получится предложение Kills the farmer the duckling, которое легче всего истолковать как необычный, но все же понятный способ выраже-

ния вопроса: Does the farmer kill the duckling? 'Убивает ли земледелец утенка?'. В этом новом предложении действие не разумеется как по необходимости имеющее место. Оно, быть может, совершается, а может быть, и нет; ясно лишь одно – что говорящий желает узнать действительное положение дел и ожидает, что лицо, к кому он обращается, даст ему требуемую информацию. Вопросительному предложению, в отличие от утвердительного, присуща совершенно иная «модальность»; оно предлагает явно иное отношение говорящего к своему собеседнику. Еще более разительная перемена в отношениях между лицами произойдет, если мы взаимно переместим the farmer и the duckling. Предложение The duckling kills the farmer 'Утенок убивает земледельца' включает те же самые субъекты высказывания и одинаково характеризует род совершаемого действия, как и первое предложение, но только роли этих субъектов высказывания оказываются переставленными. Утенок занял место земледельца и наоборот; в грамматических терминах это можно выразить так: что было «субъектом», стало «объектом», что было объектом, стало субъектом.

Ниже мы подытоживаем в виде вывода произведенный нами анализ взятого нами предложения в отношении выраженных в нем значений и тех грамматических процессов, которые использованы для их выражения.

I. КОНКРЕТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

1. Первый субъект высказывания: farmer.
2. Второй субъект высказывания: duckling.
3. Действие: kill.

– Эти значения можно разложить на:

A. КОРНЕВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

1. Глагол: (to)farm.
2. Имя: duck.
3. Глагол: kill.

Б. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

1. Агентивность: выражена суффиксом -er.
2. Уменьшительность: выражена суффиксом -ling.

II. РЕЛЯЦИОННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Референция:

1. Определенная референция в отношении первого субъекта высказывания: выражена первым the, поставленным спереди.
2. Определенная референция в отношении второго субъекта высказывания: выражена вторым the, поставленным спереди.

Модальность:

3. Утвердительная: выражена постановкой «субъекта» перед глаголом, отражена и в суффиксе -s.

Личные отношения:

4. Субъектность слова farmer: выражена постановкой этого слова перед kills, а также суффиксом -s.
5. Объектность слова duckling: выражена постановкой этого слова после kills.

Число:

6. Единственное – первого субъекта высказывания: выражено отсутствием суффикса множественного числа в *farmer*, а также суффиксом *-s* в последующем глаголе.

7. Единственное – второго субъекта высказывания: выражено отсутствием суффикса множественного числа в *duckling*.

Время:

8. Настоящее: выражено отсутствием суффикса прошедшего времени в глаголе, а также суффиксом *-s*.

Таким образом, в этом коротком, состоящем из пяти слов предложении выражено тринадцать различных значений, из которых три являются корневыми и конкретными, два деривационными и восемь реляционными. Быть может, наиболее поразительным результатом этого анализа является новое подтверждение того любопытного факта, до какой степени велико несоответствие в нашем языке между функцией и формой. Метод суффиксации используется как для деривационных, так и для реляционных элементов; самостоятельные слова или корневые элементы выражают как конкретные идеи (предметы, действия, качества), так и реляционные (артикли *the* и *a*; слова, выражающие падежные отношения, как *of*, *to*, *for*, *with*, *by*; слова, выражающие пространственные отношения, как *in*, *on*, *at*); одно и то же реляционное значение может быть выражено более одного раза (так, единственное число выражено и негативно в самом имени *farmer*, и позитивно в глаголе); на один элемент может быть возложено выражение не одного какого-либо определенного значения, а целого ряда сопутствующих значений (так, конечное *-s* в слове *kills* выражает не менее четырех логически независимых отношений).

Наш анализ может показаться несколько педантичным, но это только потому, что мы так привыкли к своим избитым шаблонам выражения, что они стали ощущаться нами как неизбежные. Но ведь только путем анализа, разрушающего привычные представления, возможно достичь понимания фундаментальных различий в способах выражения. Только научившись ощущать случайное, нелогичное и непоследовательное в структуре своего собственного языка, мы оказываемся в состоянии осознавать способы выражения различных классов значений в чужеродных типах речи. Не все то, что «чужестранно», тем самым является нелогичным или неестественным. Весьма часто именно привычное для нас в свете более широкой перспективы обнаруживается как курьезное исключение. С чисто логической точки зрения представляется вполне очевидным, что нет никакой разумной причины, почему значения, выраженные в приведенном нами предложении, должны быть выделены, трактованы и сгруппированы именно так, а не как-нибудь иначе. Это предложение есть продукт скорее исторических и бессознательных психологических сил, нежели логического синтеза элементов, схваченных в их строгой индивидуальности. В большей или меньшей степени это мы наблюдаем во всех языках, хотя, впрочем, в формах многих из них мы находим более связное, более последовательное, чем в наших английских формах, отображение неосознанного членения мира в конкретных значениях, которое,

как бы оно ни было осложнено и затемнено иррациональными факторами, всегда в известной мере наличествует в речи.

Достаточно беглого просмотра других языков, близких и далеких, чтобы сразу же увидеть, что некоторые из тех тринадцати значений, которые оказались включенными в наше предложение, могут не только быть выражены в иной форме, но что они могут быть и иначе сгруппированы, что некоторые из них могут быть вовсе опущены, а что другие значения, не требующие выражения в английском языке, могут рассматриваться как совершенно необходимые для вразумительной передачи суждения. Прежде всего возможен иной способ трактовки тех значений, которые выражены в английском предложении. Обратившись к немецкому языку, мы усматриваем, что в равнозначном предложении (*Der Bauer tötet das Entelein*) определенная референция, выраженная английским артиклем *the*, неразрывно связана с тремя другими значениями – числа (и *der*, и *das* явно единственного числа), падежа (*der* – падеж субъекта; *das* – субъекта или объекта, в данном случае – объекта, поскольку субъект уже выражен) и рода (*der* – мужского рода, *das* – среднего); это новое реляционное значение – значение рода – в английском предложении не выражено вовсе. Бремя выражения падежа, рода и числа в немецком предложении несут по преимуществу референциальные частицы (артиклы), а не слова, выражающие конкретные значения (*Bauer*, *Entelein*), к которым эти реляционные значения логически относятся.

В отношении конкретных значений любопытно также отметить, что немецкий язык расщепляет идею «убивать» на основное значение «мертвый» (*tot*) и деривационное со значением «заставлять сделать так-то или стать таким-то» (при помощи вокалического чередования *töt-*); немецкое *töt-et* (разлагаемое на *tot-* + перегласовка + *-et*) 'заставляет стать мертвым' в формальном отношении примерно соответствует английскому *dead-en-s* 'мертвит', хотя идиоматическое применение этого последнего слова иное.

Продолжая наше путешествие по языкам, посмотрим, каков метод выражения в языке яна. Соответствующее предложение на этом языке в буквальном переводе будет звучать примерно так: «убива-ет он земледелец, он на утка-енок», где «он» и «на» – несколько неуклюжие способы передачи общего местоимения 3-го лица (*om*, *она*, *оно*, *они*) и объектной частицы, указывающей, что последующее имя связано с глаголом не как субъект. Суффиксальный элемент в «убива-ет» соответствует нашему глагольному суффиксу, с теми, однако, существенными отличиями, что он не указывает на категорию числа в субъекте и что утверждение высказывается как истинное, что говорящий за него ручается. Число лишь косвенно выражено в предложении, поскольку отсутствует специфический глагольный суффикс, указывающий на множественность субъекта, и поскольку нет специфических элементов множественности в обоих именах. Если бы данное утверждение высказывалось со слов другого человека, был бы использован совершенно иной «модально-временной» суффикс. Указательное местоимение («он») не включает в себе ничего, касающегося числа, рода или падежа. Род как реляционная категория в языке яна совершенно отсутствует.

Перевод нашего предложения на язык яна показывает, что некоторые из значений, которые нам представляются необходимыми, могут быть вовсе опущены; оба перевода, и на язык яна, и на немецкий, показывают еще и то, что могут требовать выражения такие значения, которые для человека, говорящего по-английски, или, вернее, для английских речевых навыков, представляются излишними. Можно было бы продолжать наши примеры и привести их бесчисленное множество для иллюстрации подобных отступлений от английской языковой формы, но мы удовольствуемся лишь немногими указаниями. В китайском предложении «Человек убить утка» (все три слова по-китайски односложные), которое можно рассматривать как практически равнозначное нашему предложению «Человек убивает утку», совершенно отсутствует для китайского сознания то ощущение чего-то детского, неполного и неоформленного, которое испытываем мы от такого буквального перевода. Каждое из этих трех конкретных понятий (два из них – предметы и одно – действие) по-китайски непосредственно выражено односложным словом, являющимся вместе с тем и корневым элементом; оба реляционных значения, «субъект» и «объект», выражены только позицией конкретных слов впереди и после слова, выражающего действие. Вот и все. Определенность или неопределенность референции, число, неизбежно выраженная в глаголе категория лица, время, не говоря уже о роде, – все это не получает выражения в китайском предложении, которое, тем не менее, является вполне адекватным сообщением, при условии, конечно, что имеется тот контекст, тот задний план взаимного понимания, который существенно необходим для полного уразумения всякой речи. Но это вовсе не вредит содержанию сообщения, ибо ведь и в английском предложении мы оставляем без выражения многое такое, что либо принимается как само собою разумеющееся, либо уже было развернуто или будет развернуто в течение разговора. Так, например, ничего не было сказано ни по-английски, ни по-немецки, ни на языке яна, ни по-китайски о пространственных отношениях земледельца и утки, говорящего и слушающего. Видны ли говорящему и земледельцу, и утке, о которых идет речь, или же один из них ему не виден, и находятся ли оба они вообще в возможном поле зрения говорящего, слушающего или в какой-то неопределенной точке, про которую только указывается, что она «не здесь». Иными словами: убивает ли земледелец (невидимый нам, но стоящий за дверью, неподалеку от меня, причем ты сидишь вон там, от меня далеко) утенка (принадлежащего тебе)? или же убивает земледелец (который живет по соседству с тобою и которого сейчас мы вон там видим) утенка (принадлежащего ему)? Выражение подобных «указательных» категорий, которое в применении к нашему примеру мы попытались, несколько неуклюже, перефразировать средствами нашего языка, совершенно чуждо нашему мышлению, но оно представляется вполне естественным, даже неизбежным для индейцев кваки-утль.

Можно умолчать о времени, месте и числе и о множестве других значений всякого рода, но нельзя увернуться от вопроса, кто кого убивает. Ни один из известных нам языков не может от этого увернуться, равно как он и

не может выразить что-либо, не прибегая к символам для конкретных значений.

Рассмотрев эти типы грамматических значений (значений морфем), а также возможность и необходимость их наличия / отсутствия по языкам, Сепир говорит о собственно языковых классах.

Прежде всего, он подвергает критике основные предшествующие классификации – пока не с содержательной точки зрения, а исключительно исходя из их внутренней непоследовательности и противоречивости.

Для нашей цели общей классификации мы отвергли деление языков на аналитические, синтетические и полисинтетические как основанное на чисто количественном признаке. Деление языков на изолирующие, аффиксальные и символические также признано нами неудовлетворительным по той причине, что оно чересчур делает упор на внешнем, техническом выражении. Деление на изолирующие, агглютинативные, фузионные и символические – схема более удовлетворительная, но все же и она скользит по поверхности. Мне думается, что мы поступим лучше, если воспользуемся понятием "флективности" в качестве ценной идеи для создания более широкой и последовательно развитой схемы, в качестве отправной точки для построения классификации, основанной на природе выражаемых в языке значений. Две другие классификации: одна, основанная на степени синтезирования, другая – на степени фузирования, могут быть сохранены в качестве перекрещивающихся схем, позволяющих производить дальнейшие подразделения в наших основных концептуальных типах.

Надо вспомнить, что во всех языках непременно выражаются корневые значения (группа I) и реляционные идеи (группа IV). Из двух остальных основных групп значений – деривационных (группа II) и смешанно-реляционных (группа III) – обе могут отсутствовать в языковом выражении, обе могут быть в наличии или только одна. Это сразу же дает нам простой, точный и абсолютно всеобъемлющий метод классификации всех известных языков.

Высказав эти замечания, Сепир наконец переходит к собственно типам, которые он выделяет в соответствии с представленностью и соотношением содержательных единиц – фактически компонентов слова, которые он обсуждал ранее с содержательной точки зрения.

Языки бывают:

А. Выражающие только значения групп I и IV; иначе говоря, языки, в которых синтаксические отношения выражены в чистом виде и которые не обладают способностью модифицировать смысл корневых элементов посредством аффиксов или внутренних изменений. Это чисто-реляционные языки без деривации, или, более сжато, простые чисто-реляционные языки. Это те языки, которые подходят ближе всего к самой сути языкового выражения.

В. Выражающие значения групп I, II и IV; иначе говоря, языки, в которых синтаксические отношения выражены в чистом виде и которые вместе с тем обладают способностью модифицировать смысл корневых элементов по-

средством аффиксов или внутренних изменений. Это – чисто-реляционные языки с деривацией, или сложные чисто-реляционные языки.

С. Выражающие значения групп I и III, иначе говоря, языки, в которых синтаксические отношения выражаются в обязательной связи со значениями, не вполне лишенными конкретности, но которые, не считая этой смешанной формы выражения, не обладают способностью модифицировать смысл корневых элементов посредством аффиксов или внутренних изменений. Это – смешанно-реляционные языки без деривации, или простые смешанно-реляционные языки.

Д. Выражающие значения групп I, II и III; иначе говоря, языки, в которых синтаксические отношения выражаются в смешанной форме, как в типе С, и которые вместе с тем обладают способностью модифицировать смысл корневых элементов посредством аффиксов или внутренних изменений. Это – смешанно-реляционные языки с деривацией, или сложные смешанно-реляционные языки. Сюда относятся наиболее нам знакомые "флективные" языки, а также весьма многие "агглютинативные" языки, как "полисинтетические", так и просто синтетические.

Эта концептуальная классификация языков не стремится, повторяю, отразить внешнюю языковую технику. По существу, она отвечает на два основных вопроса касательно передачи значений в языковых символах. Во-первых, пользуется ли язык своими корневыми значениями в чистом виде, или же он образует свои конкретные идеи путем объединения в единое целое неотделимых элементов (типы А и С, с одной стороны, типы В и D, с другой)? И, во-вторых, пользуется ли язык своими основными реляционными значениями, теми, что безусловно необходимы для упорядочивания элементов предложения, не примешивая к ним ничего конкретного, или же нет (типы А и В, с одной стороны, типы С и D, с другой)? Из этих двух вопросов второй, как мне кажется, наиболее фундаментальный. Поэтому мы можем упростить нашу классификацию и представить ее в следующем виде:

I. Чисто-реляционные языки:	A. Простые
В. Сложные	
II. Смешанно-реляционные языки:	С. Простые
D. Сложные	

Такая классификация – слишком общая и слишком широкая, чтобы служить удобной основой для описательного обзора многочисленных разновидностей человеческой речи. Она требует дальнейшей детализации. Каждый из типов А, В, С, D может быть подразделен на агглютинативный, фузионный и символический подтипы, в соответствии с преобладающим способом модификации корневого элемента. В типе А мы дополнительно различаем изолирующий подтип, характеризуемый отсутствием всяких аффиксов и всяких модификаций корневого элемента. В изолирующих языках синтаксические отношения выражаются позицией слов в предложении. Это также верно и в отношении многих языков типа В, поскольку термины "агглютинативный", "фузионный" и "символический" применимы в них лишь к способу трактовки деривационных значений, а не реляционных. Такие языки можно называть

"агглютинативно-изолирующими", "фузионно-изолирующими" и "символично-изолирующими".

В своем делении языков на четыре основных типа Сепир, казалось бы, говорит о понятиях, но в действительности исходит из формальных критериев, а не из семантических – обстоятельство, которое приводит к некоторым трудностям при изложении материала. Например, Сепир рассматривает понятие множественности, которое он считает в высшей степени абстрактным. Однако, как он указывает, в каком-либо конкретном языке оно может быть помещено в любом месте вдоль шкалы I –IV. Следовательно, является ли множественность понятием корневым (I), деривационным (II) или реляционным (III и IV), зависит от того, к какому формальному классу тот или иной конкретный язык ее причисляет. Сепир сам признает это несоответствие. «Мы не можем заранее сказать, куда следует поместить то или иное понятие, именно потому, что наша классификация понятий представляет собой скорее скользкую шкалу, чем философский анализ опыта». (Дж. Гринберг)

Второе критическое замечание относится к шкале Сепира: а) изолирующие; б) агглютинирующие; в) фузионные; г) символические. Изоляция – это способ связи, так же как и другие приемы, но применяется он почти исключительно к словам, поскольку относительный порядок расположения элементов внутри слова имеет значение лишь в редких случаях. Изоляция, следовательно, в данной шкале неуместна, и это сказывается на асимметричности ее появления в схеме Сепира: она выступает в качестве способа только под рубрикой IV (чисто-реляционные понятия) и относится к связям, осуществляемым не внутри слова, как другие способы, но между словами. (Дж. Гринберг)

В ряде последующих типологических моделей рбсуждалась попытка избавиться от первого недостатка (и отчасти от второго).

Рассмотрим КВАНТИТАТИВНУЮ ТИПОЛОГИЮ ДЖ. ГРИНБЕРГА, представляющую собой численное воплощение модели Сепира.

Предлагаемый здесь метод базируется на классификации Сепира, представленной в переработанной форме.

В типологической классификации, предлагаемой Дж. Гринбергом, исходный пункт является формальным. Мы признаем, что в силу действительно существующей тенденции корневые морфемы (I у Сепира) обычно более конкретны по значению, чем деривационные (II у Сепира) или словоизменительные морфемы (III или IV); однако эта тенденция слишком расплывчата, чтобы на ней можно было строить обоснованную методику. В данном случае, так же как в современной лингвистике вообще, мы выделяем наши дистинктивные единицы при помощи формального, а не семантического критерия по чисто практическим соображениям.

Метод классификации языков, предлагаемый Дж. Гринбергом, – это в своей основе метод Сепира, но с некоторыми видоизменениями. Более того, вместо интуитивных определений, опирающихся на общие впечатления, делается попытка охарактеризовать каждый признак, используемый в данной классификации, через отношение двух единиц, каждая из которых получает достаточно точное определение посредством исчисления числового индекса,

основанного на относительной частотности этих двух единиц в отрезках текста. В основу классификации положено пять признаков вместо трех у Сепира и устанавливается ряд из одного или более индексов для определения места того или иного языка в отношении каждого из них. Первый из этих параметров – степень синтеза или общая сложность слова. Со времен Сепира минимальная значимая последовательность фонем в языке стала в американской лингвистике называться морфемой. Например, англ. *sing-ing* «пение» содержит две морфемы, но образует одно слово. Отношение M/W , где M – число морфем, а W – число слов [ср. англ. *word* «слово». – Перев.], является мерой синтеза и может быть названо индексом синтетичности. Теоретически нижним пределом его является 1,00, поскольку каждое слово должно содержать по крайней мере одну значимую единицу. Высший предел теоретически отсутствует, но на практике величины выше 3,00 встречаются редко. Показатели этого индекса для аналитических языков будут низкими, для синтетических – более высокими, а для полисинтетических – самыми высокими.

Второй параметр относится к способам связи. На одном полюсе здесь находятся языки, в которых значимые элементы, соединяясь, не изменяются совсем или изменяются незначительно. Таково классическое определение агглютинации. Явление, противоположное агглютинации, – взаимная модификация или слияние элементов. Здесь также можно выделить несколько типов конструкций и таким образом построить более детальную типологическую классификацию. Для целей настоящей статьи выбрана альтернатива, которая представляется наиболее точно соответствующей идеям Сепира и обычных исследований XIX в. Используя современную терминологию, можно сказать, что имеется в виду степень морфо-фонематических альтернатив. Значимые отрезки, реально обнаруживаемые в высказывании, называются «морфами». Ряд сходных морф подводится под одну основную единицу – морфему. Различные морфы, следовательно, находятся в отношении альтернативности. Например, в английском языке мы связываем морфу *lijf* (*leaf* «лист») с морфой *lijv-*, которая встречается только в сочетании с морфой множественного числа *-z* и образует *lijvz* (*leaves* «листья»). *Lijf* и *lijv-* – это морфы, альтернирующие в пределах одной и той же морфологической единицы. Правила констатации подобного альтернирования относятся к морфо-фонематической части описания английского языка. В тех случаях, когда среди морф, составляющих морфему, варьирования не наблюдается или когда варьирование происходит автоматически, о самой морфеме говорят, что она автоматична. Под автоматической альтернативой понимается такая альтернатива, при которой все альтернанты можно образовать от основной формы, зная ряд правил сочетаемости, сохраняющих в данном языке силу для всех аналогичных случаев. Этот вопрос будет рассмотрен ниже более детально. Если обе морфы в какой-либо конструкции относятся к морфемам, являющимся автоматическими, конструкция называется агглютинативной.

Индекс агглютинации – это отношение числа агглютинативных конструкций к числу морфных швов. Число морфных швов в слове всегда на единицу меньше, чем число морф. Так, в *leaves* две морфы, но только один

морфный шов. Индекс агглютинации – A/J , где A равно числу агглютинативных конструкций, а J – числу швов между морфемами [англ. juncture «стык, шов». – Перев.]. Язык с высоким индексом агглютинации является агглютинирующим, а язык, имеющий малый по величине индекс, – фузионным. В целом, чем ниже первый индекс (индекс синтетичности), тем меньше фиксируется границ между морфемами и тем менее важен для характеристики языка второй индекс – индекс агглютинации. Если язык достигает теоретически низшего предела в синтетическом индексе (1.00), исчисление второго индекса становится невозможным, поскольку это означает, что никаких границ между морфемами вообще нет. Иными словами, индекс агглютинации становится равным $0/0$, что бессмысленно. При исчислении индекса агглютинации не принимались во внимание различия между степенью агглютинации, которые можно обнаружить в конструкциях, включающих понятия групп II, III и IV у Сепира, и которые как мы видели, фигурируют в окончательной формулировке его классификации. Такие индексы можно было бы вычислить на основе разграничения классов корневых, деривационных и словоизменительных морфем, ибо именно эти категории наиболее точно соответствуют делению понятий у Сепира. Они не были установлены, частично чтобы избежать слишком больших общих осложнений в типологической классификации, а отчасти потому, что исчисление их сопряжено с значительными трудностями.

Третий параметр соответствует наиболее точно тому, что для Сепира было центральным признаком при классификации языков, – это наличие или отсутствие деривационных и конкретно-реляционных понятий. Поскольку, как мы видели, взяв за отправную точку значения понятий, нельзя добиться необходимой научной точности, в настоящем исследовании мы исходим из возможности исчерпывающего деления морфем на три класса – корневые, деривационные и словоизменительные. Каждое слово должно содержать по крайней мере одну корневую морфему, и многие слова во многих языках больше ничего и не содержат. Наличие в слове более чем одной корневой морфемы называется словосложением (compounding). Это важный признак, благодаря которому языки существенно отличаются друг от друга. В некоторых языках словосложение либо вообще отсутствует, либо встречается очень редко. Другие, напротив, широко используют словосложение. Однако большинство языков занимает в этом отношении промежуточное положение. Примечательно, что Сепир, по-видимому, не принимает этого во внимание в своей классификации. Указанное явление можно легко измерить при помощи структурного индекса (compositional index) R/W , где R равно числу корневых морфем [ср. англ. root «корень». – Перев.], а W равно числу слов. Второй класс морфем – деривационные морфемы. Примерами деривационных морфем в английском языке могут служить *re-* в *re-make* «пере-делать», *-ess* в *lion-ess* «льв-ица», *-er* в *lead-er* «предводитель». Деривационный индекс D/W – отношение числа деривационных морфем [ср. англ. derivational «словообразовательный, деривационный». – Перев.] к числу слов. Языки с высоким D/W принадлежат к сложным, или деривационным, подтипам у Сепира и, таким

образом, попадают в классы Б и Г его классификации. Словоизменительные морфемы образуют третий класс. Примеры из английского языка: -s в eats «ест» и -es в houses «дома».

Словоизменительный индекс I/W есть отношение числа словоизменительных морфем [ср. англ. inflectional «словоизменительный». – Перев.] к числу слов. Это, как будет показано, не вполне тождественно сепировским понятиям типа III (конкретно-реляционные). Однако язык, в котором эти понятия существуют и который, таким образом, принадлежит у Сепира к смешанно-реляционным типам В и Г, обязательно характеризуется довольно высокой величиной индекса словоизменения; обратное отношение верно не всегда.

Четвертый параметр связан с фактором, который Сепир считал важным для морфологической структуры языка, но который он не включил в окончательную формулировку своей классификации. Это порядок следования подчиненных элементов по отношению к корню. Основным различием здесь является различие между использованием префиксов и суффиксов. Префиксальный индекс P/W представляет собой отношение числа префиксов к числу слов, а суффиксальный индекс S/W – отношение числа суффиксов к числу слов. Сходным образом можно исчислить и индекс инфиксации, то есть количества подчиненных элементов, которые инкорпорируются внутри корня, по в исследованных языках инфиксы встречались настолько редко, что представлялось обоснованным их опустить. Существует неопределенное число и других возможных типов положения подчиненных элементов по отношению к корню, например обрамление (containment), как у арабского имперфективного префикса второго лица женского рода, который окружает глагольную морфему в taqtulī. «ты (ж. р.) убиваешь», где морфемой второго лица женского рода является ta---ī., в то время как «убивать» передается при помощи -q-t-l, а «имперфектное время» – через -u-. Точно так же существует и вставка (intercalation), обнаруживаемая опять-таки в семитских языках, при которой часть подчиненного элемента предшествует корню или следует за ним, а другая часть вставляется внутрь. Все эти способы, встречаются настолько редко, что, по крайней мере для изученных нами языков, вычислять их индексы не имело смысла. Сюда же по существу относится и сепировский символизм, который он рассматривает как особый технический прием наряду с изоляцией, агглютинацией и фузией. Сепировский символизм, или внутреннее изменение, является, на мой взгляд, просто инфиксацией словоизменительного элемента: ср., например, инфикс прошедшего времени -a- в английском sang «пел». Когда подобные элементы являются деривационными, как в индонезийских языках, процесс обычно называется инфиксацией. Это выявляет тот факт, что с использованием термина «символизм» у Сепира связаны два определенных соображения – позиция и регулярность. Процесс инфиксации вполне может быть регулярным, и в этом случае конструкция должна быть агглютинирующей. В действительности же, однако, это вряд ли когда-либо случается.

Последний параметр имеет дело со способами, используемыми в различных языках для установления связи между словами. Он, следовательно, вводит критерии как синтаксического, так и морфологического порядка. Существуют три способа, которые языки могут использовать, – словоизменение без согласования, значимый порядок слов и согласование.

Языки, применяющие первые два способа, принадлежат, по классификации Сепира, к чисто-реляционной категории, в то время как языки, применяющие согласование, являются смешанно-реляционными. Словоизменительный индекс, рассмотренный выше, будет включать как несогласуемые, так и согласуемые словоизменительные морфемы. Этот индекс, который можно было бы назвать индексом преобладающего словоизменения, для настоящей проблемы можно использовать лишь с известными ограничениями. Весьма вероятно, что, разграничив согласуемые и несогласуемые словоизменительные морфемы и причислив слова без словоизменительных морфем к изолирующему классу, можно было бы произвести четкое тройное деление. Степень характерности для языка изолирующих, словоизменительных и согласуемых приемов можно было бы исчислить тогда при помощи трех индексов, опирающихся на отношение каждого из этих типов к общему числу слов. Существует, однако, ряд осложнений, препятствующих осуществлению такой простой методики. Во многих языках, в частности в латыни, согласуемые и несогласуемые явления сливаются в одной и той же словоизменительной морфеме. Так, чип латинских прилагательных мужского рода винительного падежа единственного числа имеет два согласуемых признака – род и число – и один чисто словоизменительный – падеж. В подобных случаях наша методика заключается в том, что одну и ту же морфему мы считаем обычно несколько раз, т. е. столько, сколько в ней дифференциальных признаков. Другая трудность возникает в связи с порядком следования элементов. Порядок, по-видимому, всегда имеет известное значение для установления связи между элементами даже там, где существует словоизменение. Мы связываем винительный падеж с ближайшим глаголом даже при наличии нефиксированного порядка слов. Порядок может быть фиксированным даже тогда, когда в наличии имеются и другие средства, указывающие на то, какие слова входят в конструкцию. В целом это, например, справедливо в отношении немецкого языка. Значимый порядок придется ограничить такими случаями, при которых изменение порядка элементов вызывает изменение значения конструкции. Использованный здесь критерий ближе всего к этому последнему, но более легко применим. Отсутствие словоизменительной морфемы в том или ином слове принималось за указание на то, что связь осуществлялась при помощи порядка. Если назвать каждый случай использования того или иного принципа указания отношений между словами в предложении нексусом (nexus), то можно вычислить три индекса – O/N , Pi/N и Co/M , где O – порядок (order), Pi – чистое словоизменение (pure inflection), Co – согласование (concord) и N – нексус.

Таким образом, в общей сложности были охарактеризованы следующие типологические индексы:

- 1) M/W – индекс синтеза
- 2) A/J – индекс агглютинации
- 3) R/W – индекс словосложения
- 4) D/W – индекс деривации
- 5) I/W – индекс преобладающего словоизменения (gross inflectional index)
- 6) P/W – индекс префиксации
- 7) S/W – индекс суффиксации
- 8) O/ N – индекс изоляции
- 9) Pi/ N – индекс словоизменения в чистом виде
- 10) Co/N – индекс согласования

Ценность данных индексов заключается в том, что мы можем определить использованные величины последовательно и таким образом, что они окажутся применимыми ко всем языкам. В действительности почти все величины, употребленные в приведенных выше формулах, допускают несколько определений. Предпочтение, оказанное здесь тем или иным определением, обусловлено конкретными задачами исследования. Мы всегда задаем вопрос, что же, собственно, мы хотим измерить. С этой точки зрения в некоторых случаях, как представляется, нет достаточных оснований для предпочтения того или иного определения, и выбор производится совершенно произвольно, поскольку к какому-то решению волей-неволей нужно было прийти.

Переходим к дальнейшему развитию содержательных идей Сепира в типологии. Содержательные единицы, подвергаемые типологическому анализу (понятие языкового типа), характеризуются следующим образом (В.А. Плунгян): (1) выделение типов = инвентаря грамматических смысловых “атомов”; (2) их соединения в одном показателе = типология систем:

Задача, которую нам предстоит решить – это задача грамматической типологии, т.е. сравнение грамматических значений в языках мира.

Согласно гипотезе Т. Гивона, развитие естественных языков происходит в направлении «формализации» прагматических противопоставлений средствами синтаксических и дальнейшей «морфологизации» синтаксических категорий, после чего цикла «синтаксис □ морфология» может повториться. Известны еще лаконичные Гивона, отражающие соответственно оба названных этапа: «сегодняшняя морфология – это вчерашний синтаксис» и «то, что говорящие делают чаще, они кодируют более точно». Напомним, что сходная проблема вставала и в фонологии. Фонологические описания двух разных языков, вообще говоря, несопоставимы: два физически тождественных звука могут иметь совершенно разное фонологическое описание в разных системах, и наоборот, тождественно характеризующиеся фонемы двух разных языков могут иметь различную физическую реализацию. Чтобы сравнение звуковых систем стало возможно, для них следовало бы найти общий знаменатель, т. е. то, чем обладают все звуки во всех языках мира. Это общее и есть их физическая субстанция, которая остается за пределами ортодоксального структуралистского анализа, но которая является единственной возможной точкой от-

счета для анализа типологического. Типология по определению субстанциональна.

Субстанция, на которую опирается грамматическая типология – это субстанция семантическая. Типологическое исследование грамем должно исходить из того, что естественные языки обладают единой семантической субстанцией (универсальным, взаимопереводным семантическим содержанием); в качестве рабочего инструмента для описания такой субстанции используется тот или иной метаязык для записи значений – (это может быть определенным образом препарированное подмножество естественного языка или же язык, содержащий искусственные элементы – данный выбор зависит от той семантической теории, в рамках которой работает исследователь). Значения грамматических показателей в общем случае неэлементарны, но сравнение грамматических показателей разных языков позволяет обнаружить в их составе более простые повторяющиеся семантические элементы («грамматические атомы» типа 'данная ситуация предшествует некоторой другой ситуации', 'говорящий положительно оценивает данную ситуацию' и т. п.); множество таких атомов (определенным образом структурированное) составляет «универсальный грамматический набор» – пространство смыслов, из которого каждый язык выбирает некоторую часть для выражения средствами своей грамматической системы.

Задача грамматической типологии – как описание состава и структуры Универсального грамматического набора, так и описание тех (далеко не случайных) комбинаций грамматических атомов, которые образуют смысл грамматических показателей конкретного языка. Первую часть этой задачи можно определить как «типологию значений», вторую – как «типологию систем». В рамках типологии значений внимание исследователя направлено прежде всего на выявление инвентаря семантически близких атомов, образующих компактные «семантические зоны» и их более крупные объединения, или «домены» (например, зона кратности ситуации, входящая в аспектуальный домен, или зона ирреальности, входящая в модальный домен).

В рамках типологии систем описанию подлежат два основных феномена: «совмещение значений» и «кумуляция значений» в одном грамматическом показателе. Совмещение значений есть, в первом приближении, просто более удобный термин для обозначения грамматической полисемии: один и тот же показатель может, как известно, в разных контекстах выражать разные грамматические атомы (или разные их комбинации); и как правило, грамматические показатели, используемые в конкретно-языковых системах, полисемичны. Из частых случаев совмещения значений можно указать, например, полисемию рефлексива и реципрока, настоящего и будущего времени, дуратива (актуально длящейся ситуации) и хабитуалиса (ситуации, имеющей место регулярно и/или постоянно), и многие другие.

При типологизации «коммуникативных значений» представляет интерес исследование Т. Е. Янко, которая выделяет «<...> три типа коммуникативных значений: 1) коммуникативные значения, конституирующие речевые акты, или собственно иллокутивные значения (значение ремы, конституирующее

речевой акт сообщения и делающее предложение сообщением, отличным, скажем, от вопроса; значение интеррогативности, конституирующее вопрос и делающее вопрос вопросом, значение императивности и др.), 2) неконституирующие коммуникативные значения, или несобственно иллокутивные значения, которые противопоставлены конституирующим и которых в предложении может не быть; они служат основой для начала совершения речевого акта (значение темы, значение известного (несобственно вопросительного компонента) в вопросе и др.), и 3) коммуникативные значения, модифицирующие компоненты речевых актов и которых тоже может не быть (контраст, верификация, эмфаза и др.)” [Янко 2001: 19]. При этом важно, что “Коммуникативные значения первых двух типов совместимы со значениями третьего типа, т. е. существуют контрастная рема, контрастный вопросительный компонент вопроса, контрастный невопросительный компонент и контрастный императив, верификативная тема и верификативная рема, эмфатическая рема, эмфатический вопросительный компонент вопроса” [там же].

Рассмотрим несколько содержательных типологических классификаций, в которых данные теоретические идеи последовательно реализуются, но в разных направлениях.

По-видимому, тоже весьма удачными попытками решить содержательную проблему в типологии были следующие классификации – и выделяемые типы – предлагаемые...

ЯЗЫКИ "БЫТЬ" – ЯЗЫКИ "ИМЕТЬ"

Ссылаясь на Р. Якобсона, считающего, что в подавляющем большинстве языков (если не во всех) предикация с указанием на «состояние» выражается одним из двух асемантизированных глаголов со значениями «быть» и «иметь» (с первоначальным акцентом на интранзитивность / транзитивность), Бирнбаум пишет, что можно было бы по этому признаку разделить все языки на языки с «быть» и языки с «иметь». Безусловно, семанто-синтаксический анализ языков на основе вышеуказанных параметров представляет значительный интерес, и для отдельных языков подобные исследования проводились. Однако линии деления языков по признаку «быть» – «иметь» не совпадают с разделением их по генетическим признакам. Конструкции с «иметь» характеризуют современные чешский и словацкий языки, в то время как русский, видимо, надо скорее относить к типу языков с «быть». Поскольку в финно-угорских языках преобладает конструкция с «быть», некоторые лингвисты (как например В. Кипарский) ставили вопрос о возможном влиянии финно-угорского субстрата на русский язык, в то время как многие ученые приписывали широкое использование конструкций с «иметь» в чешском и словацком влиянию немецкого языка.

Формы соотношения «быть» и «иметь» даже в одном языке, как показали специальные работы, в их синонимических и антонимических связях очень многолики и разнообразны. Скорее эта сторона дела представляет интерес, чем просто избрание вышеуказанного бинарного признака для характеристики языков. Конечно, можно построить несколько типологических классификаций языков, беря за основу то один, то другой признак языковой

структуры, что уже имело место в истории лингвистики. Но задача состоит в том, чтобы выбрать среди возможных наилучшую. По-видимому, брать за основу типологических определений только какой-либо один из уровней языка недостаточно, расчеты на «отклики» одного уровня языка в другом (как бы зеркальное отображение или своеобразный изоморфизм, который пытались нащупать лингвисты) пока себя не оправдали. Представляется, что более целесообразно искать не отклики одного уровня в другом уровне языка, а те взаимосвязанные «межуровневые» явления, в области которых могут проявиться «пучки» различных уровневых признаков. Таким образом, именно участки языка, представляющие собой сосредоточие переплетающихся явлений лексики и грамматики, должны приниматься во внимание при определении языковых типов. Это касается не только, например, выразителей категории действия в измерении пространства и времени или в его отнесенности к агенсу и пациенсу, но и различных частей лексики как системы. Может оказаться важным и то, как проходит (и существует ли вообще) размежевание между словами, выражающими качество предмета и качество действия, иначе говоря, для каких языков действительно подразделение качественных характеристик между прилагательными и наречиями.

Следует отметить, что сам по себе глагол иметь, в силу своей несомненной «коммуникативной важности» и, с одной стороны, «жизненности» выражаемого значения, с другой – достаточно большой абстрактности, по своему месту в данном языке (или его отсутствию) и по возможным содержательным трансформациям представляет собой основу для ряда содержательных типологических классификаций.

Понимание того, что сходные черты могут наблюдаться в языках, генетически между собой не связанных или давно разошедшихся в своем историческом развитии, было отчетливо сформулировано Ж. Вандриесом в докладе под названием «Сравнение в лингвистике», прочитанном на заседании Лингвистического общества в Париже в 1945 г., Вандриес пишет, что можно сравнивать сходные черты, наблюдаемые в разных языках, не заботясь о том, чтобы этим доказать их родство. Он приводит, в частности, такой пример: в качестве вспомогательного глагол «иметь» употребляется для передачи прошедшего законченного действия во многих языках: *J'ai pris ce livre* означает *je le liens apres et pour l'avoir pris, il est cut re mes mains*. Это наблюдается в романских языках, в германских и в современном греческом, где можно заподозрить влияние латыни. Однако это есть и в других языках, не связанных между собой генетически и не испытавших влияние латинского языка. Глагол «держат» в той же вспомогательной функции есть в португальском и в согдийском, явно не связанных друг с другом. Языки, не употребляющие во вспомогательной функции «иметь», используют оборот «у меня есть» – *est mihi liber, a ne haber> librum*. Вандриес пишет, что появляется важная задача выявить факты, общие для самых различных языков, чтобы достичь той мыслительной основы, которая скрывается за лингвистической реальностью и которая определяет эту последнюю.

Итак, в лингвистической типологии попытки классифицировать языки исходя из отдельных содержательных категорий были чрезвычайно интересны. Список таких категорий, которые на практике использовались типологами-классификаторами, очень велик. Естественно, мы не ставим задачу знакомить читателя со всеми.

Рассмотрим две содержательные классификации языков: во-первых, по выражению категории локации дейктическими средствами, во-вторых – типологию императивных форм.

Если исходить из определения языкового типа как формы организации понятийного содержания языка, то различные формы расчленения понятия или синкретизм понятий (например, объединение вида и времени, вида и наклонения, времени и наклонения и т. п. явления, наблюдаемые во многих языках) имеют прямое отношение к проблеме выделения языковых типов. Вместе с тем расчлененность того или иного понятия сама по себе не создает языкового типа, хотя, несомненно, представляет интерес для описания данного языка. В лингвистической науке детализация пространственных отношений (так же как и переосмысление элементов, раньше служивших для выражения пространственных отношений, а впоследствии приобретавших другие функции) была объектом многочисленных работ. Например, известно, что в кламатском языке указание на близость («этот») и дальность («тот») как для одушевленных, так и для неодушевленных имеет по четыре формы со своими семантическими оттенками:

«этот»: 1) находится достаточно близко, чтобы к нему можно было прикоснуться

2) находится совсем близко

3) стоит перед говорящим

4) имеется налицо, находится в поле зрения «тот» –

«тот»: 1) видим, хотя и удален

2) отсутствует

3) отсутствует – удалился

4) находится вне поля зрения.

Следует еще учесть, что все эти формы существуют отдельно для подлежащего и для дополнения. С вашей точки зрения дробность однопорядковых явлений имеет для типологического сравнения языков меньшую ценность, чем разность в моделировании языками комплексов связанных представлений.

Более существенна для определения языкового типа другая черта кламатского языка: сочетание пространственных и временных элементов отношения. Все, что относится в кламатском языке ко времени, выражается словами, которые применялись раньше к пространственным отношениям. Наречия времени произошли от наречий места, иногда продолжают сохранять оба значения (довольно частое явление во многих языках мира). (Время в кламатском глаголе указывается с помощью частиц, первоначально имевших локативное значение. Нет глагола «быть». Глагол на самом деле лишь указательное местоимение «этот» в глагольной форме, т. е., приняв глагольную

форму, местоимение стало означать «быть здесь»). В общей форме соединения понятий, относящихся к сфере пространства и сфере времени, – почти универсалия для языков, однако именно конкретные линии объединения и разделения этих понятий, происходящие в разных направлениях в отдельных языках, могут стать полезными параметрами для выделения языковых типов.

Должен ли языковой тип выделяться при оперировании различительными чертами, имеющими (каждая) строго одномерное выражение? По-видимому, в каждом языковом типе содержится некоторый набор черт, отличающий один тип от другого, но при этом каждая из этих черт должна быть строго одномерна, т. е. моносемантична. Недопустим набор признаков для отдельной отличительной черты, хотя на первый взгляд это может показаться более экономичным в описании языка. Полезно выяснить, что представляют собой эти признаки и одинаков ли принцип их выделения для явлений различных уровней языка. (К.Е. Майтинская)

Подход В.С. Храковского и А.П. Володина к построению типологии императивных форм в языках мира «классически-типологический»: вначале исследователи теоретически рассматривают возможные типы значений / содержательных признаков (например, грамматическое императивное значение волеизъявления), объединяемых данной категорией, затем (на материале около 130 языков, где преимущественно были представлены языки бывшего СССР) выделяют типы исходя из того, какие наборы вышеназванных содержательных признаков находят в данном языке свое формальное выражение.

Итак, значение «императива» включает:

I. Постоянные компоненты: 1) грамматическое императивное значение волеизъявления; 2) номинативное значение действия; 3) значение 1 л. ед. ч. говорящего. Эти компоненты значения входят в план содержания любой императивной словоформы.

II. Переменные компоненты: 1) грамматическое значение лица и числа исполнителя; 2) грамматическое значение числа слушающего. Все словоформы императивной парадигмы содержат различную информацию о лице-числе исполнителя и/или различную информацию о числе слушающего.

Располагая моделью плана содержания императивных форм, мы имеем все необходимое для того, чтобы построить универсальную парадигму императива. Нетрудно понять, что в эту парадигму должно входить столько форм, сколько существует теоретически допустимых комбинаций переменных компонентов плана содержания – значений лица-числа исполнителя и числа слушающего.

Введем обозначения. А – говорящий (отправитель, побуждающий при апеллятивном общении): 1 л. ед. ч.; В – слушающий (получатель): 2 л. ед. ч.; ВВ – слушающие (получатели): 2 л. мн. ч.; С – лицо, не участвующее в речевом акте: 3 л. ед. ч.; СС – лица, не участвующие в речевом акте: 3 л. мн. ч.; Д – исполнитель действия (побуждаемый субъект действия при апеллятивном общении).

Исполнителем (побуждаемым субъектом) действия может быть: А – говорящий; В – слушающий; ВВ – слушающие; С – лицо, не участвующее в ре-

чевом акте; СС – лица, не участвующие в речевом акте. Все теоретически допустимые комбинации перечисленных элементов: А+В, А+ВВ, А+С, А+СС, В+С, В+СС, ВВ+С, ВВ+СС, А+В+С, А+ВВ+С, А+В+СС, А+ВВ+СС. Всего, таким образом, существует 17 логических возможностей для выражения исполнителя действия. Если при этом учесть, что слушающий бывает единичным или множественным, то всего исчисление включает 34 допустимые комбинации переменных элементов семантической структуры императива.

Мы переходим к классификации, в которой, как представляется, семантический принцип выдержан наиболее последовательно (это видно уже из названия классификации – контенсивная). К главным отличительным особенностям данной типологии относится также отказ от последовательного применения критерия членимости слова (хотя для ряда выделяемых здесь типов данный принцип по-прежнему очень важен) и отчетливый перенос в центр внимания структуры – и особенностей семантики – предложения, а также стадиальность (что некоторыми типологами понимается как ее слабость). Следует отметить, что среди содержательных категорий, которые Г.А. Климов использует в качестве исходных оснований при выделении различных типов его классификации (прежде всего это разные формально-содержательные типы слов и отношения между членами предложения) есть достаточно распространенные (например, эргативные языки) и достаточно редкие, например активность – как общая идея, которая может находить свое выражение в целом ряде разных языковых категорий: Г.А. Климов подчеркивает, что попытки выявить четкие формальные признаки данной содержательной идеи (с точки зрения традиционного структурно-лингвистического подхода) бесперспективны.

Прежде чем мы рассмотрим контенсивную типологию Г.А. Климова в целом, рассмотрим один из интересных типов языков, который, по видимому, невозможно было выделить в рамках предшествующих классификаций, – классный тип. Задумаемся: в чем сущность таких «классов»? В чем тогда главные особенности самих принципов типологии, в которой выделяются языковые типы, подобные данному.

Язык дьирбал(а) – Австралия (Дж. Лакофф):

Есть четыре класса:

I класс – названия мужчин, кенгуру, рыб, летучих мышей: всё живое мужского пола;

II класс – женщины, барсуки, собаки, утконосы, ехидны, несъедобные змеи, птицы, сверчки, скорпионы, : всё живое женского пола; всё связанное с огнём, звёздами, водой, битвой;

III класс – все съедобные фрукты и те растения, на к-рых они растут; + сигареты, вино, лепёшки: класс вегетарианской пищи;

IV класс – части тела, ветер, палки, копыта, деревья, злаки, камни, звуки.

Принципы членения: (1) Если существует какая-то сфера жизни, опыта, которая ассоциируется с одним из классов, то все реалии этой сферы вносятся в данный класс (ср.: рыбы – одуш., муж.род □ I класс. Но в I класс вошли и: леска, крючки... всё связанное с рыбалкой!);

(2) Если какое-то существительное обладает хар-ками "X", и к-рое на основе поверья наделяется хар-кой "Y", по к-рой д.б. отнесено к другому классу □ к какому классу будет отнесено? К классу Y (ср. птицы д.б. отнесены к 1 классу, но по поверьям птицы – души умерших женщин □ относятся ко 2 классу).

В кирунди имеется 17 именных классов 1, которые выражаются в существительном при помощи специальных префиксов. Существительное навязывает классное согласование (также выражаемое префиксами): 1) обычному прилагательному; 2) местоименному прилагательному (указательным местоимениям, притяжательным местоимениям,...); 3) глаголу, подлежащим которого является данное существительное; и 4) переходному глаголу (включая инфинитив), прямым дополнением которого является данное существительное.

Классы 1 языка кирунди имеют следующие семантические корреляты:

I, II	только названия людей;
III, IV	названия деревьев, а также разные существительные;
V, VI	отглагольные существительные, названия предметов, преимущественно шаровидных, разные существительные;
VI	названия «естественных» жидкостей, названия особых моментов времени, некоторые существительные, обозначающие обладание;
VII, VIII	названия различных неодушевленных предметов, некоторые названия животных, названия языков;
IX, X	названия животных, названия артефактов, разные существительные;
XI, XII	названия маленьких животных и насекомых, имена с собирательным значением; <i>singularia tantum</i> (только класс 1 XI), разные существительные;
XIII, XIV	несколько разных существительных;
XVI	<i>pluralia tantum</i> с собирательным значением, названия стран, существительные, обозначающие обладание или отношение, разные существительные;
XVII	названия парных, но не шаровидных частей тела, разные существительные;
XIX	имена с локативным значением. (И.А. Мельчук; т. III; с. 171).

Имеются также следующие исключения:

1) названия людей бывают и вне классов 1 I и II, например, *umusóre* 'молодой человек', класс 1 III; *ikijúújú* 'идиот', класс 1 VII; *intore* 'приятный человек', класс 1 IX; *iguúouá* 'младенец', класс 1 XI;

2) названия искусственных жидкостей распределены между несколькими классами 1: *umivínúy* 'вино', класс 1 III; *irisáansi* 'бензин', класс 1 V; ...

Примеры:

u + guá mu + gabo mu + bí a + ri kure

I этот I человек I плохой I быть далеко

'Этот плохой человек находится далеко'.

bá + rya ba + gabo ba + bí ba + ri kure

II этот II человек II плохой II быть далеко

'Эти плохие люди находятся далеко'.

u + rya mu + sóre mu + bí a + ri kure

III этот III юноша III плохой III быть далеко

'Этот плохой юноша находится далеко'.

i + rya mi + sóre mi + bí i + ri kure

IV этот IV юноша IV плохой IV быть далеко

'Эти плохие молодые люди находятся далеко'.

ki + rya gi + tabu ki + bí ki + ri kure

VII этот VII книга VII плохой VII быть далеко

'Эта плохая книга находится далеко'.

bi + rya bi + tabu bi + bí bi + ri kure

VIII этот VIII книга VIII плохой VIII быть далеко

'Эти плохие книги находятся далеко'. (И.А. Мельчук; т. III; с. 272-

273).

Трудный случай (Мельчук):

Как известно, в японском языке числительное обязательно маркируется специальным суффиксом в зависимости от того, к какому существительному это числительное относится. Возьмем числительное SAN 'три':

'ребенок' Kodomo + o san + nin 'три ребенка'

'карандаш' Empitu + o san + bon 'три карандаша'

'журнал' Zassi + o san + satu 'три журнала'

'полотенце' Tenugui + o san + mai 'три полотенца'

'письмо' Tegami + o san + tu 'три письма'

'автомобиль' Kuruma + o san + dai 'три автомобиля'

'комар' Ka + o san + biki 'три комара'

'птица' Tori + o san + ba 'три птицы'

Если предположить, что sannin, sanbon, sansatu и т. д. являются словоизменительными формами лексемы SAN 'три', выбираемыми в соответствии с исчисляемым существительным, то для японского языка необходимо постулировать около пятнадцати согласовательных классов (в примере приведен далеко не полный список), которые очевидным образом окажутся именными классами I.

Однако не вполне ясно, можно ли считать рассматриваемые формы числительных словоизменительными (= согласовательными) формами одной лексемы, или же они являются отдельными лексемами, образованными от числительного SAN. Помимо приведенных форм, в японском языке встречаются аналогичные формы, которые похожи скорее на дериваты:

san + do 'три раза'

san + bai 'три стакана/чашки'

Каждый суффикс имеет точное значение (-to/-do 'раз', pai/-bai 'стакан/чашка', и соответствующие формы выбираются не по правилам согласования, а в соответствии с их смыслом. Такое же употребление возможно и для форм типа:

Kami + o san + mai 'три листа бумаги'

где -mai имеет очень конкретное значение: 'лист'. Это заставляет нас считать, что указанные формы японских числительных являются дериватами, имеющими свой собственный смысл: sannin 'три человека', sanbon 'три палки', sansatu 'три книги' и т. д. Эти лексемы выбираются БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ в соответствии с их смыслом, так что пример иллюстрирует скорее семантическое соответствие, чем синтаксическое согласование (И.А. Мельчук; т. III; с. 294 и т. д.).

Для языков классного строя характерно разделение главных частей речи на семантические классы (разряды). Например, в кругу существительных есть разряд человека, разряды животных, растений, длинных предметов, предметов коротких, круглых, плоских и т. д.; глаголы разделяются на глаголы ситуации и глаголы качества; им соответствуют определенные конструкции предложения, при этом в конструкциях с глаголами ситуации передаются общие субъектно-объектные отношения (Принципы 1976, 132–133; Климов 1983, 87–89). К классному типу относятся многие языки Центральной Африки, включая языки семьи банту и в их числе суахили – один из самых распространенных в межэтническом общении африканских языков.

Активный строй (от лат. *activus* – деятельный, действенный) (фиентивный строй, активная типология, активность) – типология языка (см. Типология лингвистическая), ориентированная на семантическое противопоставление не субъекта и объекта, как в языках номинативного строя, а т. наз. активного и инактивного начал. В лексике А. с. проявляется в распределении существительных на классы активных (одушевленных) и инактивных (неодушевленных), глаголов – на классы активных (глаголов действия) и стативных (глаголов состояния), при отсутствии класса имен прилагательных. В синтаксисе для А. с. характерны корреляция активной и инактивной конструкции предложения, противопоставление т. наз. ближайшего и дальнейшего дополнений. Активная конструкция обусловлена активным глаголом, ср. гуарани o-heña e-roga 'Он видит твой дом', инактивная – стативным, ср. гуарани ti-miĩ 'он скромн'. В морфологии для имени специфична морфологич. категория притяжательности, различающая формы органич. и неорганич. принадлежности (при наличии системы склонения активный падеж противопоставляется инактивному). В глагольном словоизменении есть морфологич. категории: лица, представленной активной и инактивной сериями личных показателей; версии (различающей центробежную и нецентробежную формы); способа действия. Языки А. с. распространены в Сев. и Юж. Америке: семьи на-дене, сиу, мускоги (галф), тупи'-гуарани' и, по-видимому, ирокуа-каддо. Есть некоторые основания реконструировать А. с. для прошлого ряда совр. языков номинативного строя (среди них – индоевропейских) и эргативного строя (Г.А. Климов).

Следует отметить, что, конечно же, сама идея «активности», являющаяся типорганизирующей для (ограниченного числа только американских) языков, представлена чрезвычайно широко – и, по-видимому, может быть отнесена к числу важнейших содержательных категорий среди языков в целом.

Кстати, грамматические структуры, которые в этом смысле можно, наверное, считать частными проявлениями данной категории, издавна использовались типологами при сопоставлении структур языков – например, категория одушевленности (морфология), особые глагольные спряжения (морфология и синтаксис), противопоставление активного и пассивного залога, «личных» и «безличных» предложений (синтаксис).

Ср. активные – пассивные конструкции в английском языке:

актив Adam gave the apple to Eve 'Адам дал яблоко Еве',

пассив The apple was given to Eve by Adam, букв. 'Яблоко было дано Еве Адамом'.

непрямой пассив Eve was given the apple by Adam, букв. 'Ева была дана яблоко Адамом'.

Заметим, что прямое дополнение английского актива сохраняет свой синтаксический статус в непрямом пассиве, что невозможно, например, в русском или французском языке.

В тагальском языке переходный глагол, обозначающий действие, обычно обладает активным и тремя различными пассивными залогами;

- прямой пассив, продвигающий в позицию подлежащего прямое дополнение [инфикс -in-];

- не прямой, или локативный пассив, продвигающий косвенное, бенефактивное, локативное или директивное дополнения [суффикс-(h)an];

- инструментальный пассив, продвигающий дополнение инструмента или образа действия [префикс i-].

При продвижении соответствующего элемента в позицию подлежащего прежнее подлежащее понижается до ранга косвенного дополнения.

Для лучшего понимания примеров приведем сначала списком показатели поверхностно-синтаксических ролей в тагальском языке, они же показатели (аналитических) падежей:

номинатив (подлежащее) ang

обликвус (все объектные дополнения) ng

датель (директивные или локативные дополнения) sa

Так, например, от лексемы SULAT 'писать' могут быть образованы следующие формы (мы приводим их в прошедшем времени, которое в тагальском языке морфологически проще настоящего; выделены показатели залога в глаголе и подлежащие с их падежными показателями):

актив

Sulat ng-liham ng-pulang tinta sa-istudyante ang- titser
письмо красный чернила студент профессор

'Профессор написал письмо студенту красными чернилами'.

прямой пассив

S+ in + ulat ng titser ng pulang tinta sa istudyante ang liham

'Письмо было написано профессором студенту красными чернилами'.

непрямой пассив

S+ in + ulat + an ng titser ng liham ng pulang tinta ang istudyante,

букв. 'Студент был написан письмо профессором красными чернилами'.
инструментальный пассив

I + sulat ng titser ng liham sa istudyante ang pulang tinta,

букв. 'Красные чернила были написаны письмо студенту профессором'.

(Мельчук, т. II, С. 171-172).

В этом отношении представляет интерес исследование В.Г. Гака, который рассматривает проявление в национальном языке не только статической, но и динамической картины мира, то есть того, какие стороны объективной действительности имеет тенденцию отмечать в первую очередь говорящий на данном языке при формировании высказывания (прежде всего это касается отражения в структуре высказывания предметной ситуации, или диктума, и речевой ситуации, или модуса) [Гак 2000]. Так, для русского высказывания "характерно частое соответствие синтаксического подлежащего и семантического субъекта, в то время как во французском предложении синтаксическое подлежащее нередко оформляет семантический объект, обстоятельство причины, места, времени. Неодушевленное существительное занимает при этом позицию, которая обычно предназначается для существительного одушевленного; происходит своеобразный метафорический перенос и такие конструкции именуется «синтаксическим анимизмом»:

Septembre a ramené mes camarades au collègue (Détrez). 'В сентябре мои товарищи вернулись в колледж' (букв. «Сентябрь возвратил моих товарищей в колледж»)» (В.Г. Гак).

Активный строй можно коротко определить как такой тип языка, структурные компоненты которого ориентированы на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и инактивным участниками пропозиции. В соответствии с этим глаголы лексикализованы в нем по признаку активности ~ стативности «действия», а не транзитивности – интранзитивности, а субстантивы разделены на активные (одушевленные) и инактивные (неодушевленные). Соответственно, в синтаксисе здесь выступает корреляция активной и инактивной конструкций предложения, а также ближайшего и дальнейшего дополнений, и в морфологии – оппозиция активной и инактивной серий личных показателей глагола или активного и инактивного падежей имени и т. п.

Современные представители активного строя засвидетельствованы пока лишь на американском континенте. В Северной Америке они составляют сепиловскую «большую семью» на-дене, а также группы сиу, мускоги (галф) и, по-видимому, ирокуа-каддо. Первая из них представлена сплошным массивом в северо-западной части Канады и в смежной зоне США (штат Аляска), а также отдельными вкраплениями на тихоокеанском побережье США и в южных отрогах Скалистых гор, вторая – в центральном регионе США (к востоку и юго-востоку от них локализируются я лыки ирокуа-каддо), третья – на юге, юго-востоке и востоке США.

Наиболее обширная по своему составу семья на-дене включает языки хайда, тлингит, эяк (все – на тихоокеанском побережье), а также большую совокупность близкородственных атапаскских языков; навахо (около 80 тыс.

говорящих), апаче, чирикахуа, хупа, маттоле, сарси, чипевья, карьер и др. В группу сиу входят языки дакота, ассинибойн, понка, тутело, хидатса, крау, офо, айова, катамба и др. (вероятно, большинство из них не может рассматриваться в качестве представителей строго выдержанной активной типологии). К группе мускоги (галф) чаще всего причисляют языки мускоги (или крик), хичити, коасати и чоктав, хотя иногда к ним относят и ряд других, типологический облик которых менее ясен.

В целом рассматриваются три категории эмпирических объектов. Центр тяжести исследования приходится на представителей активной типологии, реально засвидетельствованных на лингвистической карте мира. Другую категорию его объектов составляют так или иначе напоминающие их отдельные древние языки Ближнего Востока, представленные лишь памятниками письменности. Наконец, третью группу объектов здесь образуют некоторые уже реально не засвидетельствованные, а лишь реконструируемые праязыковые системы (общеиндоевропейская, общекартвельская, общенисейская, общеафразийская и нек. др.), лучше всего укладывающиеся в схему активного строя.

Принципиально важными понятиями теории активности, отчетливое размежевание которых составляет необходимую предпосылку ее адекватности, представляются понятие активной конструкции предложения, его целостной активной типологии и, наконец, активного строя языка в целом.

С самого начала необходимо признать бесперспективность попыток сформулировать перечисленную совокупность определений на уровне тех или иных поверхностных параметров языков активной типологии. Уже сам конденсивный характер типологической схемы, только с точки зрения которой и оказывается возможной постуляция рассматриваемого здесь структурного типа, с необходимостью предполагает соотносительность соответствующих дефиниций с глубинной структурой, вызывающей к жизни весь механизм активного строя (ранее имела место попытка дать соответствующие определения, приближающиеся по своему характеру к операциональным). Впрочем, ввиду определенных расхождений формально-типологических параметров активных языков иной подход был бы вообще едва ли возможен: в одних языках отношения активности могут передаваться в глаголе, в других – как в глаголе, так и в связанных с ним именных компонентах предложения, в третьих – исключительно в именах. Более того, активный строй способен к воплощению не только в агглютинативных и флективных языках, но и в языках, формальный тип которых может определяться как изолирующий (в последнем случае характерные для него отношения могут, в частности, передаваться посредством служебных слов). Так, на непреодолимые трудности наталкивается, например, попытка общего определения активной (или пассивной) конструкции предложения, базирующаяся на признаках поверхностного синтаксиса. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, существуют некоторые поверхностно-синтаксические черты, общие для всех ее разновидностей – такие, как доминанция сказуемого над связанными с ним именными компонентами предложения – они не способны послужить основой для ее

удовлетворительного определения. Дело в том, что, не говоря уже о соответствии этих признаков другим моделям предложения активной типологии (инактивной и аффективной), они присущи и всем моделям предложения по крайней мере эргативной типологии.

Представляется естественным начать с дефиниции наиболее общего из входящих в обозначенный круг понятий концепта активного строя языка, не нуждающегося, по-видимому, в каких-либо ссылках на предварительно выработанные определения более узких концептов. В соответствии с его глубинной сущностью он может быть определен как такой строй, разноуровневые поверхностные характеристики которого ориентированы на передачу противопоставления не субъектного и объектного начал, как то наблюдается в системе номинативной типологии, или не агентного и фактитивного (по А.Е. Кибрику), как то имеется в системе эргативной типологии, а активного и инактивного. Это практически значит, что совокупность признаков-координат его поверхностной структуры (прежде всего – противопоставление активного и инактивного классов субстантивов, оппозиция активных и стативных глаголов, корреляции активной и инактивной конструкций предложения, активного и инактивного рядов личных показателей глагола и активного и инактивного падежей) обнаруживает значительно меньшую приспособленность к передаче субъектно-объектных отношений, чем это имеет место в рамках эргативного и особенно номинативного строя.

В принципе, подобно известным вариациям эргативной и абсолютной конструкций предложения в системе эргативного строя, его активная и инактивная модели могут выступать в трех морфологических разновидностях – глагольной (1), смешанной (2) и именной (3), которые схематически можно отобразить следующим образом:

Активная конструкция	Инактивная конструкция
1. N – – Vact	1. N – – Vstat
2. Nact – – Vact	2. Ninact – – Vstat
3. Nact – – V	3. Ninact – – V

Что же касается именной разновидности активной и инактивной конструкций предложения, то она в настоящее время на материале идентифицированных языков активного строя, как будто, не засвидетельствована. Однако тем больший интерес вызывают случаи остаточного функционирования этой разновидности в структуре отдельных языков уже преимущественно номинативной или эргативной типологии. Возможно, она была представлена, например, в наиболее раннем состоянии древнеегипетского языка, где функцию активного «падежа» мог играть предлог *in*. В частности, М. А. Коростовцев приводит множество иллюстраций, свидетельствующих о том, что здесь в отличие от аналитического «номинатива», передаваемого сочетанием нулевого предлога с именем существительным или местоимением, «сочетание «*in* + существительное», с одной стороны, и парадигма независимых местоимений, с другой стороны, выражают в предложении не только грамматический и логический субъект, но вообще тот предмет или лиц», которое в предложении играет главную смысловую роль». Существуют основания предполагать,

что она имелась и в том состоянии протоиндоевропейского, а также протокартвельского, в котором оппозиция активного и инактивного падежей еще сохранялась, но обе серии личных окончаний глагола уже начали смешиваться.

Из сказанного естественно заключить, что активная конструкция – это модель предложения активной типологии, передающая активное действие, а инактивная – модель, передающая состояние.

Характерной импликацией языков активного строя следует считать также «АФФЕКТИВНУЮ» конструкцию предложения, которая должна быть здесь определена как модель предложения активной типологии, передающая произвольное действие или состояние. Семантическая специфика задающих ее глаголов обуславливается объемом мыслимых действий, которые не могут быть переданы активной и инактивной конструкциями: в их состав входят не только *verba affectum* и *verba sentiendi*, как это обычно имеет место в эргативных языках, но и значительно более широкая группа других глагольных лексем, передающих произвольное действие или состояние. Три возможных морфологических разновидности этой модели предложения, которая, таким образом, лишь сопершено условно может быть квалифицирована в качестве «аффективной» (некоторая условность этого термина налицо, конечно, и по отношению к языкам эргативного строя), – глагольная, смешанная и именная – схематически могут быть отражены следующим образом:

1. N   --   Vaff
2. Naff --   Vaff
3. Naff   --   V

Естественно, что ввиду обычной неразвитости парадигмы склонения в засвидетельствованных представителях активного строя в них фактически всегда налицо ее глагольная разновидность. Ср. ее иллюстрацию из языка ассинобойн (группа сиу): *he miš George Oldwatch wa-mn-aka* 'я видел Джорджа Олдуотча' (где *mn-* префикс 1-го лица аффективного ряда).

Передача субъектно-объектных отношений в языке вичита (группа каддо), как ее характеризует Д. Руд, дает основания думать, что типологически активная схема функционирования здесь личных аффиксов глагола начинает затемняться. Ср., например следующие словоформы:

<i>taka'acs</i>	(*ta-ki-?ac-s)	'я холоден'
<i>takihiya: s</i>	(*ta-ki-hiya-s)	'я голоден'
<i>taki?i: ys</i>	(*ta-ki-?i: y-s)	'он меня видел'
<i>tachish</i>	(*ta-t-hisha)	'я пошел'

(где *t-* – аффикс 1-го лица активного ряда, а *ki-* – инактивного).

Несколько более отдаленную аналогию активной модели предложения представляет собой за свидетельствованное в одном из нахско-дагестанских языков – бацбийском – построение с подлежащим в форме эргатива при интранзитивном глаголе-сказуемом (типа *ас коттлас* 'я беспокоюсь', *атхо наздрах кхитра* 'мы оземь ударились', *аишуиш цо буицIар* 'вы сами не наелись' и т. п.), подчеркивающее активность совершения действия в отличие от по-

строения с подлежащим в форме абсолютного падежа и таким же глаголом-сказуемым (типа со коттол 'я беспокоюсь', тхо кадрах кхитра 'мы оземь ударились', шу цо буицIар 'вы не наелись' и т. п.), передающего непроизвольный характер действия или состояния. Естественно, что ни в одном из эргативных языков подобные конструкции не занимают настолько заметного места, чтобы в нем можно было усмотреть функционирование активной типологии предложения в целом. Типологически отличные профилирующие компоненты обнаруживает и общая структура этих языков.

Из совокупности номинативных или преимущественно номинативных языков, знающих факты пережиточного функционирования элементов активности или уже – активной конструкции предложения, могут быть названы картвельские, енисейские и некоторые индоиранские языки.

ЛЕКСИКА

Одной из важнейших лексических импликаций активного строя следует считать бинарное распределение всех ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ на класс активных, с одной стороны, и класс неактивных, с другой, отражающее по своему составу различие реальных денотатов по признаку наличия или отсутствия у них жизненной активности, жизненного цикла. В соответствии с этим к АКТИВНОМУ классу имен в языке хайда относятся обозначения людей, животных, деревьев и растений: ср., например, djáda 'женщина', 'auga 'мать', гаха 'ребенок', х□а 'собака', k□at 'олень', t□cu 'красный кедр', и др. Напротив, к ИНАКТИВНОМУ относятся названия всей остальной совокупности предметов и явлений: ср. gwai 'остров', гауи 'море', gó□а 'скала', tágun 'шкура', па 'дом', куп 'нос' и т. п. в том же языке. Необходимо поэтому признать, что преобладающее в специальной литературе терминологическое разграничение обоих классов как «одушевленного» (animate, helehete и др.) и «неодушевленного» (inanimate, inibeble и др.) вполне адекватно отражает логические основания данной классификации, нередко квалифицировавшейся в языкознании прошлого в качестве виталистической (classification vitalitatskalcgorie). Следует иметь в виду, однако, что иногда внутри имен активного или неактивного классов встречаются более дробные подразделения, намного менее значимые в структурном плане и основанные на конкретизации предметов по их форме (такая картина налицо, в частности, в языках на-дене) или одушевленных референтов по их принадлежности к людям или животным (ср. положение в некоторых представителях* семьи тулп-гуарлп).

Из приведенных выше примеров должно быть очевидным, что констатируемое лексическое противопоставление в структуре самих имен здесь не получает специального формального выражения, что придает соответствующим группировкам статус скрытых классов. Вместе с тем оно достаточно рельефным образом отражается на особенностях как синтаксической, так и морфологической структуры активных языков (ср., в частности, синтаксическую сочетаемость активного глагола-сказуемого с подлежащим исключительно активного класса, различие притяжательных форм органической и неорганической принадлежности лишь именами активного класса и т. п.).

Другой важнейшей лексической импликацией активного строя является функционирующий в нем принцип лексикализации ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВ но по признаку переходности – непереходности передаваемого действия, как это имеет место в эргативных и особенно номинативных языках, а по критерию его активности – инактивности в том понимании этого противопоставления, которое нередко приближается к оппозиции одушевленного неодушевленного действия. В соответствии с этим вместо оппозиции транзитивных и интранзитивных глаголов здесь проводится противопоставление активных и стативных.

Активные глаголы или так называемые «глаголы действия» передают различные действия, движения, события, производимые денотатами активного класса. К ним относятся глагольные лексемы такой характерной семантики, как 'рождать, -ся', 'расти, -ть', 'умирать', 'идти', 'бежать', 'прыгать', 'падать', 'лежать', 'есть', 'пить (воду)', 'говорить', 'плакать', 'резать', 'ловить', 'ломать', 'держать', 'давать', 'печь', 'гремять (о громае)', 'сверкать (о молнии)', 'идти (о дожде)' и мн. др. Так, например, в языке камаюра (семьи тупи-гуарани) активными являются глаголы: *maɾaká* 'петь', *ha* 'идти', *maɪb* 'умирать', *jaɪ* 'бежать', *juka* 'убивать', *ɲɪb* 'бить, ударять', *kuɬuk* 'протыкать', *atá* 'ходить', *wewúj* 'плавать (по течению)', *wewé* 'летать', *arê* 'жечь', *kwaɬár* 'знать, уметь', *me'é* 'давать', *tomót* 'бросать', *reju* 'дуть (о ветре)', *rotát* 'хотеть', *rêhêk* 'держать', *u* 'есть', *ú* 'пить (воду)', *u'ú* 'кусаться', *rêté* 'сосать (грудь)' и др. Поскольку переходность – непереходность действия не / составляют в рамках системы активного строя структурно релевантного признака, НЕ ПРИХОДИТСЯ УДИВЛЯТЬСЯ тому обстоятельству, что сплошь и рядом в его представителях функционируют единые глагольные лексемы с «диффузной», с точки зрения систем эргативного и номинативного строя, семантикой типа 'умирать – убивать', 'гореть ~ жечь', 'сохнуть ~ сушить', 'ложиться ~ класть', 'просыпаться ~ будить', 'падать ~ валить', 'идти ~ нести', 'бежать ~ гнать', 'вставать – ставить', 'ползти ~ волочить' и т. п.

По семантике активных глаголов видно, что они представляют собой одноместные, двухместные и трехместные предикаты.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЕНА

В МУСКОГИ противопоставляются активный падеж с аффиксом *-t* инактивному с аффиксом *-n* > □.

Это противопоставление есть и в личных местоимениях языка ДАКОТА: *mí-š* 'я' (активн. пад.) ~ *mí* 'я' (инактивн. пад.); *i-ś* 'он' (активн. пад.) ~ *i'* 'он' (инактивн. пад.)

В ГУАРАНИ противопоставляются послеложное управление со стороны субстантивов активного и инактивного классов – обычно в характере оформления имени объекта действия:

a-heša ne-góga 'я вижу твой дом'

при

a-heša ne-gúre 'я вижу твоего отца',

o-juka i-ši-pe 'он убил свою мать'

ЭРГАТИВНЫЕ ЯЗЫКИ

Возможные отношения между субъектом и объектом действия ('кто кого', 'кто о ком', 'кто кому', 'кто с кем', 'между кем и кем' и т.п.) – это понятийная (содержательная) основа залога. В формировании семантической области диатезы участвует целый комплекс средств, относящихся к разным уровням языковой структуры. Это, во-первых, семантика глагола, называющего действие, о котором идет речь; во-вторых, семантика слов, обозначающих субъект и объект данного действия; в-третьих, синтаксическая структура данного предложения.

Залог в узком смысле (как оппозиция активных и пассивных глагольных форм) встречается далеко не во всех языках. Залог в широком смысле (как то или иное представление взаимоотношений в триаде «субъект-действие-объект», осуществляемое с использованием комплекса языковых средств – путем словоизменения, с опорой на возможности лексики и синтаксиса), – это универсальная содержательная категория, которая тем или иным образом выражается во всех языках мира.

Изучение категории залога как сферы разнообразных субъектно-объектных отношений привело И.И. Мещанинова в 30-х годах нашего столетия к открытию классов языков, для которых характерны глубоко различные типы организации предложения – номинативные и эргативные структуры (см. его посмертно изданную книгу: Мещанинов 1984). Так были заложены основы синтаксической типологии языков.

Эргативный строй предложения ориентирован на максимальное различие более активных действий, в большей мере самостоятельных и независимых от внешних инициатив или субъектов, и действий менее активных и самостоятельных. Это различие осуществляется следующим образом: 1) имеется лексико-грамматическая оппозиция переходных (более активных) и непереходных (менее активных) глаголов; 2) имеется оппозиция двух падежей для субъекта действия в зависимости от его большей или меньшей активности: при большей активности субъект действия (подлежащее) стоит в эргативном падеже (это падеж производителя действия, его инициатора); при меньшей активности подлежащее стоит в абсолютном падеже (это падеж для носителя действия, как бы исполнителя внешней инициативы); 3) имеется оппозиция двух падежей для объекта действия в зависимости от большей или меньшей активности действия: при большей активности требуется прямой объект, который стоит в абсолютном падеже; при меньшей активности требуется косвенный объект (часто это инструмент действия или адресат), который ставится в эргативном падеже. 7 От греч. *ergates* – действующее лицо.

Ср. примеры Г.А.Климова из аварского языка: А) эргативная конструкция: Ди-ца бече б-ачана 'Я теленка пригнал': местоимение 1го лица Ди-ца стоит в эргативном падеже, прямое дополнение (бече) – в абсолютном. Б) абсолютная конструкция предложения: бече б-ачана 'Теленок пришел': подлежащее стоит в том же абсолютном падеже, в каком в первом предложении пребывало дополнение. В результате один и тот же глагол (в аварском есть группа переходно-непереходных глаголов, конкретизирующих свою семан-

тику в зависимости от эргативности-абсолютности конструкции) получает существенно разные значения в плане активности-неактивности – 'сделать так, чтобы некто пришел' и 'быть пришедшим'. Таким образом, и эргативный и абсолютный падеж могут быть формами и для субъекта действия и для его объекта: выбор падежа диктуется не необходимостью различить субъект и объект, а необходимостью различной передачи самого действия – путем указания на то, насколько действие активно и независимо. Возможно, более глубокий смысл этого противопоставления заключается в оппозиции двух «семантических ролей» в структуре предложения: «агентива (источника действия) и фактитива (носителя действия)» (Климов 1983, 215). К языкам эргативного строя относятся большинство иберийско-кавказских языков, баскский язык, многие папуасские, австралийские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские, североиндейские языки.

ЯЗЫКИ НОМИНАТИВНОГО СТРОЯ

К языкам номинативного строя относится большинство языков мира, в том числе все языки индоевропейской, тюркской, монгольской семей, афразийской (семито-хамитской) макросемьи, языки уральской макросемьи (включающей финно-угорскую и самодийскую семьи), тунгусо-маньчжурские языки алтайской семьи, большинство языков китайско-тибетской семьи, большинство южноамериканских индейских языков (кечу-мара). В номинативных языках весь строй предложения направлен на максимальное различение субъекта действия и его объекта. Это достигается благодаря ряду грамматических и лексико-грамматических средств, таких как: 1) оппозиция падежа для субъекта действия (номинативного, или именительного) и падежа для объекта (в первую очередь винительного, но также и других косвенных падежей); 2) лексико-грамматическое противопоставление переходных и непереходных глаголов, при этом переходность глагола-сказуемого способствует особенно четкому различению субъекта и объекта (вплоть до выработки специальных активных и пассивных морфологических форм и синтаксических структур); 3) противопоставление прямого и косвенного объектов; при этом позиция прямого объекта, т.е. винительный падеж, способствует максимальному различению субъекта и объекта, в то время как в других косвенных падежах может наблюдаться частичная нейтрализация субъектно-объектных различий (ср. размытость различий между косвенным объектом и пассивно-безличным субъектом в позиции дательного падежа: мне пишут, мне приходится писать, мне пришло в голову, мне думается, мне не пишется и т.п.).

ЯЗЫКИ НЕЙТРАЛЬНОГО СТРОЯ

В силу недостаточной изученности, языки нейтрального строя пока могут быть охарактеризованы, скорее, отсутствием тех черт, которые составляют отличия номинативного, активного и классного строя. Не исключено, что даже имя и глагол здесь морфологически не дифференцированы. Трудно указать семантико-синтаксическую доминанту предложения в этих языках: они «нейтральны» и в передаче субъектно-объектных отношений, и в различении

активных и неактивных действий. К нейтральному типу принадлежат некоторые языки Западной Африки.

Что касается стадиальных идей Г.А. Климова, они, как мы уже говорили, разделяются далеко не всеми. Косвенным подтверждением правоты Климова может служить сама возможность находить примеры какого-либо явления (например, «классности», «активности») в языках других типов (по-видимому, стадиально «последующих»). Следует отметить, что сам Климов приводит по сути только данные номинативного («последнего») типа – как содержащего «в снятом виде» «следы» предшествующих типов – что вполне логично для его подхода; в то же время единственное по сути принципиальное различие между номинативными и эргативными языками является и нет никаких данных, подтверждающих, что номинативные языки «произошли» от эргативных, – складывается впечатление, что, «миновав» классный и активный типы, языки далее просто «разошлись» в двух независимых друг от друга направлениях.

Пять рассмотренных типологических систем, по мнению Г.А. Климова, могут быть интерпретированы в качестве стадий в развитии языка человека. «Если сопоставить структурные импликации всех коротко охарактеризованных выше типологических систем, то по степени своей взаимной близости они, по-видимому, с необходимостью выстраиваются в следующий ряд: 1) нейтральный тип; 2) классный тип; 3) активный тип; 4) эргативный тип; 5) номинативный тип. Именно такая последовательность диктуется прежде всего степенью усиления ориентации их структуры на передачу субъектно-объектных отношений» (Принципы 1976, 142). И хотя в более поздней работе Г.А.Климов значительно осторожнее в вопросе об историческом объяснении континентотипологической классификации языков, в целом сохраняется мысль о «едином процессе постепенного усиления субъектно-объектной ориентации языковой структуры» и «необратимости развития от одного языкового типа к другому» (Климов 1983, 219, 218). На лингвистической карте мира резко преобладают языки номинативного и, далее, эргативного строя, а также языки, совмещающие номинативные и эргативные черты. По-видимому, это обстоятельство может быть одним из эмпирических подтверждений эволюции языковых структур в направлении к номинативному укладу. Возможно, именно номинативный и номинативно-эргативный строй характерен для языков современного человечества.

5. Языковые универсалии. *Связь лингвистической типологии и лингвистики универсалий. Краткая история лингвистики универсалий: грамматика Пор-Рояль; учение о языке В. фон Гумбольдта; “Мысли об индоевропейской проблеме” Н.С. Трубецкого; “Меморандум о языковых универсалиях” Дж. Гринберга, Ч. Осгуда, Дж. Дженкинса.*

Лингвистика универсалий – одна из важнейших отраслей общего, типологического и структурного языкознания XX века.

Лингвистические универсалии (от лат. *universalis* – общий, всеобщий) – это языковые явления (свойства, характеристики, отношения, процессы), ко-

торые имеют место во всех (или почти во всех, за очень малым исключением) языках мира.

Универсальные языковые соотношения (языковые универсалии) можно устанавливать, во-первых, на основании сравнения языков с неязыками (системами близкого порядка), например сравнения языков с другими знаковыми системами, с другими системами передачи и хранения информации и т. д. В этом случае сравнение производится в терминах, необходимых для описания как всех языков, так и сравниваемой с ними системы (т. е. в определенных экстралингвистических терминах); соответственно, речь идет тогда не о собственно лингвистической, а о семиотической, коммуникационной или другой типологии и о месте языков в этой типологии.

Типология языков и лингвистика универсалий возникают как сравнение структур языков – это объединяет данные лингвистические дисциплины друг с другом, а также со структурным языкознанием. Но в этом и их отличие от структурного языкознания, где каждый язык понимается как самоценная система, которую нельзя сравнивать с другими системами.

Работа Н.С. Трубецкого, рассмотренная выше, была возможна только на базе достижений структурного языкознания XX века – хотя по своим идеям, конечно, ближе к типологии. В то же время объективно она во многом способствовала развитию лингвистики универсалий XX века.

Типология языков и лингвистика универсалий – это две близкие по интересам области языкознания, составляющие единое исследовательское пространство. Их общим объектом являются одинаковые или сходные черты самых разных языков, в том случае, если эта близость не обусловлена ни родством языков, ни их влиянием друг на друга.

Типологи, по мере расширения круга исследуемых языков, приходили к количественным оценкам распространенности тех или иных языковых явлений: одни явления имеют место во всех языках, другие – в большинстве или во многих, третьи – в некоторых или в немногих языках, четвертые явления уникальны (т. е. известны всего в одном языке). Этот естественный переход исследователя от типологии к лингвистике универсалий можно видеть в работе выдающегося польского лингвиста Тадеуша Милевского «Предпосылки типологического языкознания» (см. Милевский 1963). Говоря о фонологическом «минимуме» (минимальной системе фонем, присущей всем языкам), об универсальных явлениях в сфере лексики, местоимений, синтаксиса, Милевский подчеркивал их двоякую познавательную ценность: во-первых, исторически (и в фило- и в онтогенезе) все это наиболее ранние, опорные и устойчивые языковые феномены; во-вторых, подсистемы универсальных языковых явлений могут послужить естественной точкой отсчета или своего рода «масштабной линейкой» при типологическом «соизмерении» и сопоставлении языков.

Различие между типологией языков и лингвистикой универсалий связано с характером наблюдаемой общности: типология изучает взаимосвязанные сходные черты (в отдельных языках), стремится понять такие системные сходства в качестве некоторого типа устройства языка и на этой основе вы-

явить существующие на Земле типы языков. Лингвистика универсалий стремится обнаружить общие черты, присущие всем языкам Земли, не ограничивая при этом поиск универсалий их «весом», т. е. их структурной или содержательной (мыслительной) значимостью. В перечнях универсалий есть как «крупные» черты, связанные с фундаментальными принципами строения языка человека, так и «мелкие черточки», интересные, однако, тем, что это не особенности отдельного языка или группы языков, но «подробности» устройства, присущие всем языкам планеты (см. в этой связи § 92 о языке-эталоне).

Естественно, что различия между типологией и лингвистикой универсалий, касающиеся того, что является непосредственным предметом их внимания, складываются в различиях методов и результатов соответствующих исследований.

В силу исторических причин, в континентальной Европе собственно типология остается по традиции главным, первым или основным направлением общелингвистических межъязыковых исследований, в то время как в США и Англии, напротив, в этом разделе языкознания первенствует лингвистика универсалий.

Первоначально универсальная грамматика была связана с универсальными семантическими категориями, которые а priori предполагались в основе каждого человеческого языка; конкретные же языки в свою очередь трактовались как варианты, приближающиеся к этой идеальной схеме.

Различия (вариации) языков, то есть отклонение их от предполагаемой универсальной схемы, объяснялись деградацией языков в их повседневном употреблении; это соответствовало средневековым философским представлениям о природе языкового изменения, согласно которым всякое изменение языка рассматривалось как его порча в результате неправильного употребления; последнее, однако, могло быть исправлено грамматиками и философами (так, французский, итальянский и др. живые романские языки рассматривались как испорченная латынь; русский язык долгое время трактовался как испорченный церковнославянский, и т. п.).

Следствием этого было отождествление типологии и генеалогии, характерное для языкознания вплоть до XIX в. (но отчасти сохранявшееся и позднее), то есть общность формы естественно отождествлялась с общностью происхождения; отсюда же проистекал и нормативный, а не реалистический подход к языку, когда изучалось то, как надо говорить, а не то, как говорят в действительности (причем считалось, что всякая нормализация восстанавливает прошлое и, следовательно, более правильное состояние языка). Наконец, этим объясняется и интерес к общему в языках, а не к их различиям. Непосредственно различиям не придается большого значения; основной акцент делается именно на универсальном, а не на специфическом.

Авторы грамматики считали недостаточным чисто описательный подход к языку и стремились создать объяснительную грамматику. В ней говорится, что стимулом к ее написанию послужил «путь поиска разумных объяснений многих явлений, либо общих для всех языков, либо присущих лишь некото-

рым из них». В целом в книге объяснительный подход преобладает и над описательным, и над нормативным. Однако ряд разделов, посвященных французскому языку, содержит и нормативные правила. К 1660 г. нормы французского языка были в общих чертах сформированы, но многие детали еще оставались неотшлифованными. Поэтому в грамматике не раз говорится о том, какие обороты надо «рекомендовать к употреблению». Однако значение «Грамматики Пор-Рояля» прежде всего не в предписаниях, а в объяснениях ранее уже описанных явлений языка.

Авторы грамматики исходили из существований общей логической основы языков, от которой конкретные языки отклоняются в той или иной степени. Сама по себе такая идея была в XVII в. не новой и восходила к модистам. Эта идея для А. Арно и К. Лансло была столь обычной, что не требовала особых доказательств. Например, в грамматике говорится о «естественном порядке слов» без доказательств существования такого порядка и даже без его описания (хотя достаточно ясно, что «естественным» для них, как и для модистов, был порядок «подлежащее – сказуемое – дополнение»),

От модистов авторы «Грамматики Пор-Рояля» отличались не столько самой идеей основы языков, сколько пониманием того, что собой эта основа представляет. У модистов, выражаясь современным языком, соответствие между поверхностными и глубинными структурами оказывалось взаимно однозначным или по крайней мере очень близким к нему. Они старались каждому явлению, зафиксированному в грамматике Присциана, приписать философский смысл. В данной грамматике этого уже нет прежде всего из-за расширения эмпирической базы. Если модисты исходили из одной латыни, то здесь почти в каждой главе рассматриваются два языка: латынь и французский, достаточно часто упоминаются также испанский, итальянский, древнегреческий и древнееврейский, а изредка речь идет и о «северных», то есть германских, и о «восточных» языках; что имеется в виду в последнем случае, не вполне ясно. С современной точки зрения количество языков невелико, но по сравнению с предшествующим временем это был крупный шаг вперед.

Ориентация на латинский эталон была еще не вполне преодолена в грамматике, что особенно заметно в разделе о падежах и предлогах. Хотя и сказано, что «из всех языков только греческий и латынь имеют падежи имен в полном смысле этого слова», но за эталон принимается латинская падежная система, именно она признается «логической». В древнегреческом языке, где по сравнению с латынью на один падеж меньше, предлагается считать, что отсутствующий аблатив «есть и у греческих имен, хотя он всегда совпадает с дативом». Для французского же языка выражение тех или иных «глубинных» падежей видится в употреблении предлогов или опущении артикля. Более сложный случай составляют для Л. Арно и К. Лансло прилагательные. В латинских грамматиках было принято считать существительные и прилагательные одной частью речи – именем, но для французского и других новых языков Европы данные два класса необходимо было различать. В грамматике принят компромиссный подход: выделяется одна часть речи – имя – с двумя

подклассами. Такая трактовка проецируется и на семантику: у слов выделяются «ясные» значения, разъединяющие существительные и прилагательные, и «смутные» значения, общие для них: слова красный и краснота имеют общее «смутное» значение и разные «ясные». Введение «ясных» значений указывает на отход от латинского эталона, введение «смутных» – на частичное его сохранение (впрочем, есть и другая трактовка, согласно которой выделение двух видов значений имеет глубокий философский смысл).

Однако в ряде других пунктов авторы грамматики решительно отходят от латинского эталона в пользу французского. Особенно это видно в связи с артиклем: «В латыни совсем не было артиклей. Именно отсутствие артикля и заставило утверждать... что эта частица была бесполезной, хотя, думается, она была бы весьма полезной для того, что бы сделать речь более ясной и избежать многочисленных двусмысленностей». И далее: «Обиход не всегда согласуется с разумом. Поэтому в греческом языке артикль часто употребляется с именами собственными, даже с именами людей... У итальянцев же такое употребление стало обычным... Мы не ставим никогда артикля перед именами собственными, обозначающими людей». Итак, оказывается, что у «нас», французов, в данном случае «обиход согласуется с разумом», а у других народов нет. Из французского языка исходят авторы и говоря о именах с предлогом, соответствующих «необязательным» наречиям в латыни, и в некоторых других случаях.

Эталонные, соответствующие «разуму» структуры в большинстве случаев конструируются на основе либо латыни, либо французского языка. Но в принципе в этой роли могут выступать любые языки вплоть до «восточных», как это говорится там, где признается рациональность совпадения формы третьего лица с основой глагола. Авторы, по-видимому, исходят из некоторых априорных и прямо не формулируемых представлениях о «логичности» и «рациональности», но берут в каждом случае некоторые реальные структуры одного из известных им языков (иногда, как с прилагательными, из контаминации структур двух языков). Однако есть случаи, когда А. Арно и К. Лансло отвлекаются от особенностей конкретных языков и подходят к семантическому анализу. Здесь наиболее важными оказываются разделы, посвященные сравнительно периферийным вопросам: относительным местоимениям, наречиям, эллипсису и т. д. Одно из самых известных мест книги – тот фрагмент раздела об относительных местоимениях, где анализируется фраза *Dieu invisible a créé le monde visible* «Невидимый бог создал видимый мир».

По его поводу А. Арно и К. Лансло пишут: «В моем сознании проходят три суждения, заключенные в этом предложении. Ибо я утверждаю: 1) что Бог невидим; 2) что он создал мир, 3) что мир видим. Из этих трех предложений второе является основным и главным, в то время как первое и третье являются придаточными... входящими в главное как его составные части; при этом первое предложение составляет часть субъекта, а последнее – часть атрибута этого предложения. Итак, подобные придаточные предложения присутствуют лишь в нашем сознании, но не выражены словами, как в предло-

женном примере. Но часто мы выражаем эти предложения в речи. Для этого и используется относительное местоимение».

В некоторых других местах книги говорится о синонимии языковых выражений, из которых одно признается более соответствующим логике (хотя не всегда ясно, идет ли речь о полном соответствии), другое может употребляться вместо него ради «желания людей сократить речь» или «для изящества речи». Чаще в этих случаях за эталон принимаются явления французского языка. В подобных случаях Н. Хомский находил аналог трансформационных правил, что явная модернизация, но некоторое сходство здесь бесспорно есть. Впрочем, о синонимии некоторых исходных и неисходных выражений говорилось задолго до XVII в.: можно указать на явление эллипсиса, рассматривавшееся так еще с античности.

Безусловно, у А. Арно и К. Лансло не было четкого представления о том, откуда берется их «рациональная основа грамматики» всех языков. Но нельзя к авторам XVII в. предъявлять те же требования, что лингвистам XX в. Сама идея установления общих свойств человеческих языков, основанная на принципиальном их равноправии (пусть реально такие свойства оказываются сильно романизированными), представляла собой важную веху в развитии лингвистических идей.

Определенный интерес для лингвистики и большой интерес для психолингвистики представил бы анализ соотношения между числом различительных признаков необходимых для порождения фонем данного языка и числом действительно используемых различительных признаков. Максимально эффективный код (в теоретико-информационном смысле) использовал бы в точности то число признаков, которое необходимо для различения инвентаря фонем данного языка; например, для различения 32 фонем английского языка достаточно было бы пяти двоичных признаков (25 возможных комбинаций позволяют различать 32 объекта). Однако, на самом деле, в английском используется девять двоичных признаков, и, следовательно, эффективность английского языка на фонологическом уровне равна примерно $5/9$, или 56%. Данные по ряду языков дают основания для общего вывода о том, что фонологическая эффективность любого языка колеблется примерно в пределах 50%. Изучение изменений во времени одного из языков (испанского) подтверждает это обобщение, поскольку было показано, что его эффективность для разных временных срезов колеблется около средней величины, равной 50%.

Представляется, что имеется ряд ограничений, действующих на любую фонологическую систему, заставляя ее удерживаться на определенном уровне эффективности. Если язык становится слишком неэффективным, то есть в нем наличествует большое количество признаков, не необходимых для различения фонем, можно пренебречь некоторыми из них и все-таки быть понятым. Предполагается, что такие ошибки появляются все чаще и чаще, и фонологическая система начинает изменяться в сторону упрощения.

С другой стороны, если система слишком эффективна, должны участиться ошибки в восприятии, что, как мы полагаем, заставляет говорящих

вводить дополнительные различия с целью достижения ясности. Очевидно, что данная трактовка приводит к сложной статистической функции, которая, по-видимому, отражает универсальный характер динамики коммуникативного процесса.

При исследовании универсальных свойств языка существенно различать два плана понимания применения универсалий к описанию природы языка. С одной стороны, универсальные признаки характерны для языка как естественного средства коммуникации человека и определяют сущностные черты языка в ряду возможных коммуникативных и семиотических систем. В таком случае эти универсалии приложимы к устройству языка как некоторой коммуникативной системы. Признаки этой системы являются дифференцированными по отношению к другим неязыковым системам. К разряду таких черт языка будут относиться всеобщие признаки, например, линейности, дискретности, звукового характера, билатеральности знака и т. д.

Универсалиями другого рода являются такие свойства языка, которые характеризуют внутреннюю структуру языка, определяют некоторые универсальные качества, характерные для элементов языка. К ним могут быть отнесены категориальные признаки из области фонетики, лексики и грамматики, например, категория класса слов, категория времени, модальности, числа и т. д.

Исследование универсалий позволяет определить:

- какие вопросы применительно к конкретному языку вообще являются правомерными;

- что является интересным в структуре того или иного языка. Понятно, что если некоторое явление данного языка может быть обнаружено вообще во всех языках (то есть является универсальным) или может быть предсказано из наличия в данном языке какого-то другого явления, – то самый факт наличия этого явления в данном языке но необходимости тривиален (мало информативен). Напротив, чем больше языков, в которых отсутствует соответствующее явление, тем более нетривиальным и специфичным для рассматриваемого языка является его наличие именно здесь.

Творческое изумление перед необычностью того или иного языка или того или иного явления в языке, вероятно, свойственно лингвисту не в меньшей мере, чем биологу свойственно удивление перед тем или иным явлением природы: язык с одной гласной фонемой в каком-то смысле не менее замечателен, чем млекопитающее, откладывающее яйца. Но разница между биологом и лингвистом состоит в том, что лингвист часто не знает, чему удивляться: он, если угодно, может быть безграмотен в своем удивлении, он исходит нередко из своего неизбежно ограниченного лингвистического кругозора, не зная, вообще говоря, настолько ли удивительно удивившее его явление. Лингвисты не единодушны в своем удивлении, и именно поэтому многие утверждения в лингвистических описаниях носят тривиальный, избыточный характер.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИМ МНОЖЕСТВОМ для языка мы можем считать набор следующих признаков: 2.11. открытость (новые языковые сообщения

создаются легко и свободно); 2.10. перемещаемость (языковые сообщения могут относиться к вещам, удаленным во времени или пространстве от времени и места сообщения); 2.13. дуальность (громадное количество минимальных семантически функциональных элементов (плерем, морфем) может выражаться и выражается в комбинациях относительно малого количества минимальных, бессмысленных, но смысло-различающих элементов (кенем, фонологических компонентов)); 2.8. произвольность (отношение между значимым элементом языка и его денотатом не зависит ни от какого физического или геометрического сходства между ними); 2.9. дискретность; 2.4. чередуемость (взрослые члены языкового коллектива являются поочередно то передатчиками, то получателями языковых сигналов); 2.5. полную обратную связь (передающий языковой сигнал сам получает это сообщение); 2.6 специализированность (прямые энергетические следствия языковых сигналов обычно биологически несущественны: даже шум горячего спора не может хоть сколько-нибудь поднять температуру воздуха в комнате на благо присутствующим в ней); 2.3. быстрое затухание; 2.2. широкоэвещательность с направленным приемом. (Хоккетт)

Любая система, обладающая этими десятью свойствами, будет называться в таком случае языком; любой язык, носителями которого являются подобные нам существа, будет называться человеческим языком. Каждый язык обладает также семантической (свойство 2.7), поскольку противопоставление произвольности (свойство 2.8, входящее в определяющий набор) и иконичности было бы бессмысленным без нее. По-видимому, но не столь очевидно, каждый язык обладает уклончивостью (2,14) и рефлексивностью (2.15) – по крайней мере это справедливо для каждого человеческого языка.

Для того чтобы показать значимость признаков определяющего набора, можно принять язык таким, каким мы его знаем, и посмотреть, к чему привело бы поочередное удаление каждого из этих признаков.

Язык, лишенный открытости, породил бы только конечное число целостных сообщений. Порождение ложных высказываний было бы возможным, формирование гипотез – нет.

Язык, лишенный перемещаемости, не позволил бы его носителям говорить о прошлом и будущем. Планирование было бы невозможно. Вымыслы – а потому размышления, литература, наука – были бы исключены.

Язык, лишенный дуальности, был бы чрезвычайно неуклюж, поскольку все плеремы должны были бы отличаться друг от друга. Трудно вообразить какие-либо существа, хотя бы отдаленно похожие на нас, которые были бы в состоянии пользоваться подобной системой или по крайней мере воспроизводить ее. Возможно, однако, что дуальность – просто обычный для млекопитающих путь создания коммуникативной системы, обладающей всеми другими релевантными свойствами. Не исключено, что неземные существа могут быть отличны в этом отношении.

Система, лишенная произвольности, или совершенно не обладает семантической, или же имеет иконическую семантику. Первая из этих возможностей совершенно чужда языку. Система с иконической семантикой ограниче-

на кругом лишь тех предметов и ситуаций, которые могут быть скопированы, нарисованы или изображены в виде диаграмм. Решающее значение произвольности убедительно показывается в рассказе Свифта о встрече Гулливера с лапутянами.

Вместо дискретности мы можем встретить непрерывный набор сигналов (что, например, наблюдается у пчел). Однако непрерывная семантическая система обязательно должна иметь иконическую семантику (Hockett, 1960, стр. 413).

Именно чередуемость позволяет человеку перевоплощаться в других говорящих или вести беседы с самим собой.

Полная обратная связь также важна для человеческого языка.

Специализированность – это признак, настолько общий для коммуникативных систем (человеческих и животных), что по отношению к типам поведения, лишенным этого признака, некоторые исследователи не решаются даже применять термин «система» или термин «коммуникация». Во всяком случае, специализированность делает возможной коммуникацию на том энергетическом уровне (в прямом физическом смысле слова), который удобен для участвующих в коммуникации особей. Нет необходимости повышать энергетический уровень, сообщая о крупномасштабных предметах коммуникации, и понижать его, сообщая о мелочах.

Быстрое затухание означает, что уже переданные сообщения не загромождают канал и не препятствуют передаче новых сообщений (как это бывает, когда есть доска, но нет тряпки, чтобы стереть написанное). Таким образом, чрезвычайно срочные сигналы смогут проходить по каналу. С другой стороны, это означает, что (сведения о) важности того или иного сообщения должны храниться внутри приемника (если они вообще должны где-либо храниться). Если измерять «период внимания», нужный слушателям для восприятия длинного и разветвленного предложения, по общей для всех животных шкале, то он будет весьма значительным. Эволюция способности обладать таким «периодом внимания», бесспорно, обуславливается свойством быстрого затухания вокально-слуховой коммуникации и связана с развитием перемещаемости, а также с такими не-лингвистическими явлениями, как изготовление орудий и пользование ими. Быстрое затухание – не «случайное» свойство человеческого языка. Поэтому развитие письма, позволившее преодолеть нежелательные последствия быстрого затухания, было настоящей революцией.

И рассеянная передача, и направленный прием также имеют свои достоинства и недостатки. Крик предостережения может сообщить собратям нечто о местонахождении опасности, но в то же время если опасность – это хищник, то крик сообщит ему о местонахождении передатчика.

Если принимать во внимание только современный «цивилизованный» мир, переживающий период мирного развития, то быстрое затухание, рассеянная передача и направленный прием могут показаться относительно несущественными. Но стоит задуматься о жизненных условиях, характерных для большей части человеческой истории, и тотчас видишь, что эти признаки

важны и не могут считаться второстепенными. Они – часть нашего наследия от доисторических времен, они обусловили нашу эволюцию и эволюцию языка; они и сейчас с нами, и их потенциальные вредные последствия устраняются лишь при наличии специальных технических условий.

В конечном итоге материальной оболочкой любого языка являются звуки речи. Количество и качество фонем и их вариантов имеет естественные антропофонические границы: артикуляционные способности человеческой гортани широки, но не безграничны, а ухо человека в состоянии воспринимать и различать звуки также в более или менее ограниченном диапазоне, поэтому уместно будет предположить, что определенные комбинации звукового состава могут с известными отклонениями повторяться в ряде языков. К тому же существует точка зрения, согласно которой наличие в звуковом составе языка тех или иных фонем автоматически препятствует или, наоборот, способствует существованию в том же языке и в то же время некоторых других фонем [14, 127-128].

Те же соображения относятся и к формальным просодическим средствам: ударению, интонации, тонам. Синтагматические сочетания фонем, в первую очередь структура слога, также не могут быть чрезмерно разнообразными [89], в связи с чем план содержания и план выражения предстают перед нами как системы с ограниченным набором элементов. Далеко не все сочетания этих элементов оказываются возможными, чему в плане содержания препятствует требование смысла, а в плане выражения – антропофонические законы.

Так как средства языкового выражения относительно ограничены, то повторяемость определенных типов выражения в разных языках неизбежна.

Если мы обратимся к составу грамматических средств языка, то нетрудно убедиться, что и он необходимо должен быть ограничен, так как, с одной стороны, некоторое минимальное количество средств выражения грамматических значений необходимо любому языку, а с другой стороны, ограниченный объем человеческой памяти и способности к различению препятствует тому, чтобы средств выражения грамматических значений было чересчур много. Теоретически можно представить себе искусственный язык, в котором формально различалось бы, например, около двухсот падежных значений, но вряд ли возможно предположить, чтобы такой язык стал массовым средством общения. Если же какая-либо общая схема (см. выше) оперирует ограниченным количеством элементов, а число индивидуальных комбинаций этих элементов достаточно велико (число языков), то некоторые комбинации явно будут пересекаться с различной степенью наложения.

Слово с давних времен считалось такой единицей языка, в структуре которой максимально ясно выявляется его специфика, поэтому типология словообразования является хорошо разработанной областью. И здесь исследователи обнаружили большое сходство в данных различных языков, позволившее констатировать наличие лишь немногих и строго определенных типов словообразовательных моделей [30; 31; 125].

В области синтаксических отношений мы, если абстрагироваться от существования инкорпорирующих комплексов, знакомы только с четырьмя типами ядерной конструкции предложения: активной, пассивной, эргативной (разновидность – посессивная конструкция) и абсолютной (последняя встречается только в тех языках, где возможна и эргативная конструкция [34]). Тем самым уже намечаются основания для типологической характеристики и классификации языков по данному признаку. Ч. Безелл указывает на два типа синтаксических отношений в языке, которые проявляются как в построении предложений, так и в построении синтагм [96].

Однако тот факт, что языковой материал и способы его структурирования обязательно должны быть ограничены более или менее общим для всех естественных языков объемом, позволяет допустить существование языковых типов в лучшем случае как гипотезу. Данная гипотеза получает иное освещение, когда мы обращаемся к тем языковым явлениям и закономерностям, которые, наряду с уже указанными причинами, предопределяют существование языковых типов, а также их специфику.

Может возникнуть вопрос, почему же естественные языки из множества предоставленных им способов языкового выражения «отобрали» лишь немногие и причем таким образом, что существует возможность сравнения языков, т. е. эти немногие способы в различных языках повторяются. Очевидно, здесь в качестве причины должен быть назван один из основополагающих принципов строения языка – принцип экономии [40, 532-538; 41; 59, 156-167; 3, 462]. Согласно этому принципу, лишь те языковые явления обладают наибольшей устойчивостью, в которых сочетаются минимальная затрата произносительных усилий, легкость запоминания, способность к варьированию и т. д. В основе своей принцип экономии исходит из требований коммуникативной функции языка. Можно сказать, что наличие в языке типов существенно облегчает процесс взаимопонимания носителей языка. Высказывание, чтобы служить целям коммуникации, должно иметь типовую структуру, что достигается воздействием механизма языковой экономии. Наиболее «экономичным» был бы язык, содержащий только один какой-нибудь тип, язык монотипологичный. Но с такими языками мы не встречаемся, так как экономия в языке не осуществляется бесконечно. Там, где «экономность» языковых средств мешает взаимопониманию носителей языка, например, при избыточном развитии полисемии лексических и грамматических элементов или при редукции фонемного состава, иными словами, там, где она препятствует реализации основной функции языка – коммуникативной, действие принципа экономии приостанавливается: развиваются новые фонемы, полисемантические элементы либо становятся малоупотребительными и постепенно вытесняются другими, либо происходят изменения их значения. Таким образом, язык постепенно и непрерывно эволюционирует, и в ходе этой эволюции может измениться в той или иной степени сам языковой тип; значительные изменения претерпела, например, флективность индоевропейских языков, особенно английского. Но такой тип языка, как агглютинативный, обнаруживает значительную устойчивость [64]. Известные нам языковые ти-

пы являются, очевидно, результатом взаимодействия принципа экономии и стремления к оптимальному функционированию языка как средства коммуникации.

Невозможно рассматривать понятие языкового типа, не обращаясь к знаковой теории языка [59, 96]. Рассматривая язык как систему знаков, можно сказать, что типологическая специфика языка и одновременно с этим причина существования относительно немногих языковых типов и типов в языке (ведь даже при всех вышеизложенных ограничениях теоретически можно допустить существование неизмеримо большего числа типов, нежели указывается типологами) кроется в разновидностях соотношения означаемого и означающего, плана содержания и плана выражения. Так, пример узб. $b\lambda\text{æ-l}\text{æ}g\text{-g}\text{æ}$ позволяет определить агглютинативный тип как такой тип соответствия плана выражения и плана содержания, когда одной единице плана выражения соответствует одна единица плана содержания (по крайней мере, если речь идет о грамматических элементах), а флективный тип – как такой тип, когда одной единице плана выражения могут соответствовать две или более единицы плана содержания. Уместно предположить, что тип соответствия между планом выражения и планом содержания в агглютинативных языках и создает предпосылки для большей устойчивости агглютинативного типа по сравнению с флективным, позволяя одновременно с наибольшей простотой и наглядностью пояснить сам принцип агглютинации.

Типовая организация языка поддерживается также некоторыми внутренними причинами, обеспечивающими ту или иную степень устойчивости данного языкового типа. Эти причины В. Скаличка определяет как «совокупность благоприятствующих явлений» языковой структуры [65, 271]. Существование двух конкретных частных типов может быть противоречивым, тогда произойдет изменение структуры языка и его тип изменится, а может быть гармоничным, и тогда тип языка может сохраняться без изменений долгое время (см. упоминавшийся выше список взаимно благоприятствующих явлений для агглютинативного, флективного, изолирующего и т. д. типов языка, предложенный В. Скаличкой [65, 29–301]).

По мнению В. Скалички, именно такие явления и составляют суть типа языка. Внутренние причины, способствующие устойчивости агглютинативного типа, разбирает Б. А. Серебренников [164]. Последовательное развитие идеи о внутренне обусловленной типологической характеристике языка мы находим в работах Г.П. Мельникова.

6. Типы универсалий: *универсалии простые и сложные, синхронические и диахронические, дедуктивные и индуктивные, абсолютные и статистические, универсалии языка и универсалии речи, экстралингвистические и собственно лингвистические универсалии. Фонологические, грамматические, семантические универсалии.*

Под типологическим описанием языка с универсальной точки зрения, то есть языка вообще, может пониматься логическое пересечение языковых признаков, характеризующих различные языки (тогда как типология, выхо-

дящая за пределы проблемы универсалий, рассматривает логическое объединение таких признаков). Соответственно, если упорядочить языковые универсалии (как индуктивного, так и дедуктивного характера – см. несколько ниже), то образуемая система может рассматриваться как лингвистическое описание языка вообще (то есть не конкретного языка, а языка как объекта лингвистики). Другими словами, универсальное описание языка в идеале может мыслиться как система соотнесенных языковых универсалий, расположенных в определенном порядке – от более общих к более конкретным утверждениям – приблизительно следующего вида:

- Если в языке существует дифференциация частей речи, то в их числе имеется и глагол.

- Если в языке имеется глагол, то в языке может либо быть, либо не быть дифференциация по наклонениям.

- Если в языке имеется дифференциация по наклонениям, то в нем есть изъявительное наклонение.

Если имеется некоторое видо-временное противопоставление в формах неизъявительного наклонения, то то же противопоставление имеется и в формах изъявительного наклонения, и т. п.

Понятно, что эти утверждения имеют разную ценность. Часть из них тривиальны по той информации, которую они содержат, то есть относятся к дедуктивным универсалиям наиболее тривиального типа (см. ниже классификацию универсалий).

Например, когда мы утверждаем, что если в языке есть дифференциация наклонений, то в числе последних имеется и изъявительное наклонение, то это наше утверждение является, собственно говоря, следствием не столько типологии в эмпирическом смысле, сколько таксономии, то есть принципов названия. Обязательность присутствия изъявительного наклонения в системе других наклонений определяется, по-видимому, тем, что оно представляет собой логически исходную форму: наличие любого другого наклонения подразумевает и наличие изъявительного. Иными словами, изъявительное наклонение должно быть в языке прежде всего в силу того, что мы непременно обозначим так одну из существующих форм наклонения (прежде чем станем обозначать другие формы).

Утверждение о том, что если в языке есть глагол, то в этом языке либо имеется дифференциация наклонений, либо не имеется таковой, также тривиально по своей сущности. Оно просто отражает некоторую классификацию категорий. Такое утверждение необходимо для связи существующих универсалий.

В то же время утверждение о том, что всякое видо-временное противопоставление, имеющее место в неизъявительном наклонении, должно быть представлено и в изъявительном наклонении (того же языка), несет достаточно существенную информацию (и относится уже к эмпирически обнаруживаемым, а не к дедуктивно предсказуемым универсалиям). В самом деле, в отличие от предыдущих случаев мы вполне можем представить себе, что

имеется язык, не удовлетворяющий этому условию, – но констатируем при этом, что в действительности такого языка нет.

Соответственно может мыслиться система взаимосвязанных между собой универсальных импликаций, отражающих все возможности, которые могут быть представлены вообще в разных языках, и разнообразные следствия из этих возможностей. Подобная система универсалий и составляет «универсальную грамматику» в современном смысле слова. В идеале при этом такая система должна быть построена аналогично известной таблице химических элементов Менделеева – в том смысле, что в ней должны быть предусмотрены места для еще не найденных универсальных закономерностей; эти пустые места (ср. пустые клетки в таблице Менделеева) могут рассматриваться как потенциальные универсалии. Другими словами, система подобного рода должна строиться наиболее гибким образом – так, чтобы предупредить необходимость перестройки системы в случае обнаружения новых закономерностей.

Мы говорили, что исследование языковых универсалий призвано определить наше знание о языке как предмете общего языкознания. Представляется целесообразным в кратких чертах остановиться на том, как может мыслиться – в идеальном случае – типологическое описание языка в свете лингвистики универсалий. Под типологическим описанием языка с универсальной точки зрения, то есть языка вообще, может пониматься логическое пересечение языковых признаков, характеризующих различные языки (тогда как типология, выходящая за пределы проблемы универсалий, рассматривает логическое объединение таких признаков). Соответственно, если упорядочить языковые универсалии (как индуктивного, так и дедуктивного характера – см. несколько ниже), то образуемая система может рассматриваться как лингвистическое описание языка вообще (то есть не конкретного языка, а языка как объекта лингвистики).

Другими словами, универсальное описание языка в идеале может мыслиться как система соотнесенных языковых универсалий, расположенных в определенном порядке – от более общих к более конкретным утверждениям...

Дедуктивные и индуктивные универсалии
(definitional vs. empirical universals)

Утверждение о том, что то или иное явление универсально, может реально означать две вещи:

а) «это явление имеет место во всех известных исследователю языках» (и, по экстраполяции, он предполагает, что оно, вероятно, имеет место и в языках ему неизвестных);

б) «это явление должно иметь место во всех языках».

В первом случае, естественно, возникает вопрос, насколько представитель тот материал, из которого исходит данный исследователь, и, следовательно, насколько правомерна подобная экстраполяция. Во втором случае возникает вопрос о тех основаниях, на которых базируется исследователь, приписывая каждому языку соответствующее свойство.

Иначе говоря, в первом случае речь идет об индуктивных (или эмпирических) универсалиях, а во втором – об универсальных закономерностях дедуктивного характера.

В случае дедуктивных универсалий универсальность соответствующего явления может следовать из некоторых априорных предпосылок (из определения тех или иных единиц или исходных допущений о языке). В тривиальном случае такие соотношения тавтологичны (то есть верны, но не информативны); в более сложных случаях, когда универсальные соотношения такого рода не самоочевидны, универсальность соответствующих явлений можно доказать (то есть вывести дедуктивно из исходных допущений и постулатов).

В ряде случаев универсальность того или иного явления следует из самой процедуры описания. Наиболее тривиальный (то есть наименее информативный) случай этого рода имеет место, видимо, тогда, когда утверждается универсальное присутствие некоторых понятий (метапонятий) – типа: «во всех языках есть фонемы». Понятно, что утверждения такого рода относятся не столько к конкретным языкам, сколько к некоторому принятому метаязыку, то есть специальной системе описания, которая по условию должна быть применима ко всем языкам. В менее тривиальном случае универсалии такого типа относятся к какому-то более общему (и не столь очевидному) метаязыку. Нередко конструируют специальную систему понятий, предназначенных для описания соответствующего круга явлений в принципе любого языка, на основании которой легко формулируются подобного рода универсальные утверждения.

В случае индуктивных (или эмпирических) универсалий универсальность того или иного явления не вытекает из исходных определений или допущений, но постулируется эмпирически: если и найдется противоречащий случай, мы не изменим наших исходных допущений или определений (как мы должны были бы поступить, если бы речь шла о дедуктивной универсалии). Иными словами, соотношения такого рода не связаны с определенными конструктами, характеризующими сущность соотносимых единиц: можно себе представить (или построить искусственно) язык, в котором не будет данного соотношения. В то же время, даже если такой язык и встретится реально, это не нарушит высокой статистической вероятности постулируемого явления (универсалия превращается при этом из «абсолютной» в «статистическую» – см. ниже).

Понятно, что индуктивные закономерности, имеющие абсолютный характер (то есть явления, которые всегда имеют место, но универсальность которых не из чего не следует), углубляют наши знания о сущности соответствующих явлений. (Необходимо заметить, что подобные закономерности, по существу, всякий раз имеют гипотетический характер, поскольку при их установлении неизбежно исходят из рассмотрения ограниченного количества языков: всегда потенциально возможен противоречащий случай.) Как отмечает Ч. Хоккетт (см. наст. изд., стр. 50-51), довольно близкая ситуация может быть и в математике, где известны некоторые (эмпирически найденные) положения, которые фактически имеют место, по справедливости которых не

удается доказать. Примером может служить так называемая проблема четырех красок – достаточность четырех красок для такой раскраски любой географической карты (иначе говоря, любой конфигурации соприкасающихся площадей), чтобы две соседние страны были окрашены в разные цвета.

Уже из сказанного следует, что разграничение индуктивных и дедуктивных универсалий может производиться методом мысленного эксперимента. Действительно, индуктивная универсальная (языковая) характеристика есть такая характеристика, что, если некоторая знаковая система и не обладает ею, мы все же можем называть эту систему «языком» (ср. наст. сб., стр. 46 и 105).

Более того: индуктивные универсалии суть такие утверждения, относительно каждого из которых мы понимаем, какие случаи могли бы составить к нему исключения. Иначе говоря, мы способны представить (искусственно построить) противоречащий случай – и здесь различие между индуктивными языковыми универсалиями и ситуацией с проблемой «четырёх красок», о которой говорит Хоккетт.

Целый ряд закономерностей, постулируемых авторами настоящего сборника, можно назвать дедуктивными универсалиями. Сюда относятся, в частности, многие универсалии Ч. Хоккетта; напротив, примером индуктивных универсальных закономерностей могут служить все универсалии Дж. Гринберга и Ч. Фергусона.

Очевидно, что индуктивные универсалии несут больше информации и вообще имеют принципиально бóльшую ценность, нежели закономерности дедуктивного характера, – именно потому, что индуктивные универсалии ни из чего не следуют и никак не предсказуемы.

Абсолютные и статистические
(полные и неполные) универсалии
(imiversals vs. near-universals)

В «Меморандуме о языковых универсалиях» языковые универсалии определяются как высказывания вида: «для всех (абсолютного большинства) X, где X есть язык, имеет место...» Соответственно абсолютные (или полные) универсалии имеют вид: «для всех языков имеет место...», между тем как статистическими (неполным и) универсалиями называются высказывания вида: «для абсолютного большинства языков имеет место...». Иначе говоря, абсолютные (полные) универсалии не знают исключений, между тем как в отношении статистических (неполных) универсалий известны единичные случаи исключения; однако такие случаи не нарушают высокой статистической вероятности постулируемого явления. Случаи исключений, если они единичны, можно рассматривать как нехарактерные, но не противоречащие общим универсальным законам и тенденциям языка.

Случаи исключений к неполным универсалиям могут представлять специальный интерес как в силу их высокой характеризующей способности (информативности) в отношении того языка, в котором представлено соответствующее исключение, так и с точки зрения их интерпретации.

В одних случаях можно считать, что исключения возникают на переходном этапе от одной устойчивой системы к другой (между тем как сами закономерности, обладающие высокой статистической вероятностью, могут рассматриваться, например, как общие кодовые характеристики). Речь идет тогда о диахронической интерпретации, на основании которой можно предполагать те или иные пути эволюции языка (делая выводы как о его прошлом, так и о будущем состоянии).

В других случаях возможна интерпретация ареальная. Нередко можно обнаружить, что те языки, в которых представлено исключение к некоторой универсалии, локализованы в определенной географической области. Понятно, что подобные случаи могут дать основание сделать вывод о прежних контактах соответствующих языков, выделить явления субстратного характера, наконец, реконструировать древнейшее языковое состояние (не противоречащее данной универсалии) и объяснить аномалию позднейшей интерференцией.

Необходимо заметить, что абсолютные индуктивные универсалии, расширяя наши представления о языке, могут привести к принятию новых исходных допущений, на основании которых они превращаются в дедуктивные, (Именно в связи с этим авторы «Меморандума» имеют возможность утверждать, что эмпирические (индуктивные) универсалии «представляют потенциальный материал для построения дедуктивной лингвистической теории» – см. стр.42 наст, сб.) Можно сказать, таким образом, что закономерности, верные не статистически, а абсолютно, отражают уровень лингвистической методологии (поскольку они могут явиться результатом общей дедуктивной теории языка).

В то же время в отношении статистических универсалий в ряде случаев можно предполагать, что их неабсолютный характер не противоречит тем или иным дедуктивным предпосылкам, но является следствием плохой формулировки либо этих предпосылок, либо самих универсалий; таким образом, и закономерности этого рода могут быть связаны по своему существу с лингвистической методологией

Большая часть приводимых в данной книге универсалий носит статистический характер (см. особенно универсалии, предложенные Дж. Гринбергом, где сам исследователь по многим случаям указывает на исключения к постулируемой им закономерности).

Простые и сложные универсалии

Цитированное выше определение универсалии в «Меморандуме»: «для всех (абсолютного большинства) X, где X есть язык, имеет место...» – не покрывает всех возможных видов универсалии. Возможны такие закономерности универсального характера, которые не сводятся к указанной форме, представляя собой, например, высказывания типа: «для всех (абсолютного большинства) X и Y, где X и Y суть языки, имеет место...» (или же аналогичные утверждения, относящиеся не к парам, а к тройкам, четверкам и т. п. языков). Универсалии первого типа можно называть простыми, а универсалии второго типа – сложными.

Иллюстрацией сложных универсалий могут служить, например, известные соотношения обратно пропорциональной зависимости между средней длиной морфемы и общим количеством фонем в языке, между средней длиной слова и отношением числа фонем к числу слогов, и т. п. В самом деле, мы не можем выразить подобное соотношение в виде простой универсалии, то есть в виде утверждения о том, что во всяком языке имеет место соответствующее явление. Универсалия такого рода неизбежно принимает форму сложного высказывания примерно следующего типа: «для всяких языков X и Y, где X характеризуется относительно большей средней длиной морфемы, Y имеет относительно большее количество фонем», и т. п.

Таким образом, простые универсалии утверждают наличие или отсутствие в каждом (или почти каждом) языке некоторого явления (или соотношения явлений), между тем как сложные универсалии утверждают определенную зависимость между разными языками.

Абсолютное большинство универсалии, приводимых авторами данной книги, относится к числу «простых», а не «сложных» универсалии. Однако к числу «сложных» универсалий относятся универсальные закономерности диахронического характера.

Синхронические и диахронические универсалии (synchronic v, diachronic universals)

Если синхронические универсалии определяются авторами «Меморандума» как высказывания типа: «для всех (большинства) X, где X есть язык (то есть синхроническое состояние), имеет место...», то универсалии диахронические строятся как высказывания типа: «для всех (большинства) X и Y, где X есть некоторое раннее, а Y – позднейшее синхроническое состояние одного языка, имеет место...».

Таким образом, диахронические универсалии по своей форме могут рассматриваться как специальный случай «сложных» универсальных закономерностей.

Между диахроническими и синхроническими универсалиями существует определенная связь.

Она заключается, в частности, в том, что некоторые синхронические универсальные закономерности проще всего понять, исходя из диахронических предпосылок. Именно поэтому Ч. Фергусон, выдвигая ряд универсальных положений о носовых согласных, в их числе приводит и диахронические закономерности, которые во многом объясняют постулируемые им закономерности синхронические (ср. стр. 108-112 наст. сб.). Точно так же и основе устанавливаемой Дж. Гринбергом зависимости между местом определения по отношению к определяемому в языке и наличием в нем предлогов или же послелогов (см. стр. 117 II ел. наст. сб.) лежит предположение диахронического характера о том, что предлоги и послелогов закономерно восходят к именам в функции определяемого (отсюда следует общая связь послелогов с препозицией определения, а предлогов – с его постпозицией).

С другой стороны, синхронические универсальные закономерности имеют определенный диахронический смысл. Действительно, как отмечает Р.

Уэллс, каждая синхроническая универсальная закономерность, сформулированная в виде импликации («если а, то b»), может получить и диахроническую интерпретацию: именно, если имеется язык, в котором есть а, но нет b, мы предскажем либо появление b, либо исчезновение а.

Таким образом, одно и то же общее содержание может выражаться как в форме синхронических, так и в форме диахронических универсалий; в известных случаях возможен и перевод из синхронических универсалий в диахронические или наоборот. Понятно, с другой стороны, что одни явления бывает удобнее выразить в виде структурных закономерностей, тогда как другие легче выражаются в виде универсальных тенденций – в частности, в виде диахронических универсалий (если же их выразить в форме синхронических закономерностей, возникает слишком большое количество исключений).

Некоторые примеры диахронических универсалий приведены в статье Фергусона. В статье Хённгсвальда обсуждаются общие проблемы, связанные с диахроническими универсалиями.

Универсалии языка и универсалии речи

Мы упоминали, что в тех случаях, когда то или иное универсальное явление проявляется в виде тенденции, а не в виде закономерности абсолютно (или близкого к абсолютному) характера, удобно прибегнуть к форме диахронической универсалии. Однако некоторые универсальные тенденции, проявляющиеся в языке, заведомо относятся не к диахронии, а к синхронии; тем не менее их не удастся выразить в форме четких структурных закономерностей, поскольку они представляют собой именно тенденции, характерные в принципе для каждого языка, которые, однако, в отдельных случаях могут и нарушаться. Таким образом, речь идет в данном случае не об исключениях, которые имеют место в случае неполной (статистической) универсалии и представлены в каких-то отдельных языках, тогда как сама универсалия верна для абсолютного большинства языков (см. выше). Мы говорим сейчас о тенденциях, которые могут нарушаться в принципе в каждом языке, но которые универсальны в том смысле, что их проявление характерно для всех языков.

Можно говорить в этом случае об универсалиях речи, противопоставляя их универсалиям языка. Естественно при этом, что если некоторая закономерность относится к языку в целом, то она проявляется и в живой речи, то есть во всех случаях реализации данного языка, но обратное не обязательно верно.

Именно к сфере речи, а не к сфере языка относятся, например, известные выводы (универсального характера) об ограничениях, накладываемых на количество определений в тексте (в связи с ограниченностью объема кратковременной памяти человека); о запрещениях в отношении пересечения стрелок в синтаксической структуре предложения (связанных с так называемым «свойством проективности»), и т. д. Во всех этих случаях в реальных текстах можно найти нарушения соответствующих правил, но сами тенденции тем не

менее могут считаться, по-видимому, характерными для текстов любого языка и, следовательно, универсалиями.

Следует отметить, что универсалии речи, вообще говоря, могут иметь абсолютный, а не статистический характер, – а именно в тех случаях, когда они выражаются в виде утверждений о возможности того или иного явления в речи (а не утверждений о его невозможности, как в только что приведенных примерах),

Абсолютное большинство приводимых в данной книге закономерностей относится к «универсалиям языка», но отдельные замечания касаются и универсалий речи (ср., например, универсалию Хоккетта 5.1 на стр. 71).

Экстралингвистические и собственно лингвистические универсалии

Языковые универсалии можно постулировать на основании сопоставления языков с неязыками (системами близкого порядка), например сравнения языков с другими знаковыми системами, с другими системами передачи и хранения информации и т. д. В этом случае сравнение производится в терминах, необходимых для описания как всех языков, так и сопоставляемой с ними системы, то есть в определенных экстралингвистических терминах. Соответственно, речь идет тогда не о собственно лингвистической, а о соответствующей экстралингвистической (семиотической, коммуникационной или другой) типологии и о месте языков в этой типологии.

С другой стороны, языковые универсалии можно определять на основании непосредственного сопоставления языков друг с другом, то есть в терминах собственно лингвистических – необходимых и достаточных для описания некоторого языка А через сравнение его с любым другим языком В. Именно в последнем из указанных случаев и может идти речь о лингвистической типологии в собственном смысле слова. Универсалии такого типа можно называть «собственно лингвистическими» в отличие от первых, «экстралингвистических», универсалий.

Экстралингвистическим универсалиям посвящена значительная часть статьи Ч. Хоккетта, который постулирует универсальные закономерности, в частности исходя из сопоставления естественных языков с коммуникационными системами животных, и отчасти также работа У. Веннрейха, который основывается на сравнении языков с искусственными семиотическими системами; ср. также аналогичные замечания в «Меморандуме», касающиеся эффективности языкового кода, его избыточности и т. п. Остальные же авторы сосредоточены на поисках конкретных лингвистических закономерностей, выявленных на основании сравнения языков между собой (то есть в пределах собственно лингвистического материала) и сформулированных в собственно лингвистических терминах.

Собственно языковые универсалии могут подразделяться, в зависимости от конкретных терминов, в которых они формулируются, на фонологические, грамматические, семантические и т. д. (в соответствии с американской грамматической традицией, восходящей к Э. Сепиру, авторы «Меморандума» вы-

деляют наряду с только что упомянутыми уровнями языка еще и особый, «символический», уровень – см. об этом стр. 38 наст. сб.).

Универсалии разных уровней абстракции

Сравнивая различные универсалии, приводимые в данной книге, не трудно убедиться, что они сформулированы на разных уровнях абстракции. При этом те из них, которые сформулированы в достаточно конкретных терминах, бывают обычно менее содержательными с точки зрения общелингвистической интерпретации.

Очевидно, с другой стороны, что очень многие универсалии представляют собой проявление каких-то более общих закономерностей также универсального характера и что если формулировать универсалии на этом более общем уровне, число их можно было бы существенно сократить. Так, например, большая часть универсалий, выражающихся в виде импликации («если а, то b»), может быть сведена к утверждениям о том, что если в языке имеется некоторое МАРКИРОВАННОЕ явление, то в нем имеется и соответствующее немаркированное явление. Вообще уже из признания одних явлений маркированными в отношении других вытекает целый ряд следствий. Обычно, например, немаркированный элемент характеризуется относительно более высокой частотой встречаемости, нежели соответствующий маркированный (это прямо следует из известного закона Ципфа), всевозможные нейтрализации и синкретизмы, как правило, имеют место именно в маркированных формах (ср., например, типичный случай нейтрализации тех или иных грамматических противопоставлений в формах множественного числа, которое маркировано в отношении единственного; в формах будущего времени, которое также выступает обычно как маркированное в языке, и т. д. и т. п.); далее, в качестве архичлена (архифонемы и т. п.) выступает, как правило, не произвольный, а именно немаркированный член оппозиции (характерно, например, что при нейтрализации согласных в исходе слова по признаку глухости – звонкости в русском языке в функции архифонемы выступают именно немаркированные глухие, а не маркированные звонкие); точно так же немаркированный член оппозиции бывает обычно представлен большим количеством вариантов (аллофонов, алломорфов и т. п.), чем противопоставленный ему в языке маркированный член; группа маркированных (по некоторому признаку) элементов не превосходит по количеству группу соответствующих, немаркированных; наконец, в определенных случаях естественно ожидать нулевое выражение немаркированного элемента и т. д. и т. п.

Уже сами связи между данными признаками маркированности (иначе говоря, следствия из признания маркированности одного элемента в отношении другого) имеют универсальный характер, то есть характерны в принципе для любого языка, хотя в отдельных языках и могут встречаться нарушения того или иного из этих следствий.

Можно считать, с другой стороны, что во всех языках одни и те же категории выступают как маркированные. Например, во всех языках, где представлены соответствующие категории, формы множественного числа выступают как маркированные в отношении единственного числа, а формы двой-

ственного числа – в отношении множественного числа; женский рол выступает как маркированный в отношении мужского рода, косвенные падежи – в отношении прямых падежей и т. п. Это и выражается в только что приведенных признаках маркированности.

Однако, если данные отношения выразить в столь общей форме, то мы неизбежно должны и получить очень много исключений, хотя в общей совокупности языков соответствующие отношения действительно имеют место. Можно сказать, что соответствующие отношения действительны на уровне общих принципов, по которым мы представляем язык (и, в частности, предполагаем те или иные универсалии, которые могут затем подтвердиться либо не подтвердиться). Если и считать их универсалиями, то очевидно, что они относятся к гораздо более общему уровню абстракции, чем закономерности, говорящие о наличии или связи тех или иных единиц языка.

Универсальные утверждения, предполагающие достаточно высокий уровень абстракции, имеют отношение не столько непосредственно к самим языкам, сколько к процедуре их рационального представления – в том смысле, что если мы описываем неизвестный язык, нам целесообразно прежде всего предполагать в нем соответствующие отношения. В отдельных случаях наши предположения могут и не оправдаться; тем не менее подобную процедуру следует признать целесообразной, а сами отношения – нормальными для языка, поскольку в целом они соблюдаются в абсолютном большинстве языков (можно сказать тем самым, что подобные отношения целесообразно принять в соответствующем языке-эталоне).

7. Предмет и задачи ареальной лингвистики. *Языковые контакты, билингвизм, интерференция. Типы языковых ситуаций. Языковые ареалы.*

В течение последних двух десятилетий, а в особенности после выхода в свет известной монографии Уриэля Вайнрайха литература по вопросам языковых контактов, как собственно лингвистическая, так и смежная с ней, чрезвычайно разрослась. Нет надобности говорить здесь об исторических обстоятельствах, обуславливающих актуальность проблематики контактов. Достаточно будет напомнить, что из вопроса сугубо теоретического, интересовавшего лингвистов в связи со сравнительно-историческими исследованиями и решавшегося почти исключительно на индоевропейском материале, языковые контакты переросли в вопрос общественной и государственной практики, а для многих стран Азии и Африки и в вопрос злободневный.

Укажем прежде всего на связь новейших лингвистических работ по контактам с идеями, выдвинутыми в европейском языкознании в прошлом, хотя бы для того, чтобы уточнить относящиеся к делу понятия и терминологию.

Термин «языковые контакты», который вслед за А. Мартиие и У. Вайнрайхом стали применять многие лингвисты, призван заменить термин «смешение языков», введенный в языкознание Г. Шухардтом в полемике с концепцией об органической сущности языка. Как известно, понятие смешения языков оказалось неприемлемым не только для таких лингвистов, как Уитни, Мейе, Сэпир, не допуславших мысли о смешении грамматического строя,

точнее, морфологии двух языков, но и для других языковедов ввиду неопределенности этого понятия. Тем не менее этот термин, как и термин «взаимное влияние языков», продолжает употребляться и по сей день. Они плохо подходят, однако, для обозначения относящихся; сюда явлений, и не только потому, что действие одного из контактирующих языков на другой может быть и односторонним, по крайней мере преимущественно односторонним. Оба эти термина, как и термин «заимствование», употребляемый часто применительно к явлениям контакта в целом, а не только в области словаря, представляют сложный процесс языковых контактов как отношение, в котором тот или иной из двух (или более) языков выступает как сторона «дающая» в противоположность к другой, «берущей», или же в котором оба языка «обогащают» друг друга. Подобное представление естественно возникает при генетическом подходе, когда задаются вопросом происхождения того или иного «некоренного» элемента исследуемого языка. Между тем даже в период, когда языковедение интересовалось преимущественно разветвлением языков из предполагаемого общего состояния и их дивергентным развитием, смело и непредубежденно мыслившие языковеды сознавали, что явления, определяемые как «заимствование» и «влияние», не сводятся к проникновению чужеродных элементов из одного языка в другой, что они принадлежат к процессу схождения, конвергенции языков, столь же мощному и всестороннему, как и процесс дивергенции. «Развитие языка,— писал Г. Шухардт,— складывается из дивергенции и конвергенции; первую питают импульсы, исходящие из индивидуальной деятельности человека, вторая удовлетворяет потребности в установлении взаимопонимания». Именно из потребности взаимопонимания, как справедливо полагал Шухардт, следует исходить при изучении процесса взаимного приспособления говорящего и слушающего — носителей разных языков, порождающего веете явления, которые при поверхностном взгляде кажутся всего лишь заимствованием.

К сходным мыслям пришел независимо от Шухардта — и даже раньше его — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Сравнительно-историческое описание родственных языков и сопоставление языков, связанных не генетически, а своей географической и общественно-исторической смежностью, Бодуэн де Куртенэ рассматривал как принципиально сходные задачи теории языка. Мысль Бодуэна, что при контакте языков происходит не только заимствование тех или иных элементов, но и ослабление степени и силы различаемое, свойственной отдельным частям языка, то есть упрощение системы в целом, была продолжена и уточнена Л. В. Щербой. Его исследование восточнолужицкого говора, начатое в 1907 г, но предложению Бодуэна, привело Л. В. Щербу к выводам, имеющим фундаментальное значение для современной теории языковых контактов. Щерба выдвинул тезис о том, что процесс языковых контактов — он говорит именно о контактах — состоит в схождении и обобщении означаемых при сохранении различий в означаемых и что то или иное течение этого процесса обусловлено разными видами двуязычия. Работами Щербы была намечена программа изучения и описания языковых контактов как процесса интерференции, сущность которого лингвистически определя-

ется взаимным приспособлением языка говорящего и языка слушающего и соответствующим изменением норм обоих контактирующих языков. Такое функциональное и динамическое рассмотрение процесса конвергентного развития языков в условиях контактов вполне соответствовало пониманию задач лингвистики, которое было свойственно ученым Пражского кружка. Естественно, что идеи, восходящие к Бодуэну де Куртенэ, разрабатывались здесь в том же направлении и в области контактов. Стимулирующими развитие исследований были и работы А. Мартине, который и ввел в обиход в новейшее время термин «языковые контакты». Укажем, наконец, на работы не-олингвистов, интересующихся не столько лингвистическим процессом языковых контактов, сколько языковыми результатами взаимодействия цивилизаций и культур.

Круг идей, обсуждаемых в новейших работах по языковым контактам, относится, таким образом, к трем основным проблемам: двуязычие, интерференция, конвергенция языков в условиях контактов.

Рассмотрим вкратце, какие при этом встают вопросы.

Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения. При этом встают два вопроса, решение которых выходит за пределы теории контактов. Первый из них касается определения различия языков и степени этого различия, второй — степени владения языками. Как правило, допускается, что двуязычие имеет место всякий раз, когда человек переключается с одного языкового кода на другой в конкретных условиях речевого общения, независимо от того, идет ли речь о переходе от одного национального языка к другому, от национального языка к диалекту или же к языку межплеменного (межнационального, международного) общения и т. п. Что касается вопроса о степени владения двумя языками, то он не решается при описании контактов. Предполагается лишь одно — использование каждого из двух языков в типической ситуации общения.

Первостепенное значение в связи с этим приобретает изучение ситуации двуязычия. В какой мере изменится язык в ходе контактов, направление и скорость изменений, вплоть до исчезновения одного из языков, зависит в конечном счете от социально-исторических условий. Это очевидно, давно отмечено и общепризнано.

Каким образом и в какой мере социально-исторические условия общения носителей других языков определяют тот или иной ход процесса контактов, выясняется, лишь когда познается связь между речевым поведением двуязычных людей и социальными ситуациями двуязычия. На эту связь обратил внимание Л. Щерба, указав, что характер сосуществования двух языков в индивиде находится в зависимости от условий усвоения неродного языка. Если носитель языка А усваивает язык В в общении с носителем последнего, не знающим языка А, и общение происходит исключительно на языке В, причем носитель этого последнего занимает в обществе А периферийное место, то есть его связи с этим обществом ограничены небольшим числом к тому же несущественных функций, то языки А и В образуют в но-

сителе языка А две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта. На примере людей, выучивших иностранный язык от гувернанток, которые владеют лишь своим родным языком, Щерба показал, что при таком двуязычии происходит лишь заимствование отдельных слов языка В носителем языка А. Если же усвоение неродного языка происходит таким образом, что носители двух языков, общаясь в разных и многочисленных, общественно важных ситуациях, переключаются с одного языка на другой, «переводя» мысль то на один язык, то на другой, то имеет место обобщение означаемых двух языков, вплоть до образования единого языка в плане содержания с двумя способами выражения.

Типы двуязычия, выявленные Л.В. Щербой, представляют собой лишь два крайних случая разновидностей многоязычия. Исследования двуязычия, проведенные в последнее время — и не только в Европе, но и в Северной и Южной Америке, в странах Азии и Африки, — значительно расширили наши представления о двуязычных ситуациях, куда более разнообразных, чем это можно было себе представить, оперируя лишь такими географическими понятиями, как маргинальное или немаргинальное двуязычие, или же сводя социальные факторы к определению большего или меньшего престижа контактирующих языков. Значительно усовершенствовалась техника проведения социологических исследований двуязычных ситуаций¹⁰. С лингвистической точки зрения описание ситуаций двуязычия может быть представлено как набор языковых вариаций, которыми располагают двуязычные индивиды, и правил их использования в зависимости от той или иной сферы их общественных и личных связей. Подобное описание может касаться определенной социальной или этнической группы данного общества, причем задача лингвиста сводится к составлению «матрицы кодов» этого коллектива, то есть языковых средств, используемых его членами при переключении с одного канала общественной связи на другой. Такого рода описания особенно полезны при изучении пестрых многоязычных районов. Укажем, кстати, на предложенные в последнее время статистические методы количественного измерения разноязычия как межтерриториального, так и межгруппового.

Изучение ситуаций двуязычия относится, собственно говоря, к компетенции социологии, хотя привлечение к этому делу лингвиста, видимо, целесообразно. Заинтересована лингвистика и в психологических исследованиях пилений сосуществования двух (или более) языков у одного индивида. Многие из такого рода работ посвящены проверке идеи Л. В. Щербы о двух видах двуязычия, переформулированной американскими психологами Ч. Осгудом и С. Эрвин: двуязычие, при котором происходит переключение с одного языка на другой, они назвали «смесянным» (compound), а двуязычие, при котором каждый из двух языков существует в двуязычном индивиде отдельно, — «координированным» (coordinate) аг|. Хотя в основу психолингвистических экспериментов, сводящихся, как правило, к выявлению словесных ассоциаций двуязычного индивида, положено такое психологическое представление о речевом поведении двуязычного индивида, которое вряд ли можно признать адекватным, они (эти эксперименты) открывают путь к про-

верке лингвистического описания процесса отклонения от норм контактирующих языков, которое ученые Пражского лингвистического кружка назвали интерференцией. Разработка этих вопросов находится в самой начальной стадии. Предлагается различать «микроскопическое» изучение интерференции — синхронное рассмотрение явлений контакта — и макроскопическое ее изучение, то есть диахроническое исследование результатов воздействия одного языка на другой. Можно полагать, однако, что моделирование речевого поведения двуязычного индивида и моделирование процесса изменения контактирующих языков представляют принципиально сходные задачи: и тут и там лингвист пытается построить последовательное описание правил анализа (понимания) и говорения (синтеза) текстов при переходе от одного языка к другому. Адекватность описания первого из этих процессов — интерференции — может быть установлена путем интерпретации описания данными речи двуязычных индивидов, включая и данные экспериментальные, полученные психологическими методами. Адекватность же описания второго процесса — конвергенции контактирующих языков — проверяется на исторических данных. Согласование логики описания с данными как синхронными, так, по возможности, и историческими придает описанию теоретическую убедительность.

Проиллюстрируем сказанное на синтаксическом материале. Из соображений общего характера, которые здесь нет возможности представить подробно, мы будем считать, что интерференции в области синтаксиса выражается главным образом в замене правил синтаксического оформления предложения, свойственных каждому из контактирующих языков, правилами общими, оформляющими те же смысловые отношения. Мы будем считать, в частности, что при контакте французского языка с русским инфинитивные конструкции типа франц. *Je le vois venir* «я вижу, что он идет» заменяются в речи носителя французского языка вариантными конструкциями типа *Je vois qu'il vient*. Пусть эта замена, значительно облегчающая общение француза с носителем русского языка, где отсутствуют предложения типа *Je le vois venir*, касается всех инфинитивных конструкций, управляемых глаголами в личной форме, независимо от значения последних. Тогда по сравнению с речью одноязычного француза речь двуязычного индивида — носителя французского языка, общающегося с русским, будет отмечена отклонением от нормы: вместо набора правил, порождающих предложения типа *Je peux venir* «я могу прийти», *Je veux venir* «я хочу прийти», с одной стороны, и *Je veux qu'il vienne* «я хочу, чтобы он пришел», *Je le vois venir*, *Je vois qu'il vient* — с другой стороны, то есть вместо набора многочисленных, несимметричных, сложных, а частично и неоднозначных правил оформления одних и тех же отношений его речь будет содержать лишь предложения типа *Je peux (veux) venir*, с одной стороны, и *Je veux qu'il vienne*, *je vois qu'il vient* — с другой, то есть лишь две конструкции, противопоставленные по признаку совпадения — несовпадению субъекта двух предикатов. Естественно, что французская речь носителя русского языка должна будет соответствовать в рассматриваемых конструкциях такому упрощению правил.

Отклонение от нормы в данном случае не нарушает еще грамматического строя французского языка, то есть интерференция здесь не явная, а скрытая: французская речь стала менее «идиоматичной», менее гибкой, но осталась правильной. При моделировании контакта французского языка с языком, структурно более отдаленным от него, нежели русский, например с каким-либо африканским языком, и если учесть к тому же, что ситуация двуязычия содействует резкому ускорению хода интерференции, разумно было бы предположить, что из двух наборов правил синтаксического оформления рассмотренных только что отношений останется лишь один, а именно тот, который обеспечивает наиболее явное эмфатическое выражение мысли, а следовательно, и надежное понимание ее (в нашем случае сохранение конструкции типа *je vois qu'il vient* и выпадение конструкции типа *je le vois venir* из речи контактирующих индивидов). Интерференция была бы в этом случае не скрытой, а явной: оказался бы нарушенным строй французского языка.

Обратимся теперь к тому, что Вайнрайх называл «макроскопическим» исследованием результатов влияния одного языка на другой. Как известно, в балканских языках — новогреческом, албанском, болгарском, румынском — инфинитивные конструкции почти отсутствуют. Если пола-гать — а для этого имеются веские основания, — что такие конструкции существовали в балканских языках в прошлом (по крайней мере в некоторых из них) и что их исчезновение есть результат не отдельного для каждого из этих языков, чисто внутреннего процесса, а явление конвергенции контактирующих языков, то задача лингвиста состоит в реконструкции этого процесса, то есть в построении такого описания изменений в правилах синтаксического анализа и синтеза рассматриваемых конструкций, которое, будучи логически последовательным, согласовалось бы вместе с тем с историческими данными, то есть с временной последовательностью изменения этих конструкций. Логика описания тут в принципе та же, что и при описании интерференции: вместо двух наборов правил, обеспечивающих синтез и анализ инфинитивных предложений и предложений с глаголом в личной форме, семантически равнозначных, но отличающихся по оформлению субъектных отношений, мы будем иметь в нашем описании лишь один, а именно тот, который явно и однозначно указывает, как строить и понимать предложение, выражающее соответствующее отношение. Переход от начального состояния — наличия двух поверхностных синтаксических конструкций, оформляющих одну и ту же глубинную структуру, — до конечного — наличия лишь одной из этих конструкций, а именно предложения с глаголом в личной форме, в которой субъектные отношения выражаются явно, — будет в таком описании логически последовательным. Первыми заменяются инфинитивные предложения, для анализа которых требуются наиболее сложные правила (при наличии параллельных предложений с глаголом в личной форме, выражающих те же отношения, легко и однозначно анализируемых): ср., например, франц. *J'entends chanter une chanson* «я слышу, что кто-то поет песню» и *J'entends chanter une femme* «я слышу, что поет женщина», где одна и та же синтаксическая конструкция оформляет разные субъектные отношения, и, с другой стороны, одно-

значное оформление этих отношений в предложениях *J'entends qu'on chante une chanson* и *J'entends qu'une femme chante*. Последними заменяются инфинитивные предложения, в которых субъектные отношения выражены однозначно. Ср., например, предложения, в которых инфинитив управляется глаголом со значением «мочь», исключающим несовпадение субъекта инфинитива с субъектом управляющего глагола.

Подкрепление такого описания исторически засвидетельствованными данными синтаксиса балканских языков затруднено ввиду скудности относящегося сюда материала, в особенности памятников устной, бытовой речи. Однако даже имеющиеся данные показывают, что схематически намеченная здесь логическая последовательность в принципе воспроизводит последовательность историческую. Согласуется она и с аналогичными данными из истории других языков, как и данными диалектологическими аз.

Сказанное о принципиальном методологическом единстве синхронического описания (интерференции) и диахронического описания (конвергенции) можно было бы сформулировать и так: лингвистическое описание процесса контактов является принципиально единым, независимо от того, имеется ли в виду протекание этого процесса в настоящем и будущем (интерференция) или в прошлом (конвергенции). Теоретически такое понимание задачи лингвистического изучения языковых контактов сближает этот раздел лингвистики с методологией современной лингвистики, синхронической и диахронической. Ввиду возможных приложений теории языковых контактов в работе по установлению норм языка важно учесть, что надежное прогнозирование изменений контактирующих языков требует от лингвистики единого метода описания процесса.

При лингвистическом описании явлений интерференции и конвергенции встает вопрос о способе сопоставления единиц контактирующих языков. Поскольку единиц разных языков, взаимно-однозначно соответствующих друг другу, весьма мало, непосредственное сопоставление отдельных фонем, слов, форм ведет лишь к тривиальному установлению их несовпадения. Принято поэтому сопоставлять не фонемы, морфемы, лексемы непосредственно, а их характеристики, причем не изолированно, а в рамках системы, хотя на этот счет и высказываются сомнения. Так, на фонологическом уровне сопоставляются дифференциальные признаки, а также правила распределения фонем. Считается, что если различительный признак, характерный для фонологической системы языка А, отсутствует в языке В, то носитель последнего будет грешить недоразличением этого признака; в обратном случае, то есть если некоторый признак является различительным в языке В, но отсутствует в языке А, носитель языка В будет «переразличать» этот признак в тексте на языке А. Интерференция будет иметь место и в случае, когда признаки одной фонемы языка В представлены в двух или более фонемах языка А или при разном распределении фонем в двух языках. Интерференция, разумеется, может привести к перестройке всей фонологической системы в целом, как это произошло, например, в румынском в ходе контакта со славянскими языками ав. Более того, интерференция на фонологическом уровне может быть

вызвана не только ошибочным установлением фонологических соответствий. Как верно замечает Хауген, «...даже соображения семантического порядка могут препятствовать одно-однозначному воспроизведению фонем языка S с помощью фонем языка P».

Схематически указанное соотношение между двумя языками может быть представлено следующим образом:

Из схемы видно, что (1) русский язык требует обязательного морфологического обозначения временного признака и не требует такого обозначения признака предположительного условия и что (2) французский язык не требует морфологического обозначения реального условия, но требует обязательного обозначения предположительного условия. При таком сопоставлении нетрудно предвидеть, что в речи носителей русского языка, усваивающих французский язык, интерференция выразится здесь в недодифференциации третьего и четвертого признаков (ср. *Si j'avais le temps hier je viendrais*, вместо *si j'avais eu le temps hier, je serais venu* «если бы у меня вчера было время, я бы пришел») и сверхдифференциации первых двух признаков (Ср. *Si j'aurai le temps je viendrai*, вместо *si j'ai le temps je viendrai* «если у меня будет время, я приду»).

Легко заметить, что в подобном описании, сходном с описаниями, принятыми при сравнительно-исторической реконструкции и структурно-типологическом сопоставлении, совокупность различительных признаков выражения данного смысла в двух сопоставляемых системах образует третью систему, по сравнению с которой каждая из двух остальных систем представляется отклонением. Однако для носителя каждого из двух языков именно это «отклонение», усвоенное в детстве и зафиксированное в памяти, является единственно правильным. Интерференция вызвана, видимо, трудностью введения и закрепления в памяти совокупности различительных признаков — третьей системы — и бессознательного применения правил перехода от нее к каждой из двух систем при построении и понимании текста. С особой силой интерференция дает о себе знать при морфологическом оформлении смысловых различительных признаков, хотя проявляется не только на этом уровне. Понятно, почему морфологически резко различающиеся языки сопротивляются конвергенции. Но если заимствование и взаимное проникновение морфологии действительно редкое явление, как верно отмечал А. Мейе, то верно, что конвергенция тем не менее происходит и при развитой морфологии. Стремление к обобщению различительных признаков и правил их оформления здесь выражается, как пронизательно отметил Л. Теньер, в упрощении двух контактирующих языков путем замены флексий лексическими и / или синтаксическими способами оформления смысловых отношений. Предельное проявление подобной конвергенции — креолизация.

Интерференция и конвергенция в области синтаксиса до сих пор мало описаны. Работы в этой области касаются в основном «поверхностного синтаксиса» — порядка слов, согласования, управления и т. п. Можно надеяться, что значительные результаты, достигнутые в последние годы в описании синтаксиса, благотворно скажутся и на изучении контактов.

Сказанное здесь относится и к семантике. Семантическое переустройство языков в ходе контактов до сих пор изучалось главным образом лишь в пределах слова, а не более широко, имея в виду высказывание о некоторой ситуации. При таком подходе внимание обращается в основном на изменение репертуара словаря — заимствование и калькирование слов, выпадение других слов. Как ни важны исследования такого рода, классификация заимствований и калек, изучение их ассимиляции, они все же оставляют вне рассмотрения интерференцию в наиболее существенной части словаря, в которой выражается свойственный каждому языку особый способ категоризации действительности, своеобразное выражение универсальных понятий. Между тем изменения с этой системной части словаря в значительной мере определяют конвергенцию контактирующих языков, вплоть до образования языкового союза.

Теория языковых контактов находится лишь в стадии формирования. Не будет совсем безосновательным утверждение, что преждевременно заниматься изучением процесса коммуникации в условиях двуязычия — нет еще ясного и точного представления о механизме речевого общения в «обычных» условиях. Но, оставляя в стороне вопрос, не обычное ли явление двуязычие и даже многоязычие, можно заметить, что для многих лингвистов изучение двуязычия, интерференции, конвергенции контактирующих языков уже стало делом актуальным и важным как теоретически, так и в связи с потребностями современного общества. Об этом свидетельствует обширная литература, посвященная этим вопросам, о которой этот очередной выпуск серии «Новое в лингвистике» призван дать советскому читателю хотя бы примерное представление.

1.1. Если бы процесс коммуникации ограничивался рамками языковых коллективов, то в отношении культур человечество являло бы не менее пеструю и разнообразную картину, чем в языковом отношении. Но дело обстоит иначе. Районы наиболее ярко выраженного языкового разнообразия, такие, как Кавказ, Новая Гвинея, провинция Плато в Нигерии, район Оахака в Мексике и др., вовсе не отличаются соответствующей этнической пестротой. Случаи поразительного единообразия в области культуры в условиях нестрогого разнообразия языков служат доказательством того, что общение может преодолевать и действительно преодолевает языковые границы. Оно оказывается возможным благодаря посредству многоязычных носителей.

Это умозаключение находит эмпирическое подтверждение в чрезвычайно богатых данных индийской языковой статистики. Языковое разнообразие в Индии распределено неравномерно: оно очень ярко выражено в ряде районов Лссама, в центре Деканского полуострова, вокруг пустыни Раджастан и вдоль тибетских перевалов, тогда как основные части северной рашшии и почти все побережье с языковой точки зрения вполне однородны. Владение еще каким-либо языком, помимо родного, также распространено очень неравномерно. Можно было бы ожидать по крайней мере, что оба эти показателя находятся в прямой зависимости друг от друга, однако в действительности они оказываются независимыми. Это значит, что в ряде районов языковое

разнообразии более или менее полно компенсируется двуязычием (в городах, на Деканском полуострове, вдоль проходов в Тибет), чего нельзя сказать, например, об Ассаме, Раджастане и вообще о сельских районах, если их сравнивать с городскими. Наибольшим этот разрыв оказывается в районах, для которых характерна наибольшая степень культурной отсталости. Таким образом, препятствием процессу общения является не просто языковое разнообразие как таковое, а языковое разнообразие в сочетании с недостатком компенсирующего его многоязычия.

1.2. Хотя многоязычие, несомненно, представляет собой явление не только значительное, но и достаточно обычное и распространенное, принято, в том числе и среди лингвистов, рассматривать одноязычие как правило, а многоязычие — как нечто исключительное. У этого в высшей степени идеализированного взгляда есть ряд источников. Один из них — в соблазне экстраполировать опыт нескольких европейских и американских стран, которые в течение недолгого исторического периода приближались, с известным успехом, к сознательно поставленной цели — полной стандартизации языка как символу и орудию своего национального бытия. Другой источник этого взгляда связан с тем, что структурная лингвистика на ранних стадиях своего развития нуждалась в допущении синхронности и качественной однородности языковых текстов, служивших объектом ее описания. Но ни культурно-географические перегородки, ни временные методологические установки, связанные с младенческой незрелостью нашей науки, не должны заслонять от нас того реального факта, что миллионы людей, возможно большинство людей, в течение своей жизни в той или иной степени овладевают двумя или несколькими языковыми системами и умеют пускать их в ход каждую в отдельности — в зависимости от требований обстановки.

1.3. Могут возразить, что говорить о многоязычии, не затрагивая вопроса о минимальном различии между языками — значит давать этой проблеме чересчур широкое и неопределенное толкование. Но вполне обоснованной представляется такая точка зрения, при которой случаи владения, скажем, французским и вьетнамским, французским и про-вансальским или даже парижским и марсельским французским рассматриваются как разновидности по существу одного и того же явления. Ибо проблема, стоящая перед говорящим во всех этих случаях, качественно одна и та же: следовать огромному количеству норм в соответствующих контекстах; и в случае неудачи результат один и тот же: вторжение (интерференция) норм одной системы в пределы другой. И вовсе не очевидно, что четко различающиеся системы норм легче спутать, чем системы сходные.

1.4. Другая черта многоязычия, которую легко представить в виде переменной, — это степень владения каждым данным языком у одного и того же говорящего. Совершенно свободное и всестороннее владение двумя языками, конечно, очень сильно отличается от усвоения лишь начатков второго языка; но опять-таки трудность задачи, стоящей перед человеком, и характер его неудач при дублировании одноязычных норм каждого из языков (в отличие от «размеров» этих неудач) в обоих случаях сходны. Сравнительная степень

владения двумя языками вообще не может быть точно сформулирована в чисто лингвистических терминах. Это один из тех многочисленных аспектов двуязычия (которое мы далее для простоты и подвергнем рассмотрению как наиболее важный тип многоязычия), для исследования которых лингвистике необходимо сотрудничество с психологией и общественными науками.

1.5. С лингвистической точки зрения проблема двуязычия заключается в том, чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить те различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать таким образом наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием. Но не все потенциальные возможности интерференции переходят в действительность. Разные люди с различным успехом преодолевают тенденцию к интерференции — как автоматически, так и сознательными усилиями. В некоторой данной ситуации контакта между языками А и В говорящий № 1 может владеть обоими языками, как своим родным, а у говорящего № 2 речь на языке В может изобиловать отпечатками норм языка А. Исследование подобных различий в поведении двуязычных носителей опять-таки требует соединенных усилий лингвистики и смежных наук. Может быть так, что наши два носителя различны по своим врожденным языковым способностям или, скажем, что носитель № 2 лишь приступает к изучению языка В.

Может быть, они изучали эти языки разными способами, например носитель № 2 пользовался методом, не рассчитанным на подавление интерференции. Возможно также, что носитель № 1 придерживается пуристических установок, а № 2 стремится лишь к тому, чтобы быть правильно понятым и готов пренебречь языковыми нормами. При этом различия в языковых установках и в степени терпимости к интерференции могут носить характер как личных особенностей, так и социальных явлений, обусловленных тем коллективом, в рамках которого происходит контакт двух языков. В Канаде местный французский акцент в английском языке в социальном отношении менее выгоден для говорящего, нежели в США, где, скажем, гувернантке-француженке может быть даже экономически выгодно культивировать французский акцент как символ своего вполне «авторитетного» происхождения. Лингвист может найти в этих различиях хотя бы примерное объяснение того факта, что одни контакты между языками, имевшие место в истории, оставили вполне определенный отпечаток на соответствующих языках (эффект «субстрата»), а другие прошли почти бесследно. Но точное описание взаимосвязей между языковыми, психологическими и общественно-культурными факторами, участвующими в современных, допускающих непосредственное наблюдение ситуациях языкового контакта, предполагает исследование двуязычия методами целого комплекса смежных наук.

2. Контакт языковых систем

2.1. В случаях, когда перед лицом или группой лиц, обычно пользующихся языком А, встает задача усвоения второго языка, В, есть ряд возмож-

ностей. Во-первых, язык А может быть вообще заменен языком В; в этом случае мы говорим о языковом сдвиге. Во-вторых, языки А и В могут употребляться попеременно, в зависимости от требований обстановки; тогда мы говорим о переключении (switching) с языка А на язык В и обратно. В-третьих, может произойти слияние (merging) языков А и В в единую языковую систему.

2.2. Термин «система» не следует обязательно понимать как относящийся к языку в целом; сдвиги между системами, переключение с одной из двух различных, но одновременно доступных систем на другую и слияние систем могут происходить и на уровне составных частей языка, т. е. на уровне словаря, грамматики, фонологии и даже их компонентов. Возьмем в качестве примера фонологический вопрос выбора между [e] и [ɛ] в случае двуязычия «французский — русский». В не-конечной позиции правила французского языка требуют [e] в открытом слоге и [ɛ] в закрытом. По правилам русского языка [e] появляется только в окружении палатализованных согласных, а в остальных случаях произносится [ɛ]. Если системы выбора аллофонов сосуществуют у двуязычного носителя отдельно, то он будет переключаться с одного правила на другое в зависимости от того, является ли высказывание в целом французским или русским. Если же эти системы у него слились, то возникает новое фонологическое противопоставление между двумя языками, требующее, например, [e] во французском (Compiegne), но [ɛ] в русском (пень). Аналогичные возможности имеются и в плане содержания. Некоторый элемент плана содержания при контакте двух языков может принимать двойное значение — вещества или предмета, если он фигурирует в контексте французского высказывания (verre), тогда как в русском высказывании он получил бы дальнейшее различие (стекло vs стакан.). Если бы языковые системы слились, то мы бы сказали, что в новой системе имеются два слова со значением «стекло» — одно неоднозначное, а другое однозначное. То же самое можно заключить и о языковом знаке в целом, т. е. о пересечении содержания и выражения. Можно представить себе носителя русского и французского языков, у которого для единицы содержания «сахар» есть две синонимичные единицы выражения [sykɔʁ] и [saxaʁ], выбор между которыми производится в зависимости от того, является ли высказывание в целом русским или французским. Далее, для такого носителя слово [nos] оказывается межъязыковым омонимом, многозначность которого разрешается одним образом в высказываниях на русском языке (нос) и другим — в высказываниях на французском языке (nosces «свадьба»). Если же, напротив, сосуществующие языковые системы остаются отдельными, то «сахар» [sykɔʁ] и «свадьба» [nos] — это знаки одной системы, а «сахар» [saxaʁ] и «нос» [nos] — знаки другой системы.

2.3. Модель слияния языковых систем предоставляет в распоряжение лингвиста заманчивое объяснение для многих явлений интерференции, наблюдаемых в речи двуязычных носителей. Мы будем говорить о языке S — источнике интерференции (source of the interference) и языке C — объекте интерференции (target of the interference). Знаки языка C или элементы

его систем выражения или содержания благодаря субстанциальному или частичному формальному сходству отождествляются со знаками или элементами языка S. Затем двуязычный носитель подвергает таким образом отождествленные элементы дальнейшему действию норм языка S, которые могут в значительной мере расходиться с нормами языка C. Ниже, в §§ 3—5, рассматривается механизм интерференции в ряде сфер языка.

2.4. Разграничение слившихся и сосуществующих языковых систем имеет — помимо своего теоретического значения как основы для описания наблюдаемых явлений интерференции — еще и психологический аспект. С точки зрения психологии отсутствие интерференции в том или ином конкретном случае само по себе еще вовсе не говорит о том, что двуязычный носитель осуществляет переключение между двумя отдельными системами. Для определения того, в какой мере две фонологические, грамматические или семантические системы или подсистемы являются отдельными у данного двуязычного носителя, имеются специальные процедуры, основанные на прямых психологических тестах. При исследовании типов двуязычия целесообразно также сравнивать данные, полученные путем непосредственных лингвистических наблюдений, с данными психологических тестов.

2.5. В любом лингвистическом исследовании важно различать продукцию говорящего — то есть некоторый конечный текст, сколь бы длинным он ни был,— и стоящую за этим текстом систему, существующую у него в мозгу и позволяющую ему продуцировать не только этот текст, но и бесконечное количество других высказываний, которые будут восприниматься остальными членами его языкового коллектива как соответствующие языковой норме. Не менее актуальным является это различие и для исследования явлений языкового контакта. Но говорящий всегда может (а многие люди в этом отношении являются особенно одаренными) научиться воспроизводить с абсолютной точностью некоторый ряд моделей иностранного языка, отнюдь не овладев этим языком как целой порождающей системой, т. е. не приобретя способности производить бесконечное количество правильных комбинаций элементов этого языка. Может случиться также, что некоторые высказывания, порождаемые системой одного языка, случайно окажутся соответствующими правилам и нормам другого языка. Так, например, какое-нибудь конечное русское -s может оказаться правильным выражением для французской фонемы /s/, даже несмотря на то, что его глухость не является различительным признаком в русском, а его твердость противопоставляет его другой русской фонеме /s'/, что совершенно чуждо системе противопоставлений французского языка. Аналогичным образом порядок слов подлежащее — дополнение — сказуемое во фр. *il me voit*, будучи применен к соответствующим русским словам, даст правильное с точки зрения субстанции и эквивалентное по смыслу предложение: он меня видит; однако этот порядок слов в русском высказывании содержит дополнительный формальный элемент, противопоставляющий это высказывание другому, напр., он видит меня, не имеющему во французском достаточно простого эквивалента. Поэтому в исследовании двуязычия неразумно ограничивать свое внимание явлениями интерферен-

ции, наблюдаемыми на материале ограниченных текстов, так как даже правильные с точки зрения субстанции высказывания на языке С могут быть результатом случайности, за которым скрываются существенные пробелы во владении языком С как порождающей системой. Анализ двуязычия должен продолжаться до тех пор, пока полностью не будет определена степень владения каждой из языковых систем.

2.6. Особая проблема встает в связи с разницей между пассивным и активным владением языком. Есть веские основания полагать, что способность декодировать сообщения первична и отчасти даже независима от способности кодировать их. С точки зрения психологии языка серьезный интерес представляет описание процесса, в ходе которого человек начинает разбираться в незнакомом языке, обходясь при этом без каких-либо четких указаний со стороны. С точки зрения социологии двуязычия еще важнее исследовать те двусторонние отношения, которые возникают между двумя говорящими или даже между двумя языковыми коллективами, когда каждый говорит (кодирует) на своем собственном языке и свободно декодирует сообщения, посылаемые партнером. Такие отношения особенно характерны для тех случаев, когда речь идет о диалектах одного языка или близкородственных языках типа скандинавских. В подобных случаях эта особая психолингвистическая установка говорящих перерастает в ощущение регулярности различий между системами и осознание этих различий как четких формул перехода — даже людьми, сколь угодно далекими от занятий сравнительным языкознанием. Изучение «дна-систем» (синхроническое описание систем диалектов) привлекло в последнее время внимание многих лингвистов, и за ним, конечно, последуют работы по психологической природе диасистем у носителей языка.

2.7. «Микроскопическому» рассмотрению явлений языкового контакта на материале поведения отдельных двуязычных носителей может быть противопоставлено «макроскопическое» исследование результатов воздействия одного языка на другой. При «микроскопическом» подходе последствия двуязычия рассматриваются на фоне языкового поведения одноязычных носителей. При «макроскопическом» подходе мы сравниваем язык, который рассматривается как подвергшийся действию контакта, с соседними в пространстве или во времени участками того же языка, относительно которых предполагается, что они не были затронуты действием контакта. При синхроническом «микроскопическом» наблюдении особое внимание должно уделяться выяснению того, какие иностранные элементы в речи двуязычного носителя связаны с его личным участием в языковом контакте. Так, носитель испанского языка в Соединенных Штатах может сказать *objectores concientes* в качестве импровизированного перевода словосочетания *conscientious objectors* «пацифисты, уклоняющиеся от военной службы» (букв. «совестливые возражатели»), которое известно ему как двуязычному носителю из английского языка; с другой стороны, употребление им таких испанских слов, как *beisbol* или *jazz*, хотя и имеющих в конечном счете английское происхождение, вовсе не связано с тем, что он знает английский язык: они являются

неотъемлемой составной частью словарного запаса одноязычных носителей испанского языка.

3. Фонетическая интерференция

3.1. Сопоставляя фонетические системы, скажем, французского и английского языков, мы замечаем, что во французском имеются звуки, которые отсутствуют в английском, напр, [y], а в английском — такие звуки, как [0, 01, не представленные во французском. Но есть и другие фонологические различия между этими двумя языками, которые не сводятся к простому несовпадению наборов целых фонем; так, и в английском и во французском есть фонема /г/, но с точки зрения субстанции здесь имеются значительные различия. Звук [œl во французском языке — полноценная фонема, а в английском он встречается только в ретрофлексном варианте как реализация последовательности фонем /иг/. Звук [p] во французском является основной и почти единственной реализацией фонемы /p/, а в английском — лишь одним из гюзиционно обусловленных аллофонов (напр., к последовательности /sp/) наряду с /p1', представленным в других очень частых позициях. Поэтому, для того чтобы дать полное описание проблем, встающих перед двуязычным носителем при пользовании двумя фонетическими системами, необходимо пойти дальше простой инвентаризации фонем и обратиться к их дифференциальным признакам, контекстному взаимодействию этих признаков и правилам построения допустимых последовательностей фонем в каждом из языков. Возьмем в качестве примера английское [01. Это звонкий апикальный фрикативный согласный. В испанском языке есть похожий звук, но у него фрикативность является не дифференциальным, а факультативным признаком, возникающим в некоторых позициях, а именно в интервокальной и в конце слова. Двуязычный носитель, для которого испанский является языком S, а английский — изучаемым языком С и который не знает о фрикативности английского звука, будет грешить его «недоразличием» (imderdifferentiate). В некоторых случаях он будет нечаянно выдавать правильную реализацию, напр., в словах /fo'Or, rijO/, а в других словах, например, таких, как /re'der, rijd/, эта «недоразличающая установка» может привести к подстановке варианта [til и соответствии с правилами выбора между аллофонами [dl и [01 в испанском языке S. Носителем арабского языка S, наоборот, краткость и не-фарингализованный характер звуков — избыточные в английской фонологической системе — могут быть приняты за различительные, поскольку в его арабской фонологической системе S/0/ противопоставлено /0/ и /00/

Но «сверхразличие» (overdifferentiatran) английских звуков, к которому это поведет, не грозит двуязычному носителю никакими нарушениями английских норм

3.2. Итак, если у некоторого данного звука в данной позиции некоторый признак либо всегда присутствует, либо всегда отсутствует как в языке S, так и в языке- С, то следует ожидать, что речевое поведение двуязычного носителя будет в этом отношении находиться в согласии с одноязычными нормами соответствующих языков. Если некоторый признак присутствует в языке

S в порядке свободного варьирования, а в языке С участвует в фонологическом противопоставлении, то следует ожидать непредсказуемых ошибок. Так, по-видимому, можно описывать озвончение согласных носителем южнонемецкого S в его французской речи (С). Если же в языке S некоторый звук может как обладать, так и не обладать некоторым признаком, а в языке С присутствие этого признака определяется особыми позиционными условиями, то следует ожидать интерференции в определенных, предсказуемых позициях; таков случай контакта испанского и английского языков, описанный выше.

При двуязычии может иметь место еще одно явление, заключающееся в том, что признаки, одновременно представленные в фонеме языка С, в речи двуязычного носителя оказываются распределены им и между двумя или несколькими последовательными звуками. Так, индийцы, передающие английские Л), Г/ как [dh, phi, связывают место образования звука и работу связок с первым, взрывным элементом, а фрикативность передают отдельным звуковым сегментом; аналогичным образом носители русского языка S часто передают отдельными сегментами передний ряд и огубленность /y/ французского языка С, что дает [ju].

3.3. Даже если два языка, находящиеся в контакте, имеют много общих фонем, законы их распределения могут быть очень различными. Так, хотя /p, s, s. г/ являются фонемами как в английском, так и во французском, начальная последовательность /ps-/ нехарактерна для английского, а /sr-/ не встречается во французском. В английском последовательность /-i)kr-/ вполне обычна в интервокальном положении (напр., increment), но когда сквозь фильтры английских законов распределения фонем проходит имя Нкрума, та же самая последовательность, оказавшись в начале слова, приобретает в высшей степени экзотический оттенок. В истории французского языка был период, когда /sp-/ в начале слова также было нарушением законов следования фонем; сейчас такая последовательность вполне допустима, но йот носитель испанского языка S по-прежнему склонен добавлять начальное /e-/ , когда он в качестве двуязычного носителя пытается произнести слово spécial французского языка С.

3.4. Аналогичные различия между языками и явления интерференции можно заметить и в сфере просодии. Если в языке S ударение ставится на каждом слове, то можно ожидать, что двуязычный носитель будет тщательно следить за ударениями в языке С, но какому бы принципу они ни были организованы, и будет точно воспроизводить их, даже если он таким образом будет придавать дифференциальное значение вещам, носящим в языке С чисто автоматический характер. (Так обстоит дело с носителем немецкого языка S, когда он говорит на французском языке С.) Если же, напротив, двуязычный носитель не приучен правилами языка S к тому, чтобы следить за местом ударения с каждым отдельным словом, то от него следует ожидать самых различных ошибок в ударении, которые исчезнут лишь при полном овладении языком С.

3.5. Стоит лишний раз отметить, что в действительности реализуются не все возможности интерференции, вытекающие из различий между данными языковыми системами. Эксперименты показывают, что отклонения в восприятии и в воспроизведении иностранных звуков не всегда совпадают друг с другом. В зависимости от колебаний в степени внимательности и заинтересованности различные носители могут подавлять потенциально возможную интерференцию или допускать ее беспорядочное проявление. Одни подмены звуков (sound substitutions) прощаются коллективом носителей языка С охотнее, чем другие; американцы, например, гораздо решительнее протестуют против замены /Ц/ на [s] или [ʃ], чем на [ɲ]. Таким образом, даже сами иностранные акценты получают частичное признание в качестве явлений, имеющих определенный общественный статус (partly institutionalized faits sociaux). Но наилучшим исходным пунктом для описания двуязычного поведения пока что остается сопоставительный анализ находящихся в контакте языковых систем.

3.6. Явления фонетической интерференции, проявляющиеся на «микроскопическом» уровне в иностранном акценте двуязычных носителей, вновь встречаются нам на «макроскопическом» уровне при рассмотрении исторического влияния одного языка на другой. Весьма вероятно, например, что именно влияние славянских языков привело к появлению в румынском языке палатализованных вариантов согласных, что в свою очередь после выпадения палатализирующего гласного (процесс, также, по-видимому, объясняющийся славянским влиянием) привело к фонологизации противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных. На северо-западе Югославии влияние романских языков, лишенных тонов, по-видимому, привело к утрате различительной роли тонов в ряде сербскохорватских диалектов. Очень часто в территориально близких языках появляются одинаковые инновации, причем не всегда можно определить, где они впервые возникли и в каком направлении распространяются. Так, болгарский, румынский, украинский языки и диалект языка идиш на Украине и в Румынии имеют очень близкие системы из 3 x 2 гласных. В Швейцарии некоторые соседствующие диалекты ретороманского и алеманнского утратили различительный признак лабиализации гласных. Подобное конвергентное развитие иногда фигурирует в качестве критерия при определении близости языков («языковые союзы»). Это понятие существенно раздвинуло пределы языковой географии, позволив перешагивать через языковые границы при прослеживании звуковых инноваций.

4. Грамматическая интерференция

4.1. Грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему языка S, применяются к примерно таким же цепочкам элементов языка C, что ведет к нарушению норм языка C, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка C, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике языка S.

4.2. Предложение *il revient chez lui aujourd'hui* «он возвращается домой сегодня» может быть передано по-английски с обстоятельством времени в начале или в конце предложения: *today he comes home* или *he comes home today*. В немецком нет никаких ограничений на позицию наречия «сегодня», его можно вставить и в середину, перед словами *nach Hause* «домой» (*er kommt heute nach Hause*). Сложность английских правил порядка слов для наречий по сравнению с более свободной системой в немецком ведет к нарушению английских норм двуязычными носителями немецкого языка типа *he comes tomorrow home*. Правила английского языка С, требующие одного порядка слов в прямом вопросе (*What does he think?* Что он думает?), а другого в косвенном вопросе (...*what he thinks...* что он думает), легко приводят к ошибкам у носителей более простых в этом отношении языков S, типа русского (**What he thinks? *I know what does he think*). В португальском языке С североамериканских иммигрантов встречаются такие образования, как *Portugucs Recreative Club*, по образцу *Portuguese Recreative Club* в английском языке S.

4.3. Нетрудно привести примеры и на интерференцию, связанную с различиями в правилах согласования. Во французском языке прилагательное в предикативной функции согласуется с подлежащим в роде (*Le X est blanc; La Y est blanche*). В немецком хотя вообще имеется согласование в роде прилагательного с существительным, но это не касается прилагательного в предикативной функции. Отсюда вероятность утраты согласования (*La Y est blanc*) у двуязычных носителей немецкого языка S и французского С. Аналогичное соотношение имеет место между устным и письменным французским языком, создавая известные орфографические трудности даже для грамотных французов: (*est*) *venu* vs. (*sont*) *venus* при инварианте [vny]. Другой пример: в иврите согласование в роде между сказуемым и подлежащим во втором лице знакомо двуязычным носителям славянских языков S, но часто вызывает интерференцию в речи на иврите (С) у двуязычных израильтян, родные языки S которых не различают родов в местоимении второго лица.

4.4. Неудачи в проведении различий между грамматическими категориями языка С, имеющими смысловое значение, очень часто наблюдаются в ситуациях языкового контакта. Так, противопоставление датива и аккузатива в немецком языке хотя отчасти и совпадает с противопоставлением *la/lui* во французском, однако не имеет параллели во французском языке при различии движения в каком-либо месте и движения в направлении к этому месту (*in der Stadt* «в городе», *in die Stadt* «в город»). У двуязычных носителей французского языка S это легко приводит к ошибкам в немецком С. Аналогичным образом различия между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными и системами определенных и неопределенных артиклей для каждого из этих классов (фр. *le/du, le/un*, англ. *the/some the/an*) представляют необычайные трудности для носителей таких языков S (типа русского), в которых нет ничего подобного; и даже когда такие системы в общих чертах уже изучены, многочисленные частные случаи, в которых происходит «идиома-

тичное» опускание или выбор особых артиклей, служат неисчерпаемым источником интерференции.

4.5. Иногда наблюдается и обратное явление, когда определяемая сугубо формально категория языка С «семантизируется» по образцу языка S. Так, в английском языке противопоставление настоящего и будущего времени нейтрализуется в одном из типов условного придаточного, причем настоящее время выступает в роли общего непрошедшего времени. Однако носитель русского языка S будет склонен употреблять будущее время именно в условных придаточных, относящихся к будущему: *if he will ask me*, вместо нормального *if he asks me* «если он меня спросит».

4.6. Нередко бывает и так, что специфические правила языка S применяются к цепочкам языка С, хотя они находятся в противоречии с его грамматикой. В языке польских иммигрантов в США, например, мы встречаем словосложение английского типа (напр., *the x is [like] a y* □ *the y x: the man is [like] a bird* □ *the bird man*), применяемое к материалу польского языка С (*ptak człowiek*), хотя обычная польская модель, так же как и французская и русская, иная: *xу* (*człowiek-ptak* «человек-птица»). Английская формула неограниченного наращивания именной группы путем присоединения определяющих существительных без какой-либо иерархии в ударениях (*the w x y z*; напр., *The State Cancer Research Institute Bulletin*) также ведет к появлению недопустимых конструкций в речи двуязычных носителей, для которых языком С является даже тот или иной германский язык, скажем немецкий или идиш, где каждое вновь нанизываемое существительное получает более сильное ударение по сравнению с предыдущим.

4.7. Автоматический выбор алломорфов легко оказывается жертвой интерференции вследствие слабого владения языковыми нормами, носящими характер немотивированных особенностей данного языка. Так, необычное чередование вариантов английской морфемы *say* «говорить» /*sej/* и /*se/*, из которых последний выступает в позиции перед суффиксом *-s*, дает у двуязычных носителей, недостаточно хорошо овладевших этим правилом, ошибочную форму /*sejz/* *says* «говорит» независимо от того, каков их родной язык. При контакте языков, характеризующихся значительным сходством, восходящим к генетическому родству или связанным с обширными заимствованиями, двуязычные носители — уже по другой причине — часто делают ошибки в выборе алломорфов, не учитывая различий в их распределении. Возьмем носителя немецкого языка S, привыкшего к образованию причастий прошедшего времени от слабого глагола *weben* — *gewebt* «ткать» и от сильного глагола *sterben* — *gestorben* «умирать», сталкивающегося с совершенно отличными английскими (С) моделями: *weave* — *woven* «ткать», но *starve* — *starved* «голодать, умирать от голода». Известны даже примеры создания новых вариантов морфем языка С, которые потребовались для того, чтобы соблюсти правила распределения, действующие в языке S. В некоторых разновидностях ретороманского, например, зафиксированы случаи, когда двуязычные носители употребляли форму *inan* как вариант для *ina* в значении

неопределенного артикля женского рода в позиции перед гласным» — по образцу аемаинского чередования a/an.

4.8. Когда двуязычный носитель отождествляет на некотором семантическом основании слово языка S со словом языка C, он склонен распространять на слово языка C синтаксические «права и обязанности» слова языка S, к которому он его приравнял, часто в нарушение норм языка C. Так английские слова say и tell оба приблизительно соответствуют французскому dire, но tell обязательно требует косвенного дополнения, тогда как say может принимать косвенное дополнение лишь при посредстве предлога:

I (old him how to do it «Я сказал ему, как это сделать»

I said hello (to him) «Я сказал (ему) «привет».

Французам, говорящим по-английски, очень трудно избегать употребления таких недопустимых конструкций, как

*I said him how to do it или * I told hello- Английский глагол enjoy «пользоваться, наслаждаться чём-л.» требует прямого дополнения или возвратного местоимения: to enjoy oneself букв. «наслаждаться себя». Менее категоричные синтаксические требования, скажем, у соответствующего глагола в идиш пахос hobn (fun..) «получать удовольствие (от...)» приводят к тому, что, говоря по-английски, носители идиш употребляют глагол enjoy в непереходной конструкции:

*Did you enjoy? (вм. Did you enjoy yourself? «Получили ли вы удовольствие?»).

4.9. Результаты воздействия одной грамматической системы на другую можно, аналогично тому, как мы это делали с фонетической интерференцией, рассматривать и в «макроскопическом» плане — на материале грамматических инновации, связанных со взаимодействием языков. Опять-таки не всегда может быть ясно, какой из языков послужил источником, а какой адресатом этого нововведения, но, по-видимому, общие грамматические инновации в соседних языках имеют единые «доисторические» корни. Балканский полуостров является хорошо известным примером области грамматической конвергенции языков. Тот факт, например, что и в румынском, и в болгарском, а в албанском развился постпозитивный определенный артикль, не может быть объяснен их индоевропейским родством, так как каждый из них является единственным языком в своей подгруппе, имеющим эту черту. Грамматические инновации могут быть связаны как с отмиранием старых категорий, так и с появлением новых противопоставлений. Так, в вышеперечисленных балканских языках, а также в греческом древний инфинитив исчез, и в каждом из этих языков различаются теперь по два союза типа «что/чтобы», вводящих придаточные предложения с личными формами глагола вместо прежних конструкций с инфинитивом. Рассматривать возникновение новых прошедших времен, образуемых глаголом «иметь» плюс причастие прошедшего времени, в греческом, романских и германских языках как простую серию совпадений значило бы злоупотреблять собственной доверчивостью; точно так же, по-видимому, имеет смысл видеть историческую связь между отмиранием простого претерита в разговорном французском и в

южнонемецком (*alla, ging*). Распространение сложного прошедшего времени, образуемого с помощью глагола «иметь», происходящее посредством грамматического калькирования и не останавливающееся на европейских языковых границах, не прекратилось до сих пор. Бретонский копирует эти конструкции с французского, силезск не диалекты польского языка — с немецкого, а македонский — с албанского. Идиш, утратив контакт с немецкими образцами и, возможно, вдохновляемый новыми контактами со славянскими языками, отказался от правил особого порядка слов в придаточных предложениях и от большей части противопоставлений сильного и слабого склонений прилагательных; с другой стороны, он перенял у славянских языков двухступенчатую систему уменьшительных и общую схему глагольных видов, хотя для выражения этих новых категорий используются «родные» германские морфемы.

4.10. Одной из острых проблем, связанных с грамматическими последствиями языковых контактов, является переход аффиксальных морфем из одного языка в другой. Действительно, в английском языке есть продуктивный уменьшительный суффикс *-ette* (напр., *kitchenette* «кухонька», *roomette* «один из типов купе» и т. п.) французского происхождения. Но лучшим объяснением существования заимствованных словообразовательных морфем является тот факт, что они стали продуктивными в заимствовавшем их языке благодаря появлению в нем таких пар слов, где одно из них содержало такую морфему, а другое — нет. Из таких пар заимствований, как *cigar* — *cigarette*, *statue* — *statuette*, суффикс *-ette* мог быть извлечен и получил статус продуктивного английского суффикса. Словообразовательные элементы с экспрессивным значением часто используются подобным образом. С другой стороны, явления переноса настоящих словоизменительных морфем крайне редки. В тех случаях, когда они действительно имеют место, они, по-видимому, предполагают огромное предварительное сходство между синтаксическими системами, например такое, которое характерно для близких диалектов одного и того же языка.

4.11. Помимо конкретных проявлений воздействия одного языка на другой, законный интерес представляет также вопрос о том, может ли контакт сказаться на общем грамматическом складе языка. Пока что, к сожалению, по этому вопросу не собрано достаточно убедительных данных. Конечно, соблазнительно было бы взглянуть на тенденцию многочисленных индоевропейских языков к аналитичности как на единый исторический процесс, в котором участвовали и некоторые неиндоевропейские языки; однако мы не располагаем достаточным количеством контрольного материала, необходимого для выводов такого рода. Но, пожалуй, можно с большой степенью уверенности утверждать, что быстро развивающееся двуязычие как таковое, независимо от склада участвующих в нем языков, ведет к росту аналитичности в том случае, если условия способствуют поддержанию интерференции. Можно показать, что, например, креольские языки (см. § 6.2) часто более аналитичны, чем их «предки».

5. Лексическая интерференция

5.1. Словарь любого языка постоянно находится в текучем состоянии, одни слова выходят из употребления, другие, наоборот, пускаются в оборот. Слова с низкой частотой, возможно, просто недостаточно прочно удерживаются в памяти, чтобы устойчиво функционировать. Регулярные фонологические и грамматические изменения могут приводить к возникновению неудобных или обременительных омонимичных пар, один из членов которых должен быть заменен каким-либо другим словом. В некоторых семантических сферах имеется общая потребность в синонимах, в особенности когда речь идет об экспрессивной лексике, призванной заменить слова, утратившие свою экспрессивность. В обществах с высоким уровнем социальной подвижности, где исчезли социальные диалекты как таковые, особый аристократический лексикон может служить паролем общественной элиты, но он обречен на постоянную изменчивость вследствие подражания со стороны жаждущей возвышения массы. Часть этого спроса на обновление словаря может удовлетворяться неологизмами внутреннего происхождения. Но особенно богатый и свежий материал может быть почерпнут из иностранных языков. Ввиду легкости распространения лексических единиц (по сравнению с фонологическими и грамматическими правилами) для заимствования слов достаточно минимального контакта между языками. При массовом двуязычии лексическое влияние одного языка на другой может достигать огромных размеров.

При определенных социо-культурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций.

Лексические заимствования можно исследовать с точки зрения приведшего к ним механизма интерференции и с точки зрения фонологического, грамматического, семантического и стилистического вращивания новых слов в заимствующий язык. Рассмотрим сначала вопрос о механизме интерференции.

5.2. Представим себе двуязычного носителя языков S и C, отождествляющего слово S₁ языка S с некоторым словом C₁ языка C. Затем слово S₂ со словом C₂ и т. д. Но вот для простого слова S₁ и для сложного слова (S₁; -f-SB) он не находит подходящих эквивалентов в языке C. Пожадуй, основополагающим условием для лексической интерференции и является подобное ощущение лексического «дефицита» (lexical "Gap").

Вопрос о лексических заимствованиях следует рассмотреть прежде всего с точки зрения морфологической структуры того материала, который используется для покрытия этого лексического дефицита. Когда слово bargain «делка» английского языка S перенимается луизианским французским в форме bargainc или когда слово языка могавак, означающее «металл», расширяет свое значение и включает также значение «деньги», для того чтобы удовлетворить обнаруживаемую двуязычными носителями английского S и могавака C потребность в слове money «деньги», то в этих случаях мы имеем дело с заимствованиями (в широком смысле), которые являются одноморфемными как в языке S, так и в языке C. Наоборот, когда американский испанский C заполняет пробелы, обнаруживающиеся в нем на фоне английско-

го S, например New Deal «Новый курс (Рузвельта)» или conscientious objectors, такими выражениями, как Nuevo Trato и objectores concientes, то мы имеем дело со словами многоморфемными как в S, так и в C. Но сохранение подобного изоморфизма необязательно. При заимствовании во французском языке русского слова спутник форма, состоящая в языке S из трех морфем, вводится в язык C как морфологически простая единица. Возможно и обратное: англ. pencil /pensai/ «карандаш» переразлагается в американском идише и истолковывается как двухморфемное квазиуменьшительное на -1 (на что указывает и его принадлежность в идише к среднему роду, куда относятся уменьшительные, но не попадают другие заимствования). Заполнение лексических «белых пятен», обнаруживаемых в языке команчей (C) с точки зрения английского (S) — напр, battery «аккумулятор», передаваемое выражением, означающим «ящик с молниями», — или отсутствие в американском итальянском английского (S) слова bulldog «бульдог», передаваемого как cana-buldogga, — также примеры лексических заимствований, имеющих в языке C более сложное строение, чем в языке S.

5.3. Особый вопрос, связанный с заимствованиями, которые являются сложными как в языке S, так и в языке C, касается того, одинаково ли их грамматическое строение в обоих языках. В немецком языке слово Wolkenkratzer «небоскреб», созданное по образцу англ. sky-scraper, построено по той же самой схеме образования имен деятеля — из словосочетаний глагол плюс дополнение; во фр. gratte-ciel, напротив, мы видим идиоматичное применение соответствующей французской словообразовательной модели, формальное строение которой совершенно иное. Иногда, впрочем, мы находим механическую имитацию сложных форм, которые с точки зрения языка C могут рассматриваться лишь как бессмысленные или даже противоречащие здравому смыслу построения. Это часто бывает, когда английские сложные существительные переносятся в языки, не имеющие аналогичных моделей словосложения, напр., science-fiction (— беллетристика, являющаяся наукой), «научная фантастика», service station (^станция для обслуживания) «станция обслуживания» в современном французском.

5.4. Следующая проблема, связанная с лексическими заимствованиями, — это вопрос о том, заполняется ли брешь, связанная с отсутствием данного слова в языке C, перенесением этого слова из языка S в язык C или подысканием на эту роль какого-нибудь из слов языка C, что приблизительно соответствует классическому делению на заимствованные слова и «заимствованные переводы» — кальки. Слово «металл» > «деньги» из языка могавак, «ящик с молниями» из языка команчей, ам.-исп. Nuevo Trato, нем. Wolkenkratzer, фр. gratte-ciel — все это примеры подстановки вместо слов языка S подходящих форм из языка C; в случае же лунзианского французского barguine, ам.-исп. objectores concientes, фр. sputnik, ам.-идиш pensl мы имеем дело с перенесением форм языка S в язык C. При многоморфемных заимствованиях возможно сочетание обоих способов, гр. пенс.-нем. Drohlfens, построенное по образцу англ. wire fence «проволочный забор». В ам.-ит. cana-buldogga мы имеем любопытный случай одновременного перенесения англ.

лийской формы и ее присоединения к выбранной в качестве эквивалента форме языка С.

5.5. Рассмотрим различные семантические типы механизма подстановки. При расширении значения слова «металл» в языке могавк, которое включило также и смысл «деньги», имел место новый акт обозначения (designation). С другой стороны, при расширении значения слов англ, nucleus, нем. Kern, рус. ядро и т. п., включившего также и атомные ядра, лини, повторился тот же самый тип называния. Часто случается, в особенности при контактах между генетически или культурно близкими языками, что форма, перенесенная из языка S, оказывается сходной с родственной ей формой, уже существовавшей в языке С-с другим значением, напр. англ, introduce «знакомить» ->- канад.-фр. introduire «вводить» + «знакомить», англ, library «библиотека» -*• ам.-порт, livraria «книжная лавка» -J- «библиотека», англ, engine «локомотив»-* ам.-порт, engenho «наивность» + «локомотив». Во многих подобных случаях бывает трудно определить, где здесь перенесение, а где подстановка.

5,6. Тогда как возможности расширения словаря путем подстановки, по видимому, неограниченны, расширение словаря путем перенесения иностранных слов, как неоднократно отмечалось, наталкивается на определенное сопротивление в некоторых языках или в некоторых сферах языка. Хорошо известно, что, например, венгерский, финский и исландский языки шли в развитии своего словаря в направлении «европейского стандарта» почти исключительно по пути подстановок. В пределах одной языковой семьи мы имеем чешский, обычно прибегавший к подстановке, и русский, охотно пользовавшийся перенесением (ср. clivadlo — театр, odstavec—абзац, básnik—поэт, sloh—стиль). В период своего развития израильский иврит часто прибегал к «временным» перенесениям, которые затем постепенно заменялись подстановочными формами (kultura — tarbut, politika — mediniut). В любом списке перенесений одни части речи представлены более широко, чем другие. Поэтому современная лингвистика вполне естественно заинтересовалась вопросом, не определяется ли выбор механизма лексической интерференции, хотя бы в некоторых случаях, факторами грамматического порядка и, в частности, не предопределяет ли сама структура языка при некоторых условиях его сопротивление перенесениям.

На этот вопрос нет простого ответа. В большинстве случаев решительное сопротивление перенесению лексических единиц, конечно, обусловлено соображениями социо-культурного, а не грамматического порядка. Неслучайно предпочтение подстановки оказалось столь сильным в чешском и венгерском языках, где перенесение было бы истолковано в народе как онемечивание, что в тот период было несовместимо с национальными чаяниями этих народов. В странах, где вопрос о выборе путей к лексической европеизации языка стоит на повестке дня, на поверхность так или иначе выносятся всякие неанглийские особенности в звуковой оболочке заимствований, скажем, из языков американских индейцев.

Очевидно, что широкое перенесение иностранной лексики, не сопровождающееся ее полным фонологическим усвоением, ведет к появлению в язы-

ке новых законов рас-пределения звуков и даже новых фонем. Так возникло, например, фонологическое противопоставление *f* и *v*, *s* и *g*, гнав английском, *g* и *k* б чешском и т. д.

5.9. С грамматической точки зрения лексическое заимствование также подлежит ассимиляции и рамках системы языка *C*. На одном краю шкалы располагаются слова, сохраняющие в языке *C* неизменяемость, присущую им в языке *S*, и не подчиняющиеся синтаксическим требованиям языка *C*; так, например, была судьба французского слова *paletot* > пальто в литературном русском языке, где оно не изменяется ни по числам, ни по падежам, хотя в русском языке и имеется полноценное склонение слов на *-o*. Другую крайность представляет сохранение в языке *C* словоизменения, характерного для языка *S*: так, одно время в литературном немецком было принято склонять латинские существительные по-латински (*das Verbum, mit dem Verbo, unter den Verbis*). Обе эти крайности, по-видимому, являются следствием вмешательства представителей нормативной грамматики и связаны с культурной атмосферой, чуткой к вопросам языкового престижа. Гораздо более обычным является компромиссное допущение заимствованных слов в открытые грамматические классы языка *C* с включением их в словоизменительные парадигмы наравне со словами этого языка. Так, в американском литовском к англ. *bum* *fbommis*) «бум», *boss* (*bossis*) «босс», *dress* (*drèsè*) «платье» добавляются окончания существительных, а к англ. *funny* (*fùniskas*) «забавный», *dirty* (*dùrtunas*) «грязный» — окончания прилагательных и т. п. Часто, если в грамматике языка *C* есть ряд параллельных, семантически немотивированных категорий, то заимствованная лексика преимущественно поступает в какую-нибудь одну из них. Так, в США в каждом из языков иммигрантов один из родов существительных выступает в роли открытого класса, принимающего существительные, заимствуемые из английского языка: в немецком это женский род, а в норвежском, литовском и португальском — мужской. Из нескольких португальских спряжений подавляющее большинство глаголов, заимствованных из английского языка, попадает в спряжение на *-av*.

5.10. Сточки зрения семантики и стилистики заимствованиям лексика может сначала оказаться в положении свободного варьирования со старым словарным запасом, но в дальнейшем, если и родное и заимствованное слово выжи-пают, обычно происходит специализация значений. При соответствующих социо-культурных условиях заимствованные слова могут приобретать характер изысканных выражений или, наоборот, характер грубых выражений вульгарной речи. Хорошо известна двойная судьба латинских слов как элемента научной лексики и одновременно студенческого жаргона европейских языков. Аналогичную двойную стилистическую роль удалось установить и для нврито-арамейских элементов в языке идиш. В период между двумя войнами немецкие заимствования в чешском и чешские заимствования в языке судетских немцев приобрели отрицательные коннотации вследствие взаимоотношении, установившихся в тот период между двумя национальными группами.

6. Интерференция, языковой сдвиг и возникновение новых языков

6.1. Если языковой сдвиг определяется как переход от регулярного пользования одним языком к пользованию другим, то возникает вопрос, может ли интерференция достигнуть такой силы, чтобы оказаться фактически равнозначной переходу на новый язык.

Другими словами, может ли речь двуязычного носителя на языке С постепенно подпасть под столь сильное влияние языка S, чтобы стать неотличимой от речи на языке S? В большинстве описаний ситуаций языкового контакта, находимых в литературе, делается допущение, что мы всегда располагаем критериями, которые позволяют нам отнести высказывание — скажем, предложение—двуязычного носителя к грамматической системе одного из двух известных языков, как бы ни была сильна фонологическая, лексическая или грамматическая интерференция со стороны системы другого языка в данном предложении. Если это верно, то переключение с одного языка на другой всегда может быть зафиксировано на границах предложений, а постепенный языковой сдвиг может быть определен как переход от постоянного пользования языком С через все более частое переключение с С на S к окончательному преобладанию языка S. Но в некоторых ситуациях языкового контакта, как кажется, двуязычные носители приходят в такое состояние, когда уже и целое предложение (а иногда и словосочетание) нельзя отнести с грамматической точки зрения к тому или иному из языков. В таких случаях разница между грамматической интерференцией и переключением становится неопределенной: различие между языками снимается. При этих условиях можно говорить об интерференции как об источнике постепенного языкового сдвига.

6.2. Разновидности языковой системы, являющиеся плодом значительного влияния других языков, могут оказаться преходящим явлением или остаться на периферии языковой жизни одноязычного коллектива. Но при благоприятных социо-культурных условиях эти разновидности могут превратиться в совершенно самостоятельные новые языки. Такова, например, история той ветви французского языка, которая, испытав сильнейшее влияние африканских языков, превратилась в современный карибский креольский в нескольких его разновидностях. При сходных обстоятельствах возникли креольские языки и языки пиджин и в других районах мира. В Индии разновидности языка хиндустани, оказавшись одна под персидским, а другая под санскритским слиянием, разошлись в разные стороны и превратились в урду и хинди. В юго-восточной Азии силы, тянущие в противоположные стороны малайский язык в Индонезии и малайский язык в Малайе, уже привели к различиям в письме и лексике и в будущем могут привести к полному разделению этого языка на два. Но когда изменившаяся под иностранным влиянием разновидность языка становится самостоятельным языком? От нового языка мы требуем по крайней мере заметных формальных отличий от обоих его «родителей» и известной формальной определенности, которая должна последовать за первоначальными колебаниями и вариациями. Ряд критериев связан с функционированием и статусом этого языка. Если некоторая гибридная разновидность языка используется в роли своего рода импровизиро-

ванного рабочего жаргона, то это, пожалуй, еще не дает ей права называться самостоятельным языком. От языка мы ожидаем, что он возьмет на себя и более существенные функции, например роль средства общения между матерью и ребенком или орудия официально» речи. Мнение самих носителей о статусе их языка, конечно, является дополнительным критерием с точки зрения социальной психологии языка. Лингвистика, будучи неспособной разрешить все эти проблемы самостоятельно, вынуждена считать понятие языка уже определенным и переходить прямо к его дескриптивному и историческому описанию.

7. Двухязычный носитель как личность

7.1. Речевое поведение разных двухязычных носителей очень различно. Как уже отмечалось в §1, некоторые из них овладевают несколькими иностранными языками так же хорошо, как своим родным, и интерференция у них оказывается незначительной. Другие владеют вторым языком значительно слабее, чем родным, и в их речи постоянно наблюдается сильная интерференция. Одни легко переключаются с одного языка на другой в зависимости от ситуации, другие делают это с большим трудом. Один и тот же человек может повести себя совершенно по-разному в разных ситуациях двухязычия, его поведение может меняться с течением времени, или он может с рождения быть предрасположен к определенной форме языкового поведения. Все эти переменные величины должны быть тщательно изучены специалистами по психологии языка.

7.2. Много еще неизвестного в вопросе о различиях во врожденной способности к изучению иностранного языка и о ее связи с владением родным языком. Каждый учитель иностранного языка знает, что одни ученики гораздо более успешно изучают иностранные языки, чем другие, но вот попытки предсказывать подобные успехи на основании тестов — исключая, разумеется, наблюдение за самим процессом обучения — пока что находятся в самой начальной стадии. Часто выдвигаемое утверждение, что раннее двухязычие повышает способность к изучению иностранных языков, также все еще ждет научной проверки. Неясно также, связана ли способность к переключению с языка на язык по мере надобности — или противоположная ей склонность к чрезмерному переключению — с некоторой врожденной предрасположенностью или это исключительно результат тренировки. Выдвинутое рядом невропатологов предположение, что есть особый участок мозга, ведающий переключением языков, по-разному развивающийся у здоровых людей к подверженный расстройствам при повреждениях мозга, пока что следует рассматривать с изрядной дозой скептицизма.

7.3. Несколько больше ясности (по сравнению с вопросом о роли врожденных факторов) в вопросе о влиянии на языковое поведение двухязычных носителей условий, в которых они изучают эти языки. Здесь нас интересуют такие понятия, как родной язык, первый язык и основной, или доминирующий, язык. Очевидно, что представление, согласно которому человек в совершенстве владеет своим «родным языком», затем выучивает другие языки, причем интерференция со стороны родного языка влияет на его речь на этих

новых языках, такое представление — плод чрезмерного упрощения. Потому что, если определить «родной язык» как язык, усваиваемый первым, то ясно, что он сам может оказаться объектом интерференции со стороны языков, которые усваиваются после него. Определить, какой из двух языков у данного двуязычного носителя является основным, доминирующим и какой из них является главным источником интерференции (если вообще один из них является главным, а другой второстепенным в этом отношении), — это две отдельные задачи. Наша теория должна быть достаточно гибкой, чтобы учитывать, что в речи двуязычного носителя интерференция может происходить в обоих направлениях. Имеет смысл выработать чисто психологические критерии определения того, какой язык является основным для данного носителя, и затем соотнести таким образом определенное «доминирование» с его возможными языковыми последствиями.

7.4. Психологическое доминирование одного языка над другим может быть установлено с помощью тестов разной степени сложности. Можно, например, задать вопрос о том, какой из двух языков оказывается более удобным средством для передачи распоряжений, которые должны быть быстро и точно выполнены. Возможна даже такая постановка вопроса: на каком языке двуязычный носитель «думает»; для этого надо проверить, на каком языке он охотнее выдает ассоциации на стимулы, предъявляемые ему вразбивку на обоих языках. С другой стороны, можно держаться того мнения, что «доминирование» языка представляет собой сложную комбинацию факторов примерно следующего типа.

По сравнительному совершенству владения языком: доминирующим является тот язык, которым носитель на данном отрезке своей жизни лучше владеет.

По способу использования: зрительные реакции настолько важны для подкрепления устного пользования языком, что для двуязычного носителя, который владеет грамотой лишь на одном из языков, этот язык и будет основным, независимо от соотношения в уровне устного владения этими языками.

По порядку изучения и возрасту: обычно считается, что язык, которым овладевают в первую очередь, уже по одному этому является «доминирующим». Однако следует внести в это положение некоторые поправки, так как, например, при эмиграции первый язык может вытесняться из памяти двуязычных носителей вследствие постоянной интенсивной практики в употреблении исключительно второго языка. С другой стороны, эмоциональные установки по отношению к первому языку редко полностью переносятся на другие языки. Среди вторых языков язык, усвоенный в детстве и закрепленный практикой, имеет больше шансов на почетное положение в сознании двуязычного носителя по сравнению с языком, выученным в более поздние годы.

По роли в общении: хотя двуязычный носитель может одинаково хорошо владеть обоими языками, может оказаться, что ему чаще приходится прибегать к одному, а не к другому из них. Более частое употребление языка

может при прочих равных условиях возвести его в ранг «доминирующего» языка.

По роли в общественном продвижении говорящего: при определенных социальных условиях владение тем или иным языком становится важным не только с точки зрения нужд обучения, но и для продвижения человека по общественной лестнице. При этих условиях он будет стремиться не просто выучить соответствующий язык, но и выучить его хорошо, то есть по возможности преодолеть потенциальную интерференцию. Таков еще один источник «доминирования языка».

7.5. Помимо многочисленных аспектов, в которых доминирование данного языка может проявляться у данного носителя в данный отрезок его жизни, существуют различные изменчивые обстоятельства конкретных ситуаций речевого общения, которые могут отражаться на поведении двуязычного носителя. Например, если его собеседник владеет только одним языком, то двуязычному носителю приходится подавлять большую часть потенциальной интерференции и отказываться от свободы переключения с языка на язык, тогда как, имея дело с двуязычным собеседником, он может свободнее поддаться тенденции к интерференции и переключению. Сильнейшее влияние английского языка на языки иммигрантов в США может быть понято в свете того факта, что целые коллективы становились двуязычными и что не оставалось практически никакого неанглийского одноязычия, необходимого для сопротивления английскому влиянию. У двуязычных носителей есть также тенденция к разграничению тем и собеседников, за которыми закрепляется тот или иной из двух языков. Такой двуязычный носитель может свободно говорить на каждом из языков в соответствующих условиях, но всякое насильственное смещение в этом отношении может привести к значительной интерференции; наконец, масштабы и характер интерференции могут меняться в зависимости от степени утомления и от эмоционального состояния говорящего. Преодоление интерференции требует усилий, которые не всегда и с легкостью могут быть затрачены.

7.6. Лингвисты могут с удовлетворением заметить, что психологи в последнее время уделяют все больше внимания двуязычию, которое является важным источником данных о психологии языка в целом. В частности, много работ было посвящено проблеме различия между двумя типами двуязычия, соответствующими двум типам, выделяемым с лингвистической точки зрения (см. выше § 1.4.). Различные тесты показали, что одни двуязычные носители склонны обращаться с обоими языками как с тесно связанными частями единой знаковой системы, а другие скорее располагают двумя соотнесенными, но отдельными системами.

Эти различия проявляются, например, в различной степени независимости семантических значимостей примерно одинаковых выражений этих языков. Делались попытки выявить типичные условия, при которых развивается каждый из этих типов двуязычия. Роль предвзятого отношения к тем или иным языкам была продемонстрирована с помощью теста, в ходе которого канадцы положительно отзывались о некоторых лицах, прослушав записи их

английской речи, а затем отрицательно, прослушав их записи на французском языке, не зная, что это были одни и те же люди. Любопытно, что такая реакция на французский язык имела место как у англоговорящих, так и у франкоговорящих канадцев.

8. Социо-культурные условия языкового контакта

8.1. Изучение языкового поведения двуязычного носителя в связи между его биографией и его речью на обоих языках вовсе не должно ограничиваться каждый раз одним человеком. Когда контакт между языками происходит в масштабе целой группы людей, особенно если это достаточно большая группа, то индивидуальные особенности языкового поведения отдельных носителей взаимно уничтожаются и проступают социально обусловленные языковые навыки и процессы, характерные для группы в целом. Многие факторы, дающие языку статус «доминирующего» — его важная роль в общении, его значение для социального продвижения и т. д., — навязываются человеку окружающей средой. Поэтому соотношение между языками часто оказывается одинаковым для многих носителей, участвующих в данной ситуации контакта.

Даже порядок, в котором языки изучаются, возраст, в котором они усваиваются, и степень грамотности в каждом из языков часто определяются обществом, а не самим носителем. Более того, окружающая среда может закреплять даже за каждым языком определенные темы и типы собеседников единым для всей группы образом. В одних обществах двуязычие находится под подозрением, в других окружено уважением. В одних обществах переключение с языка на язык допускается, в других — осуждается. Интерференция может разрешаться в одном языке и презираться в другом. Двуязычный носитель стремится придерживаться норм той группы, к которой он принадлежит.

8.2. Очень важный аспект проблемы связан с функциями языка в многоязычном коллективе. Одни функции явно оказывают более консервативное воздействие на языковые нормы, чем другие. Значительна роль консервативных факторов, например, в языке как инструменте образования. Там, где школа оказывается в состоянии служить передатчиком сильной и яркой литературной традиции, там молодому поколению с успехом прививается бдительность к интерференции. В повседневной речи, стремящейся лишь к понятности, тщательностью произношения пренебрегают; здесь интерференция получает простор и легко входит в привычку. Отлучение языка от функций, придающих ему престиж, например от роли государственного языка, часто снижает его авторитет и уменьшает сопротивление интерференции, способствуя закреплению нововведений, вносимых двуязычными носителями.

8.3. Конечно, «коллектив» слишком крупная единица для нашего рассмотрения. Удобнее рассматривать двуязычный коллектив как состоящий из двух групп, имеющих каждая свой родной язык (two mother-tongue groups — MTG). Каждая MTG включает всех тех членов коллектива, которые усвоили данный язык в качестве своего родного языка. Правда, в эту схему не укладываются случаи, когда весь двуязычный коллектив усваивает оба языка в

одно и то же время, в детстве, или когда в двуязычном коллективе один из языков ни для кого не является родным. (Это бывает при таком двуязычии, когда один из языков является лишь традиционным языком литературы, богослужения и т. п., но не служит средством общения матери с ребенком.) Рассматривая двуязычный коллектив как состоящий из двух МТГ, мы можем определить роль каждого языка для каждой из МТГ. Мы можем сравнить размеры этих групп и увидеть, на какую из групп приходится основное бремя языкового общения. Если в некотором коллективе есть две МТГ, по 50% жителей в каждой, то следует ожидать, что равные части каждой группы выучат язык другой группы; можно будет сказать, что бремя двуязычия распределено равномерно. Однако если окажется, что в одной МТГ 60% двуязычных носителей, а в другой только 10%, то это является статистическим выражением более привилегированного положения второго языка в данной ситуации языкового контакта.

8.4. Очень поучительно сравнить деление коллектива на МТГ с прочими видами его деления на подгруппы. Одним из возможных коррелятов деления на МТГ является географическое деление: распространены такие ситуации контакта языков, когда каждая МТГ занимает достаточно четко очерченную территорию. Таково, например, положение в двуязычном Оренбурге в Швейцарии в противоположность двуязычному же Билю. Связь может иметься также между делением на МТГ и делением жителей на исконных и пришлых, иммигрантов. Если одна из МТГ является менее исконной, чем другая, то ее язык может оказаться более подверженным интерференции, не только потому что на новом месте жительства могут обнаружиться и стать более заметными «белые пятна» в языке иммигрантов (см. § 5.2), но и потому, что социальный статус этого языка может быть более низким, чем у языка местных жителей. Так как во многих иммигрантских группах очень велик процент женщин, то вытекающие отсюда смешанные браки также могут вести к нарушению непрерывной языковой традиции в этих МТГ. Часто различия между МТГ оказываются связанными с различиями в обычаях и других неязыковых сферах культуры. Но это не обязательно: в Швейцарии, например, неязыковые культурные различия между французской и немецкой или немецкой и ретороманской *МТГ во многих местах почти незаметны. Различия в религии, параллельные различиям в принадлежности к МТГ, могут иметь важные косвенные языковые последствия, связанные с тем, что редкость смешанных браков может привести к тому, что большинство семей окажется одноязычными, так что у детей первые языковые впечатления будут складываться в условиях одноязычной среды. Там же, где к делению на МТГ не присоединяются религиозные различия, детское двуязычие, являющееся следствием смешанных браков, может повести к ослаблению специфических норм обоих языков. Утверждение, что одна из двух МТГ данного коллектива в среднем старше другой, есть не что иное, как синхроническая формулировка того факта, что в этом коллективе происходит языковой сдвиг. Различия в общественном положении — например, проживание в деревне или в городе, принадлежность к классу, касте, — если они регулярно соотно-

ются с различиями в принадлежности к МТГ, также могут вести к различиям в склонности к закреплению интерференции в находящихся в контакте языках.

8.5. Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национальному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в «отстаивании». В ответ на угрожающий языку сдвиг это чувство верности языку приводит в действие силы, направленные на сохранение языка, оказавшегося под угрозой; в ответ на интерференцию оно превращает стандартизованный вариант языка в символ веры и святыню. Идеал стандартизованного языка и окружающий его эмоциональный ореол являются неотъемлемой частью западной цивилизации и оказались необычайно заразительными — странный анахронизм! — для азиатских и африканских стран, недавно освободившихся от колониализма. Но вряд ли стоит сомневаться, что именно в ситуациях языкового контакта люди лучше всего осознают отличительные особенности своего языка по сравнению с другими и именно в этих ситуациях чистый или стандартизованный язык легче всего становится символом единства группы. Следующая за этим мобилизация чувства языкового патриотизма может успешно противодействовать «естественному» распространению интерференции в двуязычных ситуациях. В § 5.6. мы уже говорили о стремлении избегать перенесения как средства обогащения словарного запаса во многих языках, где естественные источники заимствования были связаны с нежелательными ассоциациями. В истории индонезийского или израильского национализма усиленное культивирование одного языка, являющегося родным для МТГ, составляющей меньшинство или вообще равной нулю, было реакцией на угрожавшую перспективу многоязычного хаоса. Процесс освобождения от немецкого влияния в чешском или от славянского влияния в румынском был результатом сознательного вмешательства в процесс языкового развития и имел целью противодействовать влиянию контакта; благодаря значительному языковому патриотизму, который удалось мобилизовать, он оказался вполне успешным.

8.6. Языковой сдвиг мы определили в § 2.1. как прекращение употребления одного языка и переход на новый язык. Процесс перехода с одного языка на другой может иметь следующие интересные аспекты. Он может произойти в сфере только некоторых коммуникативных функций языка, и с точки зрения социологии языка важно выявить иерархию функций языка, определяющую возможность распространения сдвига из одних сфер языковой жизни (ср. общение родителей с детьми) на другие сферы. Успешная мобилизация чувства языкового патриотизма на борьбу с уже начавшимся языковым сдвигом, приводящая к длительному периоду двуязычия, обычно с разграничением функций каждого из языков, опровергла уже не одно предсказание о близкой смерти того или иного языка.

В большинстве случаев способность двуязычной МТГ к сохранению своего языка перед лицом угрожающего ему сдвига не зависит от структуры

этого языка. Если к языку вообще применима формула «выживает сильнейший», то «сильнейший» может означать только «большой», учитывая, что сам механизм общения в индустриализованном мире ставит меньшие МТГ в невыгодное положение. Можно было бы показать, что для того, чтобы сохранение языка в определенных сферах коммуникации было экономически целесообразно, его МТГ не должна быть меньше определенного минимума по своей абсолютной величине. Вероятно, трудно использовать в качестве языка университетского образования такой язык, МТГ которого не насчитывает нескольких миллионов грамотных членов. Если численность МТГ не достигает даже нескольких тысяч человек, то использование ее языка даже в качестве языка начального образования оказывается связанным с серьезными экономическими затруднениями. Вслед за неудачей МТГ в утверждении или сохранении своего языка в наиболее важных и почетных сферах языковой коммуникации часто, как снежный ком, нарастают все новые и новые проявления его изгнания даже из самых обычных, будничных ситуаций.

В отличие от этих факторов, связанных с функционированием языка, структура какого-либо языка вряд ли может оказаться причиной его неспособности к выживанию. Многим языкам пришлось пройти значительный путь развития в лексическом и даже с грамматическим отношении, прежде чем они достигли «общеевропейского» уровня; ясно, что и любой другой язык мог бы развиваться таким же образом, если бы этому благоприятствовали социо- культурные условия.

8.7. Лингвисту важно помнить, что направление и скорость языкового сдвига не обязательно связаны с направлением и силой языкового влияния. Носители «гибнущего» языка могут передать фонетические и грамматические особенности своей речи в качестве субстрата будущим поколениям носителей языка-победителя». Но бывает — напр., у многих племен американских индейцев, — что язык умирает целиком и в нетронутым виде. Необходимость отдельного описания «внутренней» и «внешней» судеб языка является еще одним доводом в пользу объединения усилий лингвистики и других наук в деле изучения многоязычия.

Автор

проф. В.В. Дементьев